

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

В А Л Е Р И Й
БОЧКОВ

МЕДОВЫЙ РАЙ

праведникам здесь не место

нецензури-
руемая
брань! Содержит
18+

ОПАСНЫЕ ОМУТЫ _____

ПРОЗА ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА

ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:

К ЮГУ
ОТ ВИРДЖИНИИ

МЕДОВЫЙ РАЙ

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

В А Л Е Р И Й

БОЧКОВ

МЕДОВЫЙ РАЙ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Оформление серии
Петра Петрова

Издательство выражает благодарность
Ирине Горюновой
за помощь в приобретении прав на книгу
и использование фото автора на переплете.

Бочков, Валерий Борисович.
Б86 Медовый рай / Валерий Бочков. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 288 с. — (Опасные омуты).
ISBN 978-5-699-82731-2

Забудьте все, что вы знали о рае. Сюда попасть не так уж сложно, а выйти — практически нельзя. «Медовый рай» — женская исправительная колония, в которой приговоренная к пожизненному заключению восемнадцатилетняя Софья Белкина находит своих ангелов и своих... бесов. Ее ожидает встреча с рыжей Гертрудой, электрическим стулом, от которого ее отделяют ровно 27 шагов. Всего 27 шагов, чтобы убежать из рая...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бочков В., текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015
ISBN 978-5-699-82731-2

*Хроника женской тюрьмы в Аризоне
и история заключенной этой тюрьмы
восемнадцатилетней Сони Белкиной
по прозвищу Белка.*

Белку удивили две вещи — название и цвет.

Официально тюрьма именовалась длинно: «Женское исправительное учреждение имени Джулии Расмуссен». Железные буквы были приварены к стальной арке над воротами, по верху стены тянулась колючая проволока. Стена заканчивалась пузатой сторожевой башней, там, под дощатым навесом, сучал охранник в соломенной шляпе. Снаружи тюрьма напоминала крепость.

— Кто эта Джулия? — спросила Белка сержанта.

— Там расскажут, — не поворачиваясь, ответил тот. — А может, и покажут.

Он толкнул водителя локтем, и они оба заржали.

Ворота лениво раскрылись, и фургон неспешно вкатился под арку и остановился посередине тюремного двора. Сержант клацнул замком, распахнул дверь фургона. Белка вылезла, сделала два шага, осторожно ставя ноги, словно шла по льду. Сержант ловко снял с нее наручники.

— Принимайте красавицу! — весело крикнул он двум охранникам, лениво курившим у ржавой бочки, вкопанной рядом с дощатым помостом, похожим на эшафот. — А то увезу обратно.

...И цвет. Цвет неба. Здесь, в пустыне, оно было пронзительно-синим, ядовито-ярким, как раствор медного купороса. Без единого облачка. Белка привстала на цыпочки, не отрывая взгляда от узкого окошка под самым потолком. Она загадала, что если увидит птицу, то у нее все будет хорошо.

— Малахольная, что ли? — Коренастая баба в униформе пихнула ее. — Глория, присмотри за новенькой!

Грохнула дверь, лязгнул замок.

— Малахольная... — эхом повторила Белка.

Три недели назад, еще до суда, она пыталась отравиться. Таблетками для сна, голубыми, как здешнее небо. Ее откачали. Наверное, таблеток оказалось мало, она не считала, высыпала все из банки в ладонь и проглотила. Дюжины две таблеток, не больше. С тех пор у нее появилось странное ощущение, что все, происходящее с ней, ненастоящее, что-то вроде галлюцинации. Доктор сказал — последствия шока.

Белка, стесняясь наготы, боком присела, положила тюремную робу на кафель. Глория, плечистая негритянка, бритая под ноль, быстро разделась, кинула свои тряпки в угол.

— Ну ты тоща, мать! — Глория засмеялась, повернула кран. Подставила лицо под струи душа. Улыбаясь, зажмурилась.

В душевой было восемь кабин, по четыре в ряд, друг напротив друга. Дверей не было. Мыла тоже. Белка осторожно повернула кран, вытянула бледную ладонь, вода оказалась чуть теплой. Закрыв глаза, она шагнула под душ.

— У тебя, случаем, не СПИД? — фыркая, спросила Глория. — Тощая, говорю... У нас

тут была одна... Со СПИДом. Страшное дело, я тебе скажу!

Она набрала в рот воды и выпустила тонкую струю в потолок. Глория, мускулистая и ладная, цветом похожая на спелый баклажан, была на голову выше Белки. Она весело терла ладонями плоский живот и сильные ляжки. Звонко шлепнула по поджарым ягодицам. Засмеялась. Потом что-то негромко запела низким голосом. Белка тайком наблюдала за ней, она заметила, что ладони и пятки у Глории совсем светлые. Как у нее, у Белки.

— Тебя в мою камеру определили, — сказала Глория. — Я там старшая. Для тебя я бог. Каждое мое слово — закон. Сечешь?

Белка кивнула, Глория запела снова.

— А за что вы сидите? — спросила Белка. Она спросила первое, что пришло в голову. Да и какая разница, если все это тебе видится.

— Сидят на еде, — грубо ответила Глория. — А тут срок отбывают.

— Извините, я не...

— И не извиняйся! — перебила Глория. — Никогда! Если не хочешь...

Замок загремел, дверь распахнулась.

Глория, сверкнув белками, сделала страшное лицо, шепотом приказала Белке: «Молчи!»

В душевую вошел охранник.

— А вот и мыло! — Глория бесстыже уперла руки в бока, выставила лобок. — Наконец!

— Заткнись. — Охранник, в черной форме, мешковатой, будто на размер больше, даже не посмотрел на Глорию. — Новенькая, говорят, у нас.

Белка, сутулясь, повернулась боком, прикрыла локтем грудь. У нее мелко затряслась нижняя губа, она мельком взглянула в лицо охраннику и тут же уставилась в кафель стены. Старые плитки, пожелтевшие от времени, были в мелких трещинах, словно в паутине.

— Как звать? — спросил охранник тихо, почти ласково.

— Соня Белкина, верней, Софья. Белкина, — не поворачиваясь, ответила она.

— Евречка, да?

— Русская...

— Ух, как интересно. Русская. Не было у нас тут русских. Ну-ка, повернись сюда.

Белка, прижимая локтем грудь, неловко повернулась.

— Руки убрать, — сказал охранник.

Белка беспомощно опустила руки. В душевой воняло плесенью и тухлой водой, как в сыром подвале. Охранник хмыкнул, разглядывая ее грудь, сделал шаг назад, Белка ладонью прикрыла низ живота.

— Руки... — тихо повторил охранник.

Белке показалось, что вода стала ледяной. Пальцы дрожали, она крепко сжала кулаки. Лицо охранника, гладкое, по-детски розовое, словно он еще не начал бриться, выражало скуку. Так из вежливости разглядывают в гостях семейные альбомы. Белка заметила, что у него нет бровей.

Охранник поднял руку и дотронулся указательным пальцем до ее соска — будто аккуратно позвонил в дверь. Белка дернулась, ударилась затылком в стену.

— Тихо-тихо... — проговорил он, ухмыляясь.

Его гладкое, безбровое лицо приблизилось, белесые глаза с черными дробинками зрачков уставились прямо в глаза Белки.

«Господи помилуй, да ведь он просто псих, — подумала Белка, прижимаясь спиной

к ледяному кафелю. — И глаза, глаза точно как у того...»

Охранник на ощупь нашел кран, закрыл воду.

— А я тебе мыльце принес... — Он сунул руку в карман штанов. — Сейчас мы тебя купать будем... Держи мыльце. Земляничное.

Белка почувствовала, что он что-то сует ей в руку. Ее пальцы онемели, она с трудом разжала кулак.

— Ну ты чухан! — неожиданно громко воскликнула Глория. — Мыло земляничное! Что она тебе — ранетка! Не видишь, что сявка коцаная! СПИД у нее!

Охранник оглянулся.

— Что ты гонишь, белоснежка, — сказал он. — Я ж бумаги ее глядел, чистая она.

— Чистая? — засмеялась Глория. — Валяй тогда. Вперед!

Белка почувствовала, как ее колени стали мягкими, словно они были слеплены из теплого парафина. Она медленно поползла вниз по мокрой стене. Узкое окошко поехало вверх, там в бирюзе что-то мелькнуло. Птица — с облегчением подумала Белка и потеряла сознание.

2

Ночь, фиолетово-плюшевая, опустилась мягко, оставив над рекой рыжую полосу закатной подкладки. На прибрежном песке, полого уходившем в тусклую черноту реки, ждали лошади. Они пятились от воды, фыркая и переступая стройными ногами. Оранжевые блики мерцали на мускулистых боках. Человек в капюшоне (Белка лица не видела, она знала, что туда смотреть нельзя) молча ухватил поводья, лошади покорно побрели к воде. Человек забрался в лодку, отчалил.

Лошади вошли в воду, беззвучно поплыли за лодкой. Вытянутая рука держала поводья, лодка лениво скользила, из тягучей, как смола, воды торчали головы лошадей. Закат почти умер, рыжие отсветы едва вспыхивали в черных, словно спелые вишни, конских глазах.

Другой берег был покруче, но лошади, мокрые и блестящие, будто отлитые из черной стали, легко забралась наверх. Белка вместе с ними. Она с удивлением подумала, что быть ло-

шадью, оказывается, совсем не так плохо. Лошади застыли, повернули большие головы на восток. Там, вдали, у самого горизонта, словно догорающий костер, мерцали огни ночной ярмарки с качелями и каруселями, с островерхими шатрами в гирляндах и китайских фонариках. В центре высилось гигантское чертово колесо, оно медленно вращалось, на спицах пульсировали рубиновые лампы. Белка очнулась от собственного крика.

Резко воняло нашатырным спиртом. В потолок была вделана лампа в ржавой сетке, похожей на клетку для мелкой птицы. Вроде колибри, подумала Белка и слабой рукой заслонила глаза от резкого света. Она прищурилась, предметы перестали растекаться и наползать друг на друга, тени заняли более или менее подходящие им места. Нависшая каланча вошла в фокус и превратилась в Глорию.

— Очухалась, — облегченно выдохнула она.

От нее пахло ментоловыми сигаретами и еще чем-то пряным вроде мускатного ореха.

— Что... это было, — едва слышно сказала Белка, у нее не хватило сил на вопросительную интонацию. — Который без бровей...

— Вертухай. Шизик... Бесом кличут, — тихо ответила Глория. — Сержант охраны он.

Розовое бабье лицо тут же вынырнуло из памяти, Белка прижала ладонь ко лбу, словно вручную пыталась остановить кошмар. Ей показалось, что ее сейчас вырвет, она схватила ртом воздух, судорожно подалась вперед, издав смешной утиный звук.

— Воды? — Глория повернулась к жестяному баку.

Белка замычала, замотала головой. Она лежала на железной койке, прикрученной болтами к полу, другие три койки — пустые, были накрыты серыми солдатскими одеялами. Глория сунула ей в руку пластмассовую чашку с водой, Белка жадно стала глотать, вода пролилась на робу.

— Извините... — пробормотала она. — Я тут...

Глория выбила чашку из ее рук, навалилась на грудь, локтем придавила к койке. Белка от испуга перестала дышать.

— Слушай внимательно, — прошипела Глория, пялясь страшными глазами. — Повторять не буду. В «Медовом раю» всего два вариан-

та. Вариант первый: ты будешь извиняться и просить прощения, как школьница, и тогда о твою тощую задницу все начнут вытирать ноги. Все — и зэки, и охрана. И тогда твой шанс выйти отсюда равен нулю. Тебя или зарежут, или ты сама удавишься...

Глория зло сплюнула на пол.

— Вариант второй: ты соберешь всю свою волю. Если нет воли — злость. Не злость, так страх. Что угодно, но ты должна найти в себе силы. Найти силы остаться человеком. Это не красивые слова из книжки. Здесь тюрьма — второй попытки никто не даст. Облажалась — и все. Тебя просто раздавят.

Она запнулась, повторила, но уже тише:

— Просто раздавят...

Потом спросила, чуть смущенно:

— Тебе лет-то сколько?

— Восемнадцать...

— Восемнадцать... — Глория неловко провела пальцами по Белкиной щеке. — Прости меня. Я дрянь, мерзкая тварь...

— Зачем вы...

— Я знаю, что говорю. Я отсидела полсрока, но я не выйду отсюда... Я это знаю. То, что я сделала... — Она поперхнулась, сморщилась и закрыла глаза ладонью.

Снаружи завывла сирена — низкий, унылый звук, словно кто-то протрубил в рог. Лампа под потолком заморгала, погасла, потом зажглась снова вполнакала. Камера стала сумрачной и желтой.

Глория подняла голову, на щеке блестела мокрая полоска. Тыльной стороной ладони она вытерла щеку и заворуженно уставилась на лампу.

— Что это? — отчего-то шепотом спросила Белка.

Лампа пульсировала, противно зудела, как муха между рам.

— Рыжая Гертруда. — Глория тоже ответила шепотом, быстро перекрестилась. — Сейчас начнется...

— Что? Что начнется?

По коридору затопали башмаки, загремели железные засовы, кто-то настежь распахнул их дверь и заорал:

— Живо! На плац! Все на плац!

3

Гертруда стала Рыжей всего двадцать три года назад, после того, как ее покрасили эмалевой краской апельсинового цвета. Такой эмалью обычно красят ремонтные дорожные машины. Кому пришла в голову идея выкрасить Гертруду в такой дурацкий цвет — неизвестно. До этого Гертруда была крепким дубовым креслом, сработанным почти сто лет назад столяром-мебельщиком Куртом Роттенау, отбывавшим тут пожизненное заключение. Гертрудой звали покойную мамашу столяра.

Тогда, в начале прошлого века, казнь при помощи электричества приобрела популярность и в середине двадцатых доползла до южных штатов, вытеснив наконец патриархальную виселицу. Мода достигла Аризоны, и администрация тюрьмы решила не отставать от прогресса. По личной просьбе коменданта столяр Роттенау смастерил ладное кресло с прямой спинкой, а тюремный электрик приладил генератор, проводку и прочую механи-

ку — все в соответствии с чертежами, полученными из патентного бюро Альберта Саутвика.

Первая казнь прошла не совсем гладко. Осужденный Бруно Фиш (приговорен к смерти за убийство любовницы, суд присяжных потрясла жестокость преступления — убийца орудовал топором) был обрит наголо, палач приладил под колпак губку, пропитанную электролитом. Пристегнул запястья и лодыжки. Включил рубильник. Разряд тока в две тысячи вольт не убил жертву. Фиш потерял сознание, но продолжал дышать, сердце его билось. Доктор крикнул палачу: «Еще раз! Быстро!» Генератору для полной зарядки потребовалось шесть минут. Потом снова пустили ток.

Один из очевидцев после сострил — гуманней было бы зарубить его топором. Другой очевидец рассказал, что, когда ток включили во второй раз, Фиш неожиданно очнулся. Он бился и страшно кричал, из-под колпака шел черный дым. «Мне даже показалось, что из его рта лезет пламя. Я слышал, как лопнули его глаза, а от запаха горелого мяса меня чуть не вывернуло».

4

Суматоха на плацу улеглась, заключенные построились. От жары и пыли першило в горле, Белка закашлялась. Глория впихнула ее во второй ряд, сама встала рядом. В центре тюремного двора высился дощатый помост с деревянной лесенкой в три ступени. Вокруг помоста и вдоль стены стояли вооруженные автоматами охранники, рядом сидели черные, жилистые псы.

— Доберманы? — тихо спросила Белка, она кулаком терла глаза.

Глория не ответила, из переднего ряда повернулась беззубая негритянка.

— Ага! — весело каркнула старуха в лицо Белки. — Жучки, науськанные на твою сладенькую киску!

Негритянка ткнула Белку в пах большим пальцем и засмеялась.

На подиум неторопливо поднялся плотный лысоватый человек в глухом черном сюртуке вроде пасторского. Подошел к микрофону, поправил шнур. Сложил ладони на живо-

те, словно тайком поддерживал сползавшие штаны. Носатый и степенный, он напоминал сытую кладбищенскую ворону.

— Комендант... — шепнула Глория Белке. — Пасечник наш лунный.

— Почему лунный? — прошептала Белка.

— Молчи!

Комендант щелкнул ногтем по микрофону, откашлялся в сторону.

— Слышно? — непонятно к кому обратился он. — Хорошо... У нас сегодня большой день, я бы сказал — в некотором роде торжество. Сегодня, — он посмотрел на запястье, — ровно двадцать семь минут назад был приведен в исполнение смертный приговор... — Он сделал паузу. — Юбилейный приговор.

Он замолчал, словно ожидая аплодисментов. Становилось жарко. Над плацем висела тишина, было слышно, как сипло дышат доberman, высунув розовые языки.

— Наш «Медовый рай» — это единственная женская тюрьма в Аризоне, где приводят в исполнение смертный приговор. Единственная! — Он поднял указательный палец. — На всю Аризону!

Он достал белый платок, осторожно вытер лоб и макушку.

— Большая ответственность, согласитесь, — словно вежливо возражая кому-то, сказал комендант. — И вы все должны осознать... эту ответственность. И вы. — Он сделал широкий жест рукой. — Вы все... Вы все и каждая из вас попали сюда не по случайности или недоразумению. На каждой, на каждой из вас лежит грех, грех перед людьми и грех... — Он снова ткнул в небо пальцем, в кулаке был зажат белый платок. — Перед всемогущим Богом!

Он снова вытер лицо. Щурясь, поднял голову. В пустом, пронзительно-синем небе плавилось ослепительное солнце. Солнце жарило немилосердно. Белка почувствовала, что платье прилипло к спине, пот щекотной струйкой скользнул под резинку трусов.

— Я гуманист, я человек глубоко и страстно верующий, я осознаю свою миссию здесь, на нашей грешной земле, в этом грешном месте, как божественную миссию. Я — инструмент Всевышнего, я Его кнут. Его плетка!

Комендант резко взмахнул рукой, словно собирался кого-то стегнуть.

— Человек добр по своей природе. Я тоже добр. Но я послан вам во искупление. И тут нет места доброте. Ведь чем больней удар, чем кровавей рана, чем страшней ваши страдания, тут и сейчас... — Он сделал паузу, обводя взглядом плац. — Тем выше ваш шанс на спасение. На спасение души. Еще есть время, пока человек жив, жива и надежда. Никто не хочет услышать слова Всевышнего: «Ступайте от меня, проклятые, ступайте в огонь вечный, в пламя адское, уготованное для сатаны и ангелов его падших!»

Ад — место скверное. Отец наш небесный сотворил ад для вечной муки, вечной кары грешных душ. Туда же Он низвергнул сатану и его воинство. Ад — это тюрьма, смрадная темница, созданная для тех, кто решил не подчиниться Его законам. Вы здесь тоже в тюрьме, но здесь вы можете гулять по тюремному двору, у вас есть кровать, душ. Не так в аду. Как писал блаженный Ансельм, стены адской темницы толще четырех миль, там такое скопище грешников, они так стиснуты, что не могут даже вынуть червей, гложущих их глаза!

— Он что, там был, этот Ансельм? — давясь смехом, прошептала Клэр. — Посмотрел и вернулся?

— Когда я учился в духовной школе, — комендант комкал платок в кулаке, кулак казался темным, загорелым, а платок непорочно-белым, — я познал главное — Господь наш милостив. Это краеугольный камень христианского учения — милосердие. Иисус был послан на землю во искупление грехов наших, дабы вернуть нас, детей заблудших, к Отцу Небесному, в кущи райские.

— Кущи — это что, кусты? — шепотом спросила Клэр, обернувшись. — В кусты, значит?

— И пришел Искупитель! — Комендант грозно повысил голос. — Спаситель наш родился не в царском дворце, не в чертогах сановного вельможи, Он родился в хлеву. Не на батистовых простынях, не на шелке — Он родился на соломе. Тридцать лет Он работал простым плотником, в поте лица добывая хлеб для семьи Своей. Но пробил Его час, и Он, преисполненный сострадания к людям, отправился проповедовать. О чем Он говорил? Он

говорил о любви. Он говорил о любви к ближнему — возлюбить соседа своего как самого себя, говорил Он, не так сложно. Почему бы не относиться с симпатией к милой Дженнифер, что живет за соседним забором? Или к добродушному Биллу с пятого этажа? А вот вы попробуйте полюбить врага, ненавистного вам типа, один вид которого, тембр голоса которого заставляет вашу кровь бурлить как кипяток!

Комендант вытер шею платком.

— А Он смог! Его предал ближайший ученик, Его схватили ночью, схватили, как обычного бандита, преступника. Солдаты сорвали с Него одежды, били Его, толпа смеялась, плевала Ему в лицо. Его казнили мучительной смертью, Его прибили к кресту. Но даже там, на Голгофе, в час жесточайших мучений, умирая на кресте, Он нашел в себе силы простить палачей своих. Подумайте об этом!

Белка неожиданно узнала в одном из охранников Беса, того, из душевой. Он стоял рядом с помостом, сложив руки и лениво поглаживая тупорылый автомат. У нее перехватило

дыхание, сердце заколотилось. Она подалась назад, стараясь спрятаться за негритянкой из первой шеренги.

— Сестра наша Мелисса Блум, я думаю, уже предстала перед Отцом Небесным. — Комендант посмотрел на часы, словно был в курсе Божьего распорядка. — Будем уповать на Его милость.

Он поднял лицо к солнцу, поморщился и перекрестился.

Заключенные тоже начали невпопад креститься. Белка почувствовала на себе чей-то взгляд, она повернула голову и скосила глаза. За ее спиной стоял охранник с собакой, на его огромный кулак был накручен кожаный поводок. Высокий, выше других на целую голову, широкоплечий и грузный, он казался каким-то мутантом, слишком крупным для нормальной человеческой особи. Белка лишь мельком увидела его лицо — она тут же испуганно отвернулась. Левая сторона от виска до подбородка, казалось, была ошпарена кипятком, на месте глаза темнела впадина со склеенными веками.

Правый глаз, дикий, выпученный, смотрел прямо на нее.

— Господи... — пробормотала Белка и тоже начала креститься.

5

В столовой воняло хлоркой. Белка ковыряла ложкой бобовую похлебку, похожую на жирную грязь.

— За что ей балку вlepили? — спросила мулатка с татуировкой вокруг шеи.

— Мелиссе? — Глория отодвинула пустую миску. — Она баклана траванула. А после химии ее пальцы нашли на баяне, которым туза завалили.

— Подстава это! — авторитетно выдала беззубая негритянка. — Я Мелиссу знаю... Верней, знала.

Беззубая быстро перекрестилась и прижала большой палец к губам, будто целуя.

— Закрой базло! Подстава... — Мулатка лениво отмахнулась от беззубой.

Мулатка взъерошила черный ежик, расстегнула пуговицу, из-под воротника к уху вылезло, выколотое синей тушью, слово «мечь».

— Может, и подстава. — Глория поглядела на Белку. — Ну что, фисташка, не катят наши харчи?

— Не катят, — тихо ответила Белка. — Хотите?

Она подвинула миску к Глории.

Вечерняя поверка проходила без пяти десять. Заключенные выстраивались перед своими камерами, старшины проводили перекличку, докладывали дежурному по сектору. Те докладывали дежурному по тюрьме. В десять в камерах выключали свет.

Белке досталась койка у двери. Дверь была из толстых железных прутьев, между которых едва протискивался кулак. Сквозь решетку был виден кусок коридорного пола и стены с желтым отсветом тусклого фонаря. С другой стороны кровати стоял цинковый унитаз. В унитазе тихо журчала вода, а по коридору каждые полчаса, шаркая башмаками, проходил часовой.

Белка вспомнила слова Глории о силе, о воли, о злости. У нее не было ни того, ни другого, ни третьего. Желание отомстить? Даже этого уже не было. После того как ее откачали, еще там, в Сьера-Висте, ей иногда казалось, что на самом деле она умерла, а все происходящее ей снится. Ведь никто не знает, что с тобой будет после смерти? Может, это и есть загробная жизнь — бесконечная череда мерзких снов?

Она закрыла глаза. Спать не хотелось совсем. Спать она боялась, она знала, что ей приснится. Она начала считать, обычно она начинала не с единицы, а с тридцати трех. Ей нравились две тройки, она мысленно рисовала их, иногда кисточкой вроде китайской — той, что китайцы пишут свои иероглифы и рисуют стрекоз в острых листьях бамбука. Иногда она писала эти цифры стальным пером, аккуратно окуная его в черную тушь. Иногда — цветным мелом на асфальте.

Цифры появлялись и исчезали, тройку сменяла четверка, потом выплывала пятерка. Невидимая рука плавно выписывала пузатую восьмерку. После девятку. Когда перевалило

за сотню, в стройную арифметику стали протискиваться какие-то существа, какие-то суетливые насекомые, что-то вроде человекомуравьев. Они карабкались на цифры, своими липутскими пилами и молотками корежили их, расчленили. Из обломков что-то мастерили. Белка знала, что они мастерят, но она уже спала. Выпрыгнуть из этого сна было ничуть не легче, чем из предыдущего — про тюрьму. Белка покорно наблюдала за строителями. Появились полосатые шатры, островерхие, с пестрыми флажками. Закружилась карусель, зажглись разноцветные фонарики. Из темноты выплыло чертово колесо, по спицам побежали огоньки, замерцали лапочки на кабинках. Колесо вздрогнуло и медленно начало вращаться.

Белка проснулась. Сердце колотилось так громко, что ей казалось, что этот стук перебудит всех в камере. Она попыталась дышать глубже. Из коридора слышались шаги, Белка повернулась на бок, замерла и прикрыла глаза. Подглядывая сквозь ресницы, она увидела сначала тень, а после башмаки, гру-

бые, солдатского образца. Ботинки остановились перед дверью в камеру, они были огромные, какого-то невероятного великанского размера.

6

— Шить умеешь? — спросила Глория.

— В смысле? — Белка еще не проснулась, их построили в коридоре перед камерами. Было шесть утра.

Глория зло махнула рукой, ее фиолетовая кожа отливала серым, словно была посыпана пеплом. Она, топая каблуками, пошла к дежурному, доложила, что семнадцатая камера готова к водным процедурам.

В умывальной было тесно, Белке удалось подсунуть зубную щетку под струю, она выдавила пасту и начала чистить зубы. Ее толкали, она протиснулась в угол, пытаясь найти глазами Глорию или кого-нибудь из своей камеры.

— Не меня ищешь, милая... — Девушка с лиловым шрамом через всю щеку приблизилась к Белке лицом. От нее пахло хвойным лосьоном.

В туалетных кабинках не было дверей, они все были заняты. Белка решила перетерпеть, она прополоскала рот, сунула щетку в карман. Вышла в коридор. Дверь их камеры была распахнута, но все заключенные стояли снаружи по линейке.

— Быстро! — беззвучно крикнула Глория, Белка встала в строй.

В камере царил бардак — матрасы и одеяла грудой лежали на полу, два охранника вытряхивали содержимое тумбочек — белье, книги, журналы, разноцветная косметика валялись как мусор. Кто-то раздавил тюбик помады, жирная гадость краснела отпечатками каблучков на сером кафеле.

— Что это? — испуганно прошептала Белка. — Что они делают?

— Шмон это, детка! — хихикнула Клэр, беззубая негротянка. — Ищут они.

— Что ищут?

— Мобильники, бабки, наркоту...

Охранник постарше, загорелый и бритый наголо метис, грохнул на пол Белкину тумбочку, оттуда вывалились футболка, трусы, теплые носки, скрученные в бублик. Брезгливой рукой он раскидал тряпки, вывернул носки. Не поворачиваясь, крикнул:

– Старшая! Ко мне!

Глория подошла вплотную к решетке.

– Чье хозяйство?

– Новенькой... Заключенной Белкиной.

– Отлично, – бритый выпрямился. – Где она?

Белку повели по коридору мимо камер, потом по железной лестнице вниз, в подвал. Молодой охранник, почти пацан, распахнул дверь, бритый метис втокнул Белку внутрь. Дверь захлопнулась. Комната, слепая, без окон и без мебели, была выкрашена красной масляной краской. Красными были пол и потолок. Белка подошла к стене, зачем-то провела пальцами по скользкой, будто потной краске.

– Холодная... – прошептала Белка.

Ей вдруг показалось, что она здесь уже была, в этой комнате, что все это уже виделось ей в

каком-то кошмаре. Она даже знала, что последует дальше — вот сейчас раскроется дверь и сюда войдет тот жуткий, с детским розовым лицом.

Дверь открылась, в комнату вошел Бес. Он оглядел стены, потолок, словно попал сюда впервые. Выглянул в коридор.

— Лукас, свободен. Я тут сам...

Захлопнул дверь, повернулся к Белке.

— Русская... — Он улыбнулся, на щеках появились ямочки. — Интересно...

Белка попятилась, уткнулась спиной в стену.

Бес подошел ближе, она вдохнула приторный дух земляничного мыла.

— Интересно... — повторил он. — Смотри, что у тебя нашли. В твоей тумбочке.

Бес осторожно раскрыл ладонь, словно там была бабочка. На ладони лежал маленький пластиковый пакет с чем-то белым, похожим на соль.

— Это не мое, — твердо сказала Белка. — Не мое...

— Я знаю, — ласково кивнул ей Бес. — Конечно, не твое. И полицейского тоже не ты застрелила.

— Ранила...

— Ну ранила, — согласился Бес. — Ранила. Правда, он пока еще в госпитале. И все еще в коме. И врачи не очень оптимистичны. Ты догадываешься, что это значит?

Бес заглянул ей в глаза, Белка не ответила.

— А это значит, что если он умрет, то твои десять лет строгого режима, — Бес щелкнул пальцами, — тут же превратятся в пожизненное заключение без права на апелляцию. Вот что это значит.

Бес приблизил лицо, облизнул губы.

— И еще это значит, что нам предстоят длительные и очень близкие отношения. Я бы даже назвал их интимными. Понимаешь?

Белка прижалась спиной к холодной липкой стене.

— Знаешь, что самое неприятное в тюремной жизни? — Бес говорил вкрадчиво, почти нежно. — Скука. Да, именно скука. Каждый следующий день похож на предыдущий, январь

не отличить от августа, прошлый год точная копия года грядущего. Ску-у-ка.

Он закатил глаза и притворно зевнул.

— Но, впрочем, тебе скука не угрожает. Я об этом позабочусь сам. Кстати, как ты думаешь, почему эта камера выкрашена в красный цвет?

— Кровь... — пробормотала Белка. — Чтобы кровь не было видно...

— Что? — Бес засмеялся. — Господи, при чем тут кровь. Ты знаешь, что такое афродизиак? Нет?

Он осторожно раскрыл пакетик, поддел на ноготь большого пальца горку белого порошка.

— Раньше использовали экстракт кокки, яд некоторых грибов, толченый рог носорога, мускус и мирру. Сегодня нам на помощь пришла химия — величайшая из наук. Человек на самом деле всего-навсего сумма химических реакций. Печаль, радость, даже ощущение счастья, по сути, лишь результат взаимодействия химических элементов внутри нашего организма. Достаточно одной таблетки — и ты на вершине мира!

Бес тихо засмеялся.

— Впрочем, вот эта смесь кокаина с поппером — это скорее любовный эликсир. — Он приблизил ноготь с порошком к лицу Белки. — Можно вдохнуть через нос, можно натереть десны, что, на мой взгляд, вульгарно. Даже пошло. Я предпочитаю другой способ приема данного снадобья.

Он улыбнулся, опустил глаза.

— Я называю этот способ — клиторо-вагинальным. Несмотря на медицинскую неблагозвучность, эффект неизменно потрясающий. Набожная монашка, фригидная снулая рыба, законченный синий чулок превращается в неистовую нимфоманку. Ты не поверишь...

Бес засмеялся, поднес ноготь к ноздре и с шумом вдохнул порошок.

Его тут же будто пробил электричеством — он вскрикнул, вытянулся, запрокинув голову, часто затопал каблуками, словно хотел станцевать что-то испанское.

— Ха! — Он ударил кулаком в ладонь. — Ха! Ну сволочь! Вот крепкая дрянь!

Зажмурившись, замотал головой.

— Вот сволочь!

Белка вжалась в стену, словно боясь потерять равновесие.

Бес вскинул голову, вперил в нее глаза, выпученные, в красных прожилках. Руки его тряслись, он ухватил ее за ворот платья. Белка вскрикнула, беспомощно оттолкнула, Бес засмеялся, будто залаял.

Белке стало жутко.

Бес страстной скороговоркой шипел ей что-то в ухо. Она услышала, как затрещало платье, как запрыгали по полу вырванные пуговицы. Бес сорвал лифчик, впился слюнявым ртом ей в грудь. Белка закричала, но вместо крика получился тихий стон, похожий на выдох. Она видела розовое ухо, маленькое и аккуратное, как у ребенка, она не могла отвести взгляда от этого уха, ухо было совсем близко. Стена вдруг стала куда-то отодвигаться, пол качнуло, будто комната отчалила и поплыла. Белка оступилась, расставила ноги, чтоб не упасть.

Бес сжал ее ягодицу, потом ухватил ладонью лобок, Белка пыталась коленом оттолкнуть его, но пинала вяло и беспомощно. Он вцепился в трусы, скомкав материю, с силой

рванул. Звонко треснула резинка, затрещала тонкая тряпка. Белка вскрикнула — она почувствовала его пальцы внутри себя. Не отдавая себе отчета, Белка наклонила голову. Ухо было совсем рядом.

7

Ее били, потом кинули в карцер.

Этот карцер по неизвестной причине в тюрьме называли «Баюн». Там не было окон, не было света, пол, по форме напоминавший неправильную трапецию, шел под уклон.

Белка пришла в себя. Она открыла глаза, стала пялиться в темноту, надеясь хоть что-то разглядеть. Поднялась на четвереньки, медленно, на ощупь добралась до стены, встала. Покатый пол, невидимый и скользкий, попытался накрениться. У Белки закружилась голова, ей почудилось, что она идет по зыбкому подвесному мосту.

Дойдя до угла, она остановилась. С углом тоже было не все ладно, он был какой-то тесный, никак не девяносто градусов. В полной

темноте, без зрительного подтверждения, сознание, не доверяя тактильным ощущениям, пыталось навязать привычный порядок — горизонтальный пол, прямые углы. Белка, раскинув руки, вжалась спиной в угол. Ее начало мутить. Она сглотнула, во рту было сухо и горько.

Белка вдруг поняла, что на ней нет никакой одежды, что она совершенно голая. Она провела ладонью по бедру, по груди — ничего. Ей тут же показалось, что она начинает мерзнуть. Она, скрестив руки, прижала локти к животу, присела на корточки.

Тут послышался шорох. Звук был негромкий, словно кто-то в темноте лулгал семечки. Белка перестала дышать. Шорох то усиливался, то замолкал. Белке показалось, что звук начал перемещаться вправо. Потом пополз вверх.

— Господи... — прошептала Белка, обнимая колени и крепко прижимая их к груди. Нужно постараться занять как можно меньше места, нужно затаиться, исчезнуть. Она облизнула сухие губы, нижняя распухла и пульсировала тупой горячей болью. Нужно затаиться, тогда этот, который шуршит, ее не заметит. Ему же

тоже темно. Будет себе лузгать свои семечки. Это ж какой-нибудь несчастный мышонок, кроха, не больше пальца. Маленький симпатичный мышонок.

Шорох раздался откуда-то сверху, громче и ближе. Явно ближе. И как он забрался на стену? Если это мышонок? Разве мыши могут перемещаться по стене? Нет, не могут. А кто может? Кто?

Звук приближался справа. Белка бесшумно выпрямилась, на цыпочках сделала два шага, замерла снова. Теперь ей казалось, что она слышит, как что-то хрустит, громко и равномерно, словно кто-то бойко работает челюстями. Она попятилась, к хрусту добавились тугие удары, мерные, как стук резинового молота. Белка не сразу поняла, что это кровь стучит в ее висках.

Внезапно хруст оборвался. Темнота теперь звенела и плыла чернильно-багровыми кругами. Белка втянула голову в плечи, приблизила ладони к лицу, защищая глаза. Застыла. В полной тишине что-то сухое и колючее коснулось ее спины. Белка закричала, бросилась вперед и на всем ходу влетела в стену.

8

— Нет, продолжайте максиган в той же дозировке. Добавьте элениум дважды по пять миллиграммов.

— А ноотропил? Мы всегда при сотрясении кололи...

— Нет. Кавинтон. Я тут все написал... Вот — три раза по пять грамм. Но не раньше субботы.

Хлопнула дверь, Белка чуть приоткрыла глаза. Суббота — это когда? Был виден угол стены и часть потолка с желтоватым пятном, похожим на крыло птицы. Воняло плесенью и какой-то медицинской дрянью. Крыло птицы неожиданно превратилось в профиль носа того разбойника. Голова Белки была налита свинцом — унылым серым металлом, мягким, но невероятно тяжелым. Виски ломило. Она закрыла глаза и равнодушно подумала, что смерть иногда не самый худший вариант. Что все зависит от обстоятельств.

В следующий раз, когда она вынырнула из теплой тьмы, рядом кто-то сипло дышал. Еще

настырно жужжала муха. Потолок казался лиловым, носатый разбойник — хитрый хамелеон успешно мимикрировал в синее и стал почти неразличим. Белка с трудом повернула голову, это заняло минут пять. На углу тумбочки, потирая лапки, сидела изумрудная муха.

На соседней койке лежал некто, завернутый как мумия в белые тряпки. Запястья и лодыжки мумии были пристегнуты грубыми рыжими ремнями к железным прутьям кровати. Лицо, торчащее из бинтов, казалось темным, словно копченым. На Белку пристально смотрел блестящий глаз.

— Здорово. — Голос у мумии оказался хриплым, но женским. — Проснулась, пиранья?

— Что? — Язык Белки распух и едва двигался. — Кто?

— Под хвост долото! — Мумия сишло заржала. — Ухо-то Бесу едва пришили.

Память Белки милосердно припрятала этот эпизод на самое дно, закидав обрывками давних снов и забытых кошмаров. Белка даже не была уверена, что та история в красной комнате произошла на самом деле.

— А когда... — Она запнулась. — Когда это...

— На той неделе. Дня три о тебе только и говорили. Русская пиранья!

За дверью слышались шаги, щелкнул замок. Соседка замолчала. В палату вошла негритянка в тугой косынке и белом халате. Она включила свет, лампа ярко вспыхнула, спираль тонко запела. Негритянка боком приблизилась к Белке, равнодушно откинула одеяло.

Белка укола не почувствовала. Но почти сразу воздух будто загустел, стал тягучим, как расплавленное стекло. Время словно забуксовало, Белка с вялым интересом следила, как муха трет мохнатые лапки, сидя на углу тумбочки.

Дверь хлопнула. Белка услышала, как, тихо потрескивая, остывала лампа над головой. В нарастающей темноте проплыли красные круги, потом погасли и они. Белка ощутила, как в густеющем мраке происходит какое-то движение. Она уловила странную метаморфозу, не услышала, но, подобно летучей мыши, запеленговала это. Чувство пространства обострилось, ей почудилось, что стены, пол

и потолок медленно тронулись и начинают разгон.

Белка поняла, что уже спит.

Воздух посвежел, откуда-то пахнуло рекой. Послышался тихий звон, словно кто-то пересыпал мелкие ракушки из ладони в ладонь. Донесли едва слышимые детские голоса, они кого-то звали. Белке удалось разобрать — они кричали «Саламанка!».

Она разглядела его, Саламанка вполоборота стоял на границе светового круга. Он улыбался и манил ее рукой. Худое запястье, узкая ладонь. Белка с опаской привстала, осторожно выпрямилась, сделала шаг. Еще один. Саламанка отступил во тьму. Белка теперь различала его статный силуэт, чернота уже не казалась такой непроглядной. Из темноты выступили очертания шатров с флажками, силуэты каруселей и огромного чертового колеса.

Белка закричала, но крика не получилось. Воздух, плотный, как быстрый водный поток, начал тянуть ее в сторону луна-парка.

9

Утром соседняя койка была аккуратно заправлена грубым солдатским одеялом. После душа Белке выдали линялое платье бурого цвета с костяными пуговицами и заношенное сероватое белье — трусы и лифчик. От тряпок воняло хлоркой. Белка вытерлась, медленно оделась. Медсестра-негритянка с молчаливым безразличием наблюдала за ней.

— А где... — Белка кивнула в сторону соседней кровати.

— Иди. — Негритянка подтолкнула ее к двери. — Тебя ждут.

Охранник, молодой парень с выбитым передним зубом, повел ее узким коридором, в низкий потолок через равные промежутки были вделаны тусклые фонари. Белка не могла идти быстро, голова была набита тупой ватной болью, каменный пол то дыбился, то уплывал куда-то вниз. Несколько раз она ловила стену рукой и останавливалась. Охранник нетерпеливо подталкивал ее в спину.

Гулко топая, они поднялись по крутой винтовой лестнице, спаянной из железных прутьев и выкрашенной в ярко-желтый цвет. Как цыпленок, подумала Белка и улыбнулась. Как цыпленок... Она шла впереди, охранник поднимался за ней. Она кожей ощущала на себе его взгляд. На своих ляжках и ягодицах.

— Все разглядел? — зло повернулась к нему Белка. — Или мне трусы снять?

Вошли в пустой холл. Охранник подтолкнул ее к высокой двери. Она раскрыла одну створку, боком вошла и остановилась. За дверью оказалась неожиданно светлая комната, залитая ярким солнцем, с большими чистыми окнами во всю стену. У дальнего окна, заложив руки за спину, стоял комендант тюрьмы Хейз.

— Садись. — Он мельком оглянулся и снова уставился в стекло. — Занятная штука эта жизнь. Я хотел стать священником, а оказался тут, в тюрьме. Мы с тобой по разные стороны решетки, а по сути, и ты и я — мы оба в тюрьме. Занятно...

Он невесело усмежнулся, выдохнул на стекло, наблюдая, как тает туманный овал, а за

ним проступает тюремный двор, вышка, часовой в соломенной шляпе, плоская пустыня с таким же плоским, пустым небом.

Белка опустилась на простой деревянный стул. Зажав ладони между колен, стала оглядывать кабинет. Пол был выложен светлыми березовыми досками, из светлой березы был и письменный стол. На белой стене висела метровая фотография полной луны.

— Этот снимок сделан с борта «Аполлона-13». — Комендант не спеша направился к Белке. — Ты слышала про «Аполлон-13»?

Белка помотала головой, разглядывая фотографию. Отчетливо виднелись кратеры, горные хребты и пустынные поля, усеянные камнями. Вся поверхность была покрыта слоем белесой пыли, словно кто-то обсыпал Луну мукой.

— Ты суеверная? — Комендант присел на край стола. — Черные кошки, разбитые зеркала, цифра тринадцать...

— Не знаю... — Белка пожала плечами. — Мама моя...

При чем тут мама, подумала она и замолчала. Комендант разглядывал ее, покачивая ногой, как маятником. Потом перевел взгляд на фотографию Луны.

— «Аполлон-13»... Мало того... — задумчиво начал он. — Мало того, что это была тринадцатая экспедиция к Луне. Так еще старт корабля состоялся в тринадцать часов тринадцать минут. Как тебе такая история?

Комендант ухмыльнулся.

— Неполомки начались сразу — центральный движок первой ступени выключился на две минуты раньше. Мне было четырнадцать лет, а я помню все, как сейчас. Серый экран телевизора, голос диктора... — Он покачал головой. — У памяти странное свойство, некоторые события остаются живыми, словно случились только что...

Он задумался, потом прошелся к окну, постоял, словно разглядывал что-то вдали. Медленно вернулся к столу.

— Лунный модуль планировали посадить тут... — Он ткнул указательным пальцем в седой бок Луны. — Рядом с хребтом Фра Мауро. Там

интересная геология, предыдущая экспедиция... — Он запнулся. — Впрочем, это неважно. Первая авария случилась на третьей сутки — тринадцатого апреля.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — Белка посмотрела коменданту в глаза.

— Слушай. Ты слушай. Потом все поймешь. Тринадцатого апреля, экипаж только закончил сеанс связи с Землей. Прямая связь из космоса на экране твоего телевизора, фантастика, представляешь? А через шестнадцать секунд после окончания связи взорвался кислородный бак и тут же вышли из строя две из трех батарей электроснабжения. Температура в отсеке упала до пяти градусов Цельсия. Вышел из строя кислородный генератор, в результате взрыва отказал бортовой компьютер и стала невозможной навигация и корректировка. Потом появились проблемы со связью. В Управлении полетом был создан штаб по спасению, там просчитывались и отработывались разные варианты. Но я думаю, мало кто верил, что экипаж вернется на Землю.

Комендант замолчал. Белка перевела взгляд на Луну. Неожиданно из хребтов и кратеров сложилось лицо старухи, старуха ухмылялась.

— Они дрейфовали по орбите, выходили на связь, кислорода оставалось на пять суток. Все идеи возвращения на Землю, одна за другой, отбрасывались, признавались невыполнимыми. Поломка двигателей, разгерметизация спускаемого аппарата — казалось, что выхода нет. Пока второму пилоту не пришла идея использовать для спуска на Землю лунный модуль — капсулу, в которой астронавты должны были прилуниться.

Комендант выдержал паузу и торжественно закончил:

— Восемнадцатого апреля лунный модуль приводнился в районе Гавайских островов. Кислорода на борту оставалось на два часа. Всех членов экипажа наградили «Медалью Свободы», высшей наградой для гражданских лиц. Второго пилота звали Фред Хейз. Это был мой старший брат.

Комендант молча смотрел сквозь Белку, задумчиво и хмуро.

— Он меня потом спросил — ты нас похоронил? Я честно сознался — да. Я не смог сдержать ему, хоть мне очень не хотелось говорить правду. Тогда он мне сказал: «А я верил, что мы выкрутимся. Ни секунды не сомневался. А главное, я понял, что только я, и я один, решаю, жить мне или умереть. И до тех пор, пока я не поставил на себе крест, я жив. Жив, понимаешь!»

Он снова замолчал, потом наклонился к Белке.

— У меня очень скверная новость. Полицейский, не выходя из комы, умер сегодня утром. Прокурор выдвигает против тебя новое обвинение, он будет требовать смертной казни. Заседание суда назначено на семнадцатое.

Белка рассеянно царапала ногтем угол стула.

— Ты поняла? — тихо спросил Хейз.

Белка кивнула и едва слышно прошептала:

— А семнадцатое, это когда?

Лицо ее стало серым, словно сырой гипс. Она прерывисто вдохнула и медленно, словно дурачась, стала валиться набок.

10

До семнадцатого оставалось две недели.

Когда Белка вернулась в свою камеру, все уже знали и о пересмотре дела, и о дате суда.

— Ну, до суда еще дожить надо! — успокаивала Глория. — Давай решать проблемы по мере их поступления.

— Ага! — встряла беззубая Клэр. — А то не ясно, что за легавого ей балку влепят по самый небалуй!

— А если адвокат...

— Хер горбатый, а не адвокат! — возмутилась Клэр. — Ну какой у этой сявки адвокат? Ей дадут бесплатного доходягу, который не то что мокрушницу, мать Терезу не смог бы защитить. Адвокат, мать вашу! Как дети, честное слово...

Белка молча села на койку. Все верно — ее адвокат, адвокат из Союза защиты гражданских свобод, которого тогда приставили к ней, — мятый тип, похожий на тихого алкоголика, — она видела его всего дважды — двадцать минут в камере, где он, раскрыв потасканный портфель, перекладывал мятые бумажки, и второй

раз в зале суда. Там он сбивчиво читал с листа, пару раз переврал ее фамилию, называя то Бокланд, то Кембел. На столе перед присяжными в качестве вещественного доказательства лежал дробовик «Ремингтон». К стволу была привязана веревка с картонной биркой, похожей на ценник. Адвокат иногда поднимал глаза и смотрел куда-то в угол, там стоял сине-оранжевый флаг штата Аризона. На присяжных, смиренно сидевших за деревянной загородкой, точно овцы в загоне, он не взглянул ни разу.

— После суда апелляцию в Верховный Суд подашь, — советовала мулатка с выколотым словом «мечь» на шее. — Вон, Мелисса почти три года после приговора...

— Ну да, все верно! — поддержала Глория. — Апелляция. Там у них чертова прорва прошений, я слышала, в Канзасе один мужик почти десять лет под вышкой прожил.

— А потом? — негромко спросила Белка.

— Ну а что потом? — растерялась Глория. — Потом... Понятное дело... Ну так это ж потом. Все там будем...

Она запнулась и рассеянно перекрестилась.

11

Отец принес «Ремингтон» в начале августа. Четырехзарядный помповый дробовик шестнадцатого калибра с облезшим прикладом, на котором кто-то не очень умело вырезал слово «тихий» — то ли кличку владельца, то ли ружья.

Луна-парк открыли в День поминовения, который по традиции отмечается в последний понедельник мая. К середине лета их захолустный Сан-Лоредо, известный до этого лишь кирпичным заводом, руинами мексиканской церкви восемнадцатого века да чесночными пончиками «капасидо», стал самым посещаемым из всех маленьких городков штата Аризона.

Карусели, аттракционы, гигантское чертово колесо стали отличной ширмой для «Лос-Растрохос», колумбийского наркокартеля, специализирующегося на экспорте кокаина, метамфетамина и героина. После ареста Энрике Серна картель возглавил его брат Хавьер Антонио. За аналитический ум и скрупу-

лезное продумывание операций он получил прозвище Шахматист.

Амбициозный Шахматист провел структурные изменения, создав картель нового типа — мобильную организацию, оснащенную новейшей техникой и средствами связи. В ультрасовременных лабораториях он начал массовое производство синтетического метамфетамина, дешевого и модного наркотика.

Рынок сбыта, оставшийся от брата Энрике, уже не устраивал Шахматиста. Он решил двинуть на север. В первую очередь его интересовал юг Соединенных Штатов. Сан-Лоредо и весь юг Аризоны до этого контролировал мексиканский «Орден Тамплиеров», патриархальный клан с советом старейшин и человеческими жертвоприношениями на инициациях.

В результате передела сфер влияния были уничтожены несколько приграничных мексиканских городков — форпостов и перевалочных баз «тамплиеров». «Тамплиеры» сдали свои позиции, но недавно избранный президент Мексики Энрике Ньето объявил войну с наркомафией своим главным приоритетом.

За предыдущие шесть лет на территории Мексики в результате нарковойн погибло более семидесяти тысяч человек.

В ответ на проведенную мексиканской полицией операцию Шахматист развернул кампанию тотального террора — по его приказу убили одиннадцать мэров, расстреляли сотню полицейских, взорвали несколько полицейских участков. Городок Сьюдад-Хуарес на неделю вообще остался без полиции — после взрыва в управлении полиции все оставшиеся в живых полицейские подали заявление об отставке.

Когда отец принес дробовик, мать устроила скандал и весь день не разговаривала с ним. Вечером в новостях показывали полицейский репортаж, красивая белозубая дикторша взволнованным голосом попросила убрать от телевизора детей. На восточной окраине Сан-Лоредо, за брошенным кирпичным заводом обнаружили восемь обезглавленных трупов. Среди убитых была девочка лет семи.

Трубу кирпичного завода было видно из их кухни, а до фабричных ворот минут пятнадцать быстрым шагом. Там раньше работал

отец Белки. Завод закрыли прошлым маем, с тех пор отец работу так и не нашел. Тот факт, что на этом заводе работала половина Сан-Лоредо и что вместе с отцом остались без работы почти все их знакомые, семью Белкиных утешал мало.

Мать предлагала переехать. Уехать на север, в Вермонт или Нью-Хэмпшир, начать с нуля — заняться разведением пчел или форели, каким-нибудь фермерством, выращивать эти органически чистые овощи и салаты, которые сегодня продают за сумасшедшие деньги. Она находила в Сети какие-то огородные блоги и восторженно зачитывала оттуда чудесные истории сказочного обогащения продавцов укропа и редиски.

К декабрю отец был согласен на все — два месяца назад он получил последний чек пособия по безработице. К декабрю отец уже был готов переехать куда угодно — в Вермонт, Нью-Хэмпшир, на Марс, к черту на рога. Сбережения были на нуле, для переезда нужны были деньги, нужно было продать дом. Однако выяснилось, что продать их дом практически невозможно: желающих жить на захолуст-

ной окраине с видом на мертвые трубы кирпичного завода не нашлось.

Отец продолжал рассылать резюме. После кризиса строительная индустрия так и не очухалась и потребность в кирпиче оставалась почти на нуле. Отец считался отличным оператором печей для обжига, он любил рассказывать, что именно из его кирпича сооружен постамент памятника генералу Джеку Свиллингу в столице штата, городе Феникс. И еще несколько знаменитых зданий, включая новое здание Дворца Правосудия.

По странной иронии именно в этом Дворце Правосудия Белке дали десять лет строгого режима и именно туда ей снова предстояло отправиться семнадцатого числа.

12

Бес не показывался два дня. На третий Белка увидела его на плацу, куда их вывели из цеха на перекур. Голова Беса была обмотана бинтом, словно у него болел зуб. Белый бинт казался самым ярким пятном в унылом

охристом пейзаже тюремного двора. Белка инстинктивно втянула голову, спряталась за Глорию. Но Бес успел ее заметить.

Он долго смотрел в их сторону, лениво морщась от солнца. Потом не спеша направился к курилке. Он шел, поглаживая тупорылый автомат, иногда пинал мелкие камешки. Он шел к ним, шел и улыбался.

Белка вцепилась Глории в рукав.

— Тихо-тихо, — прошептала Глория, быстро затягиваясь. — Он тут не посмеет.

— Ага. — Беззубая Клэр ткнула окурком в край железной бочки. — Не посмеет!

Быстро бросив окурочек, Клэр обошла бочку и встала за ней, две другие женщины тоже отошли в сторону. Не доходя пяти шагов до курилки, Бес остановился. Он не брился несколько дней, на щеках и подбородке появилась щетина, редкая и рыжеватая. Белка встретила с ним взглядом, не выдержала, тут же опустила глаза.

Глория сунула кулаки в карманы платья. Исподлобья следя за Бесом, она закусила фильтр зубами, выпустила дым. Белка часто дышала ей в бритый затылок. Бес подошел вплотную.

Снял автомат с предохранителя, нежно провел ладонью по вороненому металлу. Указательный палец лег на курок. Глория выпрямилась, ствол ткнулся ей в солнечное сплетение.

— Курить очень вредно. — Бес левой рукой вынул сигарету изо рта Глории. — Это очень, очень дурная привычка.

Он брезгливо отбросил окурочок в сторону.

— Во всех делах твоих помни о конце твоём, как говорил Экклезиаст. — Бес понюхал свои пальцы. — Смерть, Страшный суд, вечное пламя ада... Небось кошмары по ночам мучат? Ручки детские из колясочки тянутся — мама, мама!

Он сказал это, кривляясь, писклявым голосом. Глория, опустив голову, исподлобья смотрела ему в лицо.

— Но неужели ты настолько глупа, что думаешь... — Бес приблизился к ней вплотную, поморщился. — Фу, как от тебя воняет! Неужели ты думаешь, что твоя забота об этой мрази, — он кивнул на Белку, — искупит твой грех? Неужели ты и вправду думаешь, что грех детоубийства вообще можно искупить?

Дальнейшее произошло с молниеносной быстротой.

Глория зарычала, рванулась вперед, словно хотела свалить Беса. Тот резко ушел вбок. Ловко перехватив автомат, коротким тычком ударил Глорию прикладом в подбородок. Раздался хруст, Глория, запрокинув голову, по инерции сделала еще два шага и тихо опустилась в пыль.

Бес сунул в рот свисток.

Через двор к курилке бежали охранники, доберманы, звонко гавкая, рвали поводки из рук. Глорию, с серым от пыли лицом, поволокли, как большую куклу, в сторону караулки. Все заняло несколько секунд, не больше пятнадцати, Белка даже не двинулась с места. Бес вынул свисток изо рта.

— Тебе больно. — Он подошел к ней и ухмыльнулся. — А ведь я даже не дотронулся до тебя. Пока не дотронулся.

Он сплюнул и пошел неспешным шагом к караулке. Вдруг остановился, словно что-то вспомнив, обернулся.

— Хочу насладиться ожиданием. Ты знаешь, иногда ожидание праздника гораздо приятней самого праздника. А праздник, праздник — он будет! Я тебе обещаю!

13

Белка с остальными спустилась в цех, тут уже стрекотали швейные машинки второй бригады. Перекур закончился. Белка придвинула табуретку, включила мотор. Проверила шпульку, натяг нити, плотно ли прижимает лапка материю. Все, как учила Глория.

Они шили флаги. Национальные, звездно-полосатые – тринадцать полос, белых и красных, плюс пятьдесят белых звезд на синем фоне, и флаги штата Аризона – сине-красные с рыжей звездой, от которой расходились желтые лучи. Кроили флаги в первом цехе, здесь, во втором, они получали разрезанные на полосы разноцветные тряпки. Они их сшивали двухнитиевым челночным швом, Белка уже знала, что этот шов гораздо прочнее цепного, поскольку не распускался при обрыве нити, да и нити на него уходило почти в два раза меньше. В углу сидела Дорин-оверлочница, мрачная лесбиянка с хозяйской ухваткой, короткой мужской стрижкой и стеклянным глазом, который выглядел гораздо живее на-

стоящего. Дорин оверлоком обшивала флаги по краю и вшивала в угол белую тряпочную этикетку, на которой стояла мелкая надпись: «С гордостью сделано в США». Глория смеялась, что им платят чуть меньше, чем в Китае, и чуть больше, чем в Индонезии. Сделано с гордостью и почти что даром — говорила она.

Работали так: Белка сшивала желтые лучи с красным полем. Шесть желтых полосок и семь красных. Беззубая Клэр пришивала ультрамариновое поле. Глория вшивала в центр рыжую звезду. После передавала Дорин, та обшивала по периметру, вставляла в шов этикетку про гордость. Складывала пополам, потом еще и еще раз. Все — флаг Аризоны готов.

В мутное окно полуподвала был виден дальний кусок плаца и вход в караульное помещение. Белка каждые пятнадцать секунд вытягивала шею, всматривалась в грязное стекло — снаружи ничего не происходило, чьи-то ботинки бесцельно маячили перед самым окном, кто-то входил и выходил из караулки, дверь бесшумно, как во сне, открывалась и закрывалась. Потом она увидела Глорию. Ее вывели под руки.

Белка вскочила, подбежала к окну.

— Эй! — крикнула ей староста второй бригады — Белка даже не повернулась.

Сквозь пыль окна и из-за стрекота швейных машин происходящее снаружи выглядело как немое кино, мутное и не очень понятное. Вот Глория споткнулась, едва не упала. Ее грубо подхватили, трянули, поставили на ноги. Рядом бесновались два добермана — юрких, как два хлыста, и тоже немых. Откуда-то сверху опустилась клетка, охранники втолкнули Глорию внутрь. Беззвучно захлопнулась решетчатая дверь, охранник что-то крикнул, подал кому-то знак рукой. Клетка медленно поползла наверх и исчезла из видимости. Белка, присев, прижалась щекой к стеклу — двор, кусок стены, клетки видно не было.

— Что это? — Она растерянно обернулась. — Что это было?

Швейные машины весело трещали, пестрые тряпки флагов карнавальными драпировками топорщились на столах, живописными складками сползали на пол. Заключение работали. Белка глаз не видела, лишь линиялы

платки, затянутые на головах, согласно тюремному правилу.

— Вы что? — тихо спросила она, отходя от окна. — Что с вами?

Машинки продолжали стрекотать.

— Это ж Глория! Она ж... — Белка подбежала к Клэр. — Она ж вам как сестра!

Беззубая подняла злые глаза на миг, не останавливая шитья.

— Вы ж видели... — Белка оглядела цех. — Все видели. Ведь он сам, она даже не сказала ничего. Как же... Ну как так! Дорин! — Белка ухватила оверлочницу за плечо. — Ну ведь надо что-то делать? Дорин!

Та встала, приблизила лицо. Белке показалось, что она увидела страх на дне ее стеклянного глаза.

— Дура, — тихо произнесла оверлочница. — Он только этого и добивается. Чтоб ты закатила истерику.

Большими красными руками она без видимого усилия приподняла Белку и усадила за ее стол. Белка дернулась, хотела встать, хотела что-то еще сказать.

— Шей! — приказала Дорин. — И молчи.

Белка опустилась на табуретку, проверила пальцем нить, прижала материю лапкой. Мотор затрещал, игла запрыгала азартным зигзагом, втыкаясь то в красное, то в желтое. Белка кусала губы, морщилась, но слезы все равно потекли. Они текли и капали, расплываясь темными кляксами на красно-желтом поле флага Аризоны.

14

В конце смены обе бригады вывели из швейной и выстроили в шеренгу на плацу.

— Вверх смотреть! — скомандовал охранник, коренастый битюг с румяной шеей. — Вверх!

Клетка висела на уровне второго этажа. Из узкого чердачного окна центральной башни, словно клюв, торчала балка с колесом и цепью. Один конец цепи уходил в чердачное окно, другой был припаян к кольцу на крыше клетки.

Глория не двигалась, она лежала, похожая на ворох тряпья. Между прутьев решетки све-

шивалась нога, смуглая, почти шоколадная, но с розовой пяткой. От этой беззащитной белизны Белке захотелось выть.

Охранник, покачиваясь на каблуках, прошелся взад и вперед, вглядываясь в лица заключенных. Потом достал сигарету, долго разминал ее. Так и не закурив, сунул обратно в пачку. Неспешной походкой пошел к караулке. Не оглядываясь, вошел внутрь. Хлопнула дверь, и над плацем повисла тишина.

— Она без сознания, — кто-то тихо сказал. — Вишь, даже не шевельнется.

— Чухна! Да ты видела, как Бес ей прикладом! Тут, мать твою, не то что шевелиться...

— Тихо! — Белка узнала южный говор бригадирши из второй. — Атас цинкует, курвы!

Через двор шел охранник с доберманом, это был тот урод-великан с ожогом на поллица. Он, не останавливаясь, поглядел вверх, на клетку, потом на заключенных на плацу. Доберман, мускулистый, лоснящийся, словно отлитый из черной стали, упруго бежал рядом.

— Кит это, — сказала беззубая Клэр. — Контуженный.

— А что у него с лицом? — спросила Белка.

— Обгорел, что ли, хер его знает.

— Муджахеды его в Афгане...

— В Фигане! Много ты знаешь, сявка...

— Кончай базланить! — зашипела бригадирша. — Всю ночь хотите на плацу загорать, сиповки потные?

За крепостной стеной тюрьмы, за башнями, за вздыбленными, как застывшие волны, барханами растекалась оранжевая муть заката. Там плавилось солнце, чуть сплющенное и похожее на нежный желток. От него струился тягучий жар — нижний край облака загорался ярким волшебным светом, то вспыхивая переливчатой ртутью, то умирая сизым перламутром.

Запад был красив и по-женски томен, а вот к югу небо темнело, наливалось свинцовой синевой, словно там зрела какая-то беда. Оттуда дул упругий ветер, знойный и колючий. По рыжим барханам скользили волны пыли, призрачные и похожие на оптический обман — казалось, что пустыня дышит подобно океану.

Белка облизнула сухие губы, на зубах захрустел песок.

— Дождь... — сказала она неизвестно кому. Сплюнула и вытерла губы тыльной стороной руки.

Солнечный шар коснулся горизонта и неожиданно стал багровым. Желток превратился в нарыв, осветив полнеба малиновым заревом. На миг все вокруг — пустыня, стены, тюремный двор, лица женщин — окрасилось теплым персиковым цветом. У Белки перехватило дух — этот сказочный свет, золотой, с прозрачными лиловыми тенями, казалось, лучился добром и покоем. Белка замерла, стараясь не упустить это чувство, стараясь его запомнить.

Тьма обрушилась почти сразу. На западе вспыхнула и погасла пунцовая полоса, похожая на рану. Тут же, словно кто-то, дождавшись темноты, выпустил из пустыни тугой мощный ветер. Он выл, нес песок, мелкий мусор и сухие колючки. Белка зажмурилась, кто-то рядом выругался, отплеываясь.

— Дождь! — крикнула Белка соседке, скуластой мексиканке с лицом цвета копченой камбалы.

— Это не дождь, — мрачно отозвалась мексиканка. — Гляди!

Она указала рукой на юг. Там на самом горизонте в чернильных потемках медленно бродило черное веретено. Оно ходило плавной юлой, извивалось, будто плясало какой-то шаманский танец.

— Смерч... — прошептала Белка. — Никогда не видела...

Ветер подул сильнее. Мексиканка быстро перекрестилась.

— Торнадо, — сказала она. — «Пыльный дьявол» зовут. Из Сьюдад-Хуарес идет...

— У нас в Миссисипи, — перебила ее беззубая Клэр, — такая вот хрень целое озеро высосала. Всю воду, представляешь? Я девчонкой была, мы ходили всей деревней потом раков собирали. По дну ходили...

Смерч напоминал черный хобот. Он змеился, воронка у основания то раздувалась, как юбка, то сжималась, натужно всасывая песок и камни. Среди выдранных кустов и мусора крутилось вырванное с корнем дерево.

— Дерево, гляди... — изумленно сказал кто-то.

— Что дерево! Коров уносит как делать нечего!

— Я слышала, в Оклахоме целую церковь прям с людьми унесло. Унесло, а после поставило. Никто не повредился даже.

— Ага! В Изумрудный город, в страну Оз доставило!

— Эй! А ведь эта дрянь прямо к нам движется!

За несколько минут смерч действительно приблизился. Туча, густая, как смолистый черный вар, клубясь, медленно наползала и уже закрыла полнеба. Хобот с воронкой, пьяно раскачиваясь, шарил по земле, другим концом уходил в мохнатое брюхо тучи, словно труба дьявольского пылесоса. Изредка вспыхивали молнии, озаряя округу бледным лимонным светом.

Налетел шквал. Пронесся, больно стегая песком и мелкими камнями по лицу и голым ногам. Белка закрыла лицо ладонями. Сбоку кто-то отчаянно матерился. Кто-то торопливо молился, словно от быстроты произнесения слов зависело спасение. Женщины сбились

в кучу, инстинктивно стараясь оказаться внутри толпы, защититься другими телами.

Среди криков и воя ветра неожиданно появился какой-то новый звук — низкий и глухой, он нарастал с каждой секундой. Будто на них несся груженный товарняк — Белке даже почудилось, что земля мелко задрожала.

— Суки! Вертухаи! — завизжала какая-то баба, стараясь перекрыть грохот. — Дверь отоприте, нелюди!

Она кинулась к двери, принялась колотить руками и ногами. Порыв ветра сорвал платок с ее головы, сизая тряпка, словно ожив, дернулась вбок и тут же взвилась свечой и исчезла. Еще три женщины подбежали к двери. Отталкивая друг друга, они молотили в закрытую дверь.

Белка опустилась на корточки, прикрыв глаза ладонями и щурясь, она пыталась разглядеть, что происходит с Глорией. Клетка раскачивалась, как маятник. Глория пришла в себя, она стояла на коленях и держалась за прутья решетки.

Звук превратился в рев, рев стал почти материальным. Словно на посадку шел реактив-

ный лайнер. Смерч — теперь он был похож на гигантскую мохнатую колонну — легко перевалял через ближнюю гряду барханов, вырвал заросли можжевельниковых кустов. Заброшенная бензозаправка разлетелась в щепки, вместе с обломками вихрь подхватил старый автобус, что ржавел на обочине. Автобус перевернулся, на миг выставив чумазное брюхо, закрутился и легко, как фантик, исчез в неистовом черном столбе песка, земли, мусора.

Наконец дверь открыли. Белка побежала вместе со всеми. На пороге она остановилась и закричала охраннику:

— Опустите клетку! Она ж погибнет!

Охранник замахал руками, что-то заорал. Схватил ее за ворот.

— Я останусь тут! — Белка вцепилась в дверной косяк. — Опустите клетку!

Клетку начали опускать. Глория что-то кричала, наверное, Белке. Смерч боком перевалился через тюремную стену. Южная сторожевая вышка разлетелась, моментально — будто ее сдуло, бревна закрутились как спички. Охранник кособоким крабом подобрался

к клетке, отомкнул замок и тут же бросился обратно в караулку.

— Быстрее! — кричала Белка. — Глория, быстрее!

Глория ее не слышала. Она выпрямилась, сделала несколько неуверенных шагов. Воронка уже кружилась на дальнем конце плаца, словно раздумывая, в какую сторону ей податься. Белка снова закричала.

Глория повернулась в ее сторону. Махнула рукой, Белке показалось, что она смеется. Потом Глория что-то крикнула и побежала в сторону воронки.

15

Следующим утром изуродованный автобус отыскался в пяти милях на север. Ураган разрушил четыре деревни на территории Мексики, стер с лица земли кемпинг под Сьера-Виста. Число погибших превысило двадцать человек, около семидесяти получили ранения. Тело заключенной Глории Эсмеральды Соланж найти так и не удалось.

Глория к тому времени отсидела уже половину своего срока. Она получила семнадцать лет тюремного заключения за непреднамеренное убийство своей трехлетней дочери Тиффани. Тиффани скончалась от травм, она играла во дворе, когда Глория, не заметив ее, пыталась вырулить на улицу на своем «Додже». Ей дали бы меньше, гораздо меньше, но у нее в крови нашли алкоголь. Процент превышал допустимую норму в пять раз.

Все табельные работы, кроме дежурства по кухне, были отменены, заключенных бросили на уборку. Тюремный двор напоминал свалку: вырванные с корнем кусты, сучья и целые деревья, несколько старых резиновых покрышек, телеграфный столб, опутанный проводами, невесть откуда взявшийся баркас с надписью «Вирджиния» на борту. Ключья бумаги пестрели среди грязи и мусора, прикидываясь цветами, яркими и почти весенними.

Небо после вчерашнего ада, очевидно, решило забыть все обиды и начать с чистого листа — ни облачка, звонкая синь от горизонта до горизонта. Белка даже зажмурилась, когда их вывели на плац.

Ей и Джил из одиннадцатой камеры выдали носилки. У Джил была странная кличка — Птица, жилистая и тощая, с неожиданно красивым грустным лицом, она не была похожа ни на утку, ни на чайку. Белке она напоминала Деву Марию, которая по неясной причине не вышла замуж за Иосифа, а связалась с дурной компанией.

Они наполняли носилки мусором. Потом тащили их, вываливали мусор у главных ворот. Среди хлама и обломков оказалось много мертвых птиц.

— Странно... — Джил подняла за крыло убитого селезня. — Почему они не улетели?

В ее жесте не было ни брезгливости, ни страха. Крыло раскрылось веером, Джил, склонив голову, задумчиво разглядывала изумрудный перелив перьев.

— Иногда смерть не самый худший из вариантов. — Белка вытащила из мусора заляпанный грязью журнал — на мятой обложке негр с фаллосом конских размеров ласкал сдобную сияющую блондинку с бритым лобком.

— Представляешь, если она спаслась... — задумчиво проговорила Джил.

— Она? — Белка удивленно подняла голову, хотя знала, о ком идет речь.

— Представляешь? — Джил улыбнулась. — Если...

— Чего расселись! — заорал слоняющийся рядом охранник. — А ну работать!

Джил, не взглянув на охранника, бережно положила мертвую птицу на грудку мусора в носилки. Заметив журнал, усмехнулась:

— Я в таком работала, — пояснила Джил. — Непыльно. Только вот на хмурь подсела.

— Хмурь? — Белка бросила журнал.

— Героин, — ответила Джил. — Понесли, а то вертухай уже сатанеет.

Они подняли носилки, осторожно ступая по битому кирпичу, осколкам стекла, палкам и прочему хламу, направились в сторону ворот. Там уже высился живописный курган из мусора. Рядом орудовали лопатами несколько заключенных.

— Эй, фисташка! — беззубая Клэр поманила Белку. — Как сама?

Белка пожала плечом, тыльной стороной руки поправила косынку на лбу.

— Гля, что я надыбала... — Клэр, озираясь, раскрыла руку, на грязной ладони лежал перстень с синим камнем. — Аметист!

— По-любому на шмоне отметут. — Джил наклонилась к ним.

— А мы сховаем! — засмеялась Клэр.

— Ховай не ховай. Отшмонают. — Джил подняла пустые носилки. — После уборки они нас наизнанку вывернут. Так-то, тетя. Ладно, пошли.

Она кивнула Белке.

К вечеру мусорная куча у ворот выросла до верха крепостной стены, говорили, что завтра пришлют экскаватор и грузовики. На плацу остался лишь неподъемный хлам — ржавый кузов легковушки, несколько толстых деревьев, телеграфный столб, разбитый баркас. Белке с Джил выдали лопаты, они теперь сгребали землю и песок.

Белка первой заметила ремень. В песке блестела медная пряжка. Белка ухватила за ремень, потянула — это была сумка. Женская, из фальшивого крокодила, на молнии. Белка бросила лопату, присела на корточки.

— Что там? — тихо спросила Джил. — Нашла что-нибудь?

— Сумка... — Белка торопливо стряхнула песок, расстегнула молнию.

Джил огляделась, подошла ближе. Ковыряя лопатой, прикрыла Белку — два охранника курили у входа в караулку.

— Ну что там? — нетерпеливо прошептала Джил. — Что?

Внутри сумки было обычное женское добро: две помады, косметичка с треснутой крышечкой, ключи на брелоке, жестянка мятных пастилок, бумажные салфетки и кожаный лакированный бумажник алого цвета.

Белка раскрыла бумажник. Достала деньги — несколько двадцаток, пара мятых пятерок, несколько долларовых купюр. Пересчитала.

— Сколько? — Джил наклонилась, делая вид, что копается в мусоре.

— Сто тринадцать.

— Алмазно! Еще что есть?

Еще был какой-то проездной на август, несколько пластиковых карт — три кредитных, одна вроде удостоверения. И водитель-

ские права. С серого фото улыбалась молодая девица. Права были выданы департаментом транспортных средств штата Аризона на имя Айши Мунир.

— Прикрой меня! — Джил опустилась на корточки. Торопливо сложила пачку купюр пополам, оглянулась, спрятала в трусы. — Помаду спрячь, за помаду Лупа шмали даст.

— Какой шмали? — ковыряя песок лопатой, прошептала Белка. — Куда я спрячу?

— Куда? — удивилась Джил. — Куда все прячут.

Белка выпрямилась.

— Не буду я... — Она запнулась. — Туда не буду.

— Давай сюда, целка! — Джил зло выругалась. — Пластик выбрось, если с ксивой заметут, пятеру пришьют.

— Ну мне это уже не страшно. — Белка сняла ботинок, стала усердно вытряхивать из него песок.

— Что копаешься?

— Сейчас, сейчас, — ковыряясь внутри башмака, сказала Белка. — Камень под стельку залез, никак не выцарапаю.

16

— Последний шанс, — мрачно повторила дежурная, коренастая злая баба в черной униформе. — Кто добровольно сдаст, тому ничего не будет.

Их бригаду построили в предбаннике душевой, в темном, узком, как вагон, помещении, пропахшем хлоркой и плесенью. Дежурная развернулась, шаркнула подошвой и медленно пошла вдоль шеренги, пялясь в лица женщин.

Белка смотрела прямо перед собой в грязный кафель стены.

— Ну? — дежурная шагнула к Белке. — Ведь выпотрошу все равно, твари...

От нее разило рыбой, Белка подалась назад, стараясь не дышать. Дежурная пошла дальше. Белка скосила глаза — Джил с равнодушной ленью разглядывала пол.

— Мэм! — Белка вышла из строя. — Я хочу... добровольно. Нашла кредитные карточки...

Дежурная снова шаркнула, повернулась.

— Так. Уже лучше. — Она выставила квадратную ладонь.

— Вот... Удостоверение... — Белка протянула три карточки. — И кредитки.

Дежурная сунула карточки в карман.

— Желаящие есть еще? — Она оглядела строй.

В душе капала вода, капля за каплей, словно отмеряя время. На плацу зашелся в лае доберман.

— Ладно. Всем мыться! Кроме... — Дежурная, помедлив, ткнула пальцем в Клэр. — Кроме тебя.

Белка вывернула кран до упора, подставила лицо под хилые струи душа. Напора не было, вода была чуть теплой. Белка провела ладонью по бедру, по животу, кожа, шершавая от пыли, была словно посыпана мукой — Белке казалось, что она размазывает грязь по телу.

— А ты не полная дура, — тихо проговорила Джил, она подошла, вытирая волосы куцым полотенцем. На ляжке у нее синела татуировка.

— Это что — колибри? — Белка кивнула на татуировку.

— Ага, колибри. Райская птица. Видишь, у нее клювик длинный-длинный, тонкий-тонкий, любому цветку до самого сердца достанет. Там, где самый мед.

Белка подняла взгляд, посмотрела ей в лицо. Джил глаз не отвела.

— Все имеет свою цену, — сказала Джил. — Особенно тут. В «Медовом раю».

Клэр в камеру не вернулась. У нее нашли перстень с аметистом, и она загремела в карцер на десять суток.

Следующим утром по плацу елозил бульдозер, сгребал бревна и камни. Белка поднимала голову от швейной машинки, глядела в пыльное окно, наблюдая за желтой машиной. Бульдозерист, сонный индеец с кирпичным лицом и с двумя тощими косами, курил и лениво, словно нехотя, тянул за рычаги.

В десять их бригаду вывели на перекур. У ржавой бочки с песком толпилась команда из прачечной, в основном черные — мулатки и негритянки. Джил вытянула из мятой пачки «Салема» две сигареты, одну сунула в рот, другую протянула Белке. Та отрицательно мотнула головой. Белка курить так и не научилась, она опустилась на корточки и, щурясь от

солнца, стала разглядывать следы бульдозерных гусениц на плацу, похожие на замысловатые узоры в стиле японского паркового искусства. Бульдозер пыхтел на холостых у дальних ворот. Белка видела, как две прачки-эфиопки подошли к Джил. Бульдозер взревел, закашлялся, выплюнул смоляное облако гари. Черное кольцо удивительно правильной формы плавно поплыло в небо. Дежурный дунул в свисток, заключенные потянулись в подвал. Белка тоже встала. Джил сидела на земле, привалилась спиной к стене и странно вытянув ноги. Правая была босой — белела плоской пяткой, тапок валялся рядом. На груди по застиранному платью растекалась бурая гадость: у Джил по кличке Птица от уха до уха было перерезано горло.

17

Следователю выделили угловую камеру с узким окном под потолком. Он задавал вопросы, Белка отвечала. Часто отвечала невпопад или просто пожимала одним плечом — она его не слушала.

Белка наблюдала за облаками, мерно текущими в тесном окошке. Это было занятно — словно кто-то крутил кино на малогабаритном экране. Облака были летние, веселые, они озарялись невидимым из камеры солнцем, вспыхивали ослепительно-белым, потом грустнели и уползали за раму окна. По фрагменту непросто было определить, на что похоже облако, — когда появлялся хвост, Белка уже не могла вспомнить, что ей напоминала голова. Для простоты Белка все облака делила на драконов и сугробы. Драконы иногда превращались в верблюдов или медведей, сугробы так и оставались сугробами.

Следователь снова спрашивал, Белка отвечала, он записывал. В третий раз просил вспомнить то утро в деталях — кто и где стоял, что делал. Не видела ли она чего-нибудь подозрительного. Белка вздохнула — драконы кончились, шли сплошные сугробы. Она рассеянно провела пальцем по столу, прочертила ногтем долгую линию. Следователь запнулся, поднял на нее узкое волчье лицо с синей щетиной. Волк, подумала Белка, ну и волчище...

Через двадцать минут ее отпустили. В дверях она столкнулась с одной из прачек-эфиопок. Той, которая повыше, с плаца. Эфиопка взглянула Белке в глаза и без улыбки подмигнула.

Выяснить, кто зарезал Джил, так и не удалось. После ужина следователь уехал.

День кончился. Когда выключили свет, Белка заснула почти сразу. Среди ночи она вдруг проснулась — резко, словно кто-то выдернул ее из сна. Она даже привстала — пульс частил как мотор, на лбу выступила испарина. Она закрыла лицо руками, ладони были холодные и влажные, они дрожали. Она встала на колени, замерла, пытаясь понять, что случилось: ведь ее разбудил не сон, не кошмар — ей вообще ничего не снилось. Ощущение какого-то животного ужаса до тошноты скрутило все внутри, мышцы противно ныли, точно она всю ночь таскала камни.

До нее вдруг дошло — она проснулась от мысли.

Мысль была проста: через несколько дней ее приговорят к смерти. Это случится во Дворце Правосудия, построенном из кирпичи-

чей, которые обжигал ее отец. Потом ее привезут обратно в «Медовый рай», она проведет ночь в камере смертников. От двери этой камеры до экзекуторской ровно двадцать семь шагов — про эти двадцать семь шагов знают все в тюрьме. Двадцать семь шагов до эшафота, на котором стоит электрический стул. Белка не могла вспомнить имени, что-то немецкое — то ли Магда, то ли Герда. Точно помнила, что Рыжая.

Ей побреют макушку, положат губку, смоченную электролитом. Сверху наденут стальной колпак. Запястья и лодыжки пристегнут ремнями из свиной кожи, приладят контакты. Пастор прочтет молитву. Включат ток.

Разряд в тысячу вольт пробьет тело от пяток до темечка. Кровь вскипит, глаза лопнут — именно поэтому на нее натянут капюшон, — такое зрелище не для слабаков. А ведь там будут журналисты, родня погибшего полицейского, священник.

Смерть должна наступить через секунд семнадцать.

Белка закрыла глаза и начала считать до семнадцати. Она стояла на коленях и счита-

ла. Под конец ей стало жутко от того, сколько времени это заняло. Она никогда не задумывалась о смерти, о процессе умирания — интуитивно ей казалось, что это должно работать как выключатель: щелк — и свет погас. И все. А тут — семнадцать секунд. Почти целая вечность. Целая вечность боли. И какой! Даже если обжечь какой-то паршивый палец — адская боль, адская... И это всего палец, а тут...

Она повалилась на бок. Поджала колени, тихо заскулила и уткнулась в стену. Стена была холодной и скользкой, будто потной. В коридоре зашаркали шаги, Белка закусил губу и затаилась. Сегодня ночью опять дежурил тот одноглазый урод с обожженным лицом. Шаги остановились у двери. Белка кожей ощущала, что урод пялится ей в спину. Ей даже казалось, что она различает дыхание — сиплое, будто он дышал через толстый шарф.

Подошвы скрипнули, унылые шаги зашаркали в сторону третьего блока.

А может, не так уж и больно? Может, ты сразу же, в первую секунду, теряешь сознание от боли? И вся остальная мерзость происходит без твоего участия — все эти оставшиеся

шестнадцать секунд. Но вот ведь в чем самое гадство — что спросить не у кого!

Белка вспомнила, как убили отца. Как по стенам метались рубиновые и ультрамариновые огни, как орал полицейский мегафон: «Не валяй дурака! Выходи, подняв руки!» Как отец положил дробовик на пол, положил тихо, словно боялся шуметь. Белка тогда в первый раз заметила, что отец носит обручальное кольцо по-русски — на правой руке. И что кисть у него совсем не для кирпичного дела — худая, с тонкими пальцами.

Отец поднялся, открыл дверь. Белка лежала на полу, под столом. В проем двери ворвался белый свет полицейских прожекторов, отец сразу превратился в черный контур. Он шагнул вперед, медленно поднял руки.

И тут они начали стрелять.

Свинец пробивал его тело, впивался в стены. С треском разлетались стекла, сыпалась штукатурка. Белка вжалась в пол, отец попятился и упал навзничь, упал вытянувшись — так падают в воду. Голова гулко стукнула о доски пола. Белка могла дотянуться до лица, она видела ухо и мертвый глаз, удивленно

уоставившийся в потолок. В ее мозгу крутилась одна фраза: «Не валяй дурака». Белка начала ее бормотать, повторяя, как заклинание.

Стрельба вдруг прекратилась. Донеслась музыка с каруселей, нелепая и звонкая, похожая на шарманку. Белка, повторяя «Не валяй дурака, не валяй дурака», дотянулась до дробовика. Цевье было еще теплым от отцовской руки. Белка отползла в угол, взвела курок. Крепко, как учил отец, уперла приклад в плечо. И стала ждать.

18

Комендант, не отрываясь от компьютера, буркнул:

— Садись, я сейчас.

Белка села. В кабинете вкусно пахло кофе, на столе стояла здоровенная кружка. Комендант цокал по клавиатуре, печатал он не очень бойко, двумя пальцами, время от времени смачно долбя в «Enter», как бы отыгрываясь за неумелость.

— А вы знаете, что вас зовут Пасечник? — спросила Белка, разглядывая фотографию Луны. — Пасечник...

— Что? — Комендант рассеянно оторвался от экрана. — Щас-щас-щас.

— Мед и Пасечник. По-моему, не так уж и плохо.

Белка блуждала взглядом по лунным полям и кратерам, потом прищурилась и наклонила голову — старая ведьма, которая привиделась ей в прошлый раз, так и не появилась.

— А семнадцать секунд, — тихо спросила она, — это правда?

— Что? — Комендант снял очки, часто заморгал и тут же стал похож на какого-то потешного зверька.

— На барсука... — Белка улыбнулась.

— Какого барсука?

— Про семнадцать секунд... — повторила она. — Правда?

Комендант удивился, хотел спросить, но уже понял, о чем шла речь.

— Дело в том... — вежливо начал он. — Тут дело в том, что, с одной стороны, существуют

четкие медицинские результаты, а с другой стороны, у нас нет прямых показаний...

— Участников эксперимента, — подсказала Белка. — Поскольку все участники в результате эксперимента...

Белка надула щеки и издала сочное «пуф» — будто лопнул шар.

Комендант промолчал, но ласково кивнул головой.

— Тебе здорово не повезло с днем рождения, — сказал он. — Если бы тебе не исполнилось восемнадцати... — Он нацепил очки, уткнулся в компьютер. — Ты где родилась?

— В Москве. А что?

— Ну и как там?

— Не помню. Мне три года было, когда мы...
А что?

— Ничего. Бюрократия. Сопроводительное письмо в суд. Послезавтра.

Белка и без него знала, что послезавтра. Но, произнесенное вслух, это «послезавтра» словно превратилось в жирную черную точку. Точку невозврата. Белка сглотнула, во рту стало сухо. В груди, в животе появилась и стала расти тугая боль, будто кто-то сладострастно начал наматывать ее внутренности на кулак.

— Ты о'кей? — Комендант привстал, тревожно вглядываясь ей в лицо. — Воды?

— Кофе можно? — Белка кивнула на комендантскую кружку. — Вкусно так пахнет...

Кофе оказался чуть теплым и горьким, как яд. Белка двумя руками поставила кружку на край стола.

— Дело в том, что по протоколу я обязан растолковать приговоренному процедуру. В деталях. Как хирург. — Комендант открыл папку, достал какие-то бумаги. — Перед операцией.

Он начал читать. Казенный язык был скучным и совсем не страшным. Оказалось, что ток будет две тысячи вольт, что как минимум два электрических потока пройдут через тело в течение нескольких секунд. Что перед экзекуцией необходимо тщательно выбрить не только макушку, но заднюю часть голени — это позволит коже лучше контактировать с электродами и повысит проводимость. Исходный разряд должен сразу привести к остановке сердца. И при точном соблюдении всех положений и правил смерть должна наступить мгновенно, а главное — абсолютно безболезненно.

— Так что... — Комендант закончил, торопливо убрал листки в папку, словно боясь, что Белка спросит — а что там еще, на тех, других бумагах?

На других бумагах перечислялись факты нарушения или небрежного соблюдения правил эксплуатации. Были приложены протоколы и медицинские заключения, свидетельства очевидцев.

В штате Вирджиния вместо электролита использовали воду, приговоренный Пауэлл остался жив после разряда в две тысячи вольт, который пропускали через его тело в течение семнадцати секунд. Процедуру пришлось повторять еще дважды. После казни в камере воцарилось, как в коптильне.

В Техасе был случай, когда у приговоренного, Пола Красовски, взорвалась голова. Причина осталась невыясненной.

В некоторых штатах существует закон, по которому приговоренный, переживший три включения тока и чудом оставшийся в живых, считается помилованным. На штат Индиана

этот закон не распространяется, некто Уильям Вэндивер был убит лишь на пятый раз.

В Нью-Джерси палач тюрьмы Вест-Оранж оказался садистом, он умышленно снижал напряжение тока, практически поджаривая свои жертвы. У них лопались глазные яблоки, лоскутами слезала кожа, изо рта шел дым. Приговоренные кричали, они находились в полном сознании на протяжении всей казни.

Комендант сунул папку в стол, задвинул ящик.

— Повезут тебя в автозаке. До города часов шесть — извини, комфорт нулевой... Повезут двое наших. Там передадут городским. — Комендант зевнул. — А после суда доставят обратно. Домой.

— А... — Белка хотела спросить, что будет дальше, но она и так знала, что будет дальше. Вместо этого она неожиданно для самой себя попросила: — Можно на нее посмотреть? Сейчас... До того как...

— На Гертруду?

Белка кивнула. Точно — Гертруда, Рыжая Гертруда.

19

Гертруда напугала Белку. Ей и в голову не приходило, что предмет мебели одним своим видом может вселить такой ужас. Комендант щелкнул выключателем — в потолке мощно вспыхнула лампа и электрический стул оказался в ярком конусе белого света.

— Как в театре... — пробормотала Белка и сделала осторожный шаг. Нить накаливания в лампе противно заныла.

Гертруда стояла на возвышении вроде подиума. Этот подиум, пол и стены — все вокруг было выложено белым кафелем. Не белоснежным, а мутным, цвета разведенного молока. Такой плиткой облицовывают станции метро. В одной из стен было вделано окно, длинное, от угла до угла. За толстым стеклом стояли два ряда кресел, бордовых, плюшевых, как в кинотеатре.

Белка, не доходя шагов трех, остановилась перед Гертрудой. Рыжая краска кое-где облупилась, в проплешинах виднелось старое дерево. Это был массивный стул с прямой

спинкой, большой, гораздо больше обычных стульев. В нем было что-то пугающее, бутфорское, словно он попал в этот выложенный кафелем подвал из сказки про недобрых великанов. К подлокотникам и передним ногам (назвать их ножками не получалось — каждая была толщиной с бревно) крепились широкие ремни из грубой свиной кожи с металлическими застежками. К спинке стула была приделана стальная дуга с металлическим колпаком, похожим на кухонную миску из нержавеющей стали. Мать Белки в такой замешивала тесто, когда пекла блины.

Белка, тихо ступая, обошла подиум. Пристально всматриваясь, она с затаенным ужасом боялась увидеть следы запекшейся крови или пригоревшей кожи. Дерево было чисто вымыто, кафель тоже. Ей даже почудился цитрусовый запах, химический, как у того моего средства с лимоном на этикетке.

— София... — позвал комендант.

Белка удивленно обернулась, она была уверена, что комендант не помнит ее фамилии, не говоря уж про имя.

— Ну видишь, — сказал он негромким, но бодрым голосом. — Стул как стул.

И фальшиво улыбнулся. Белка посмотрела ему в глаза пристальным долгим взглядом.

— Смерть... — прошептала она одними губами. Ее снова охватил ужас, она вдруг ясно увидела, как ее будут убивать. Тут — в этой самой комнате, похожей на привокзальный общественный сортир. Палач, священник, внимательные лица за стеклом — смесь страха с любопытством, горький запах гари — это горит ее тело, кипит ее кровь. И боль, невероятная боль! А потом, что потом? Пустота, черная бессмысленная пустота? А вдруг — ад? Ад! Она ведь убила человека, а это смертный грех. А если ад действительно существует? И тогда боль, и смрад, и черви в глазах, как говорил этот.

Белке почудилось, что на лицо опустилось что-то невесомое и липкое. Она судорожно стала проводить ладонью по лицу, словно снимала паутину. Ужас, заполнявший ее мозг, ее душу, кипел, внутри не осталось ничего, кроме ужаса. Бурлящего ужаса, готового взор-

вать ее изнутри, как паровой котел. Она зло посмотрела на коменданта.

— Правда? Стул как стул? — мрачно спросила она и, неожиданно ступив на подиум, запрыгнула на стул.

Комендант растерянно шагнул к ней.

— Ну в общем да! — со злым весельем крикнула она. — Жестковато только. Я подушку подложу. Под задницу. Это можно? Не нарушит проводимости тока?

— София...

— Что? В чем дело? Ведь есть же последнее желание приговоренного к смерти? Мое желание — подушку под жопу!

— София...

— И чего вы со мной как с принцессой носитесь? Тоже по вашим дурацким протоколам так положено? По правилам... вашим... — Она поперхнулась от крика. — Если уж решили казнить, так казните! Включайте ваш чертов ток!

Она схватила железный колпак двумя руками, напялила на голову.

— Давай, Пасечник! Не робей! Где там твой рубильник на тыщу вольт? Чего нам канитель разводите — суды всякие, прокуроры-адвока-

ты. Всем ведь ясно — мне балку влепят! Вышку! Так в чем же дело — вот она я — тут! На стуле...

Белка просунула руки в ремни на подлокотниках.

— Ну что же ты? Святой отец! — Она истерично захохотала. — Астронавт херов! Врубай ток! Ты думаешь — я боюсь? Да мне плевать! Плевать, понял? И на тебя, и на твою вонючую тюрьму. И на весь ваш гнусный мир! Плевать!

Белка плюнула. Плевок попал коменданту на рукав.

— Да! Вот так! Плевать! — Белка рассмеялась. — Все вы мрази! Ненавижу вас! Мрази! И ты мразь! И тот легавый — мразь! Жаль, только одного пристрелила!

Комендант брезгливо, рукавом, медленно стер плевки. Губы его побледнели, он подошел к подиуму.

— Ну давай! — Глаза Белки, белые, безумные, сверкали из-под железного колпака. — Сволочь!

Она снова хотела плюнуть, но комендант хлестко влепил ей пощечину. Голова дернулась, Белка ударилась затылком о край колпака.

ка. Комендант снова ударил ее. Во рту появился соленый привкус.

— Поиграть хочешь... — пробормотал комендант. — Сейчас мы с тобой поиграем...

Он резко затянул ремень на ее левой руке. Грубая свиная кожа сдавила запястье, Белка вскрикнула. Комендант уже затягивал ремень на правой руке. Белка рванулась — стул даже не шелохнулся, он был намертво привинчен к полу. Неожиданно для себя самой она зарычала жутким кошачьим фальцетом. Стала изгибаться, подпрыгивать, дергать руками, пытаясь высвободить кисти.

Комендант, с бледным, серым лицом, отступил назад и с размаху хлестнул ее ладонью еще раз. Из носа брызнула кровь. Белка языком быстро слизнула кровь с верхней губы и, подавшись вперед, изо всех сил пнула коменданта ногой. Ботинок угодил прямо в пах.

Комендант застыл. Хватая по-рыбьи воздухом, он вытянулся, потом тихо сложился и заскулил. Белка зарычала опять.

— Сволочь! Так тебе! — Она кричала, плюясь на кафель кровью. — Мразь! Сука!

Дверь распахнулась, появился испуганный охранник.

— Господин ко...

— Вон! — хрипло заорал комендант. — Пошел вон!

Дверь спешно захлопнулась. Комендант, морщась, разогнулся. Тяжело дыша, он отступил от подиума.

— Дура ты психованная, — сказал он устало. — Я ж с тобой по-хорошему хотел... А ты такая же падаль, как и все остальные. Падаль...

20

В тюремной парикмахерской стоял смрад прелых хризантем, тяжелый и приторный. Было жарко и грязновато. Охранник, не снимая наручников, усадил Белку в кресло. Сам сел у стены и тут же задремал. Белка выпятила губу, подалась вперед, к зеркалу. Нижняя губа набрякла и противно пульсировала.

Парикмахерша, старая негритянка с фиолетовым лицом, косолапая, в стоптанных клетчатых тапках, весело подмигнула Белке.

— Перманент? — Она широко улыбнулась, у нее оказались превосходные белые зубы. — Завивка? Бигуди?

Белка мрачно смотрела в сторону.

— Стрижка? Или что?

— Или что, — буркнула Белка.

— Или что, — довольно пропела негритянка, вытирая ладони о передник. Из кармана, как из сумки кенгуру, торчал парикмахерский хлам — расчески разных калибров, ножницы, какие-то по-щучьи хищные стальные прищепки.

Парикмахерша расправила и смачно трянула застиранной простыней. Ловко накинув на Белку, подоткнула концы у шеи.

— Не жмет?

— Не жмет.

Негритянка что-то утробно замурлыкала, бесшумно ходя вокруг кресла и вглядываясь в Белкину макушку.

— Ты зря так, с Пасечником... — сказала она.

Белка вопросительно посмотрела на ее отражение в зеркале. Парикмахерша засмеялась.

— «Медовый рай»! Тут все известно еще до того, как случилось. Тюремный интернет!

— Может, вашему интернету известно, чего это Пасечник меня так обхаживает?

Негритянка снова засмеялась — у нее был молодой звонкий хохоток. Белка невольно улыбнулась.

— Ну ты чисто маргаритка! Пасечник решил через тебя знаменитым стать. Ты со своей вышкой будешь самой молодой бабой. Из тех, кого закоптили. Не только в «Медовом раю», а вообще. За всю историю Америки, понимаешь? Это ж в Книгу рекордов Гиннесса! — Она выпучила глаза. — А ты его по яйцам!

Она снова зашлась звонким хохотом.

— Але! Слышь, ты! — Охранник, дремавший на стуле в углу, проснулся. — Хорош тут ржать! Давай стриги ее, жаба жирная!

Негритянка, давясь смехом, махнула рукой. Наклонилась к Белке.

— Он ведь хотел, чтоб интервью там всякие, телевидение. Журналисты... Чтоб фотографии в газете. А ты его, понимаешь, ногой по...

Она зажала рот рукой и беззвучно затряслась.

Белка глядела в зеркало — охранник снова закемарил, приоткрыв рот и уютно обняв ладонями живот. Над ним была приколотая полинявшая в голубое древняя реклама мыла, а рядом с плакатом в кривой раме под мутным стеклом висела фотография какой-то женщины. Это был один из тех древних фотопортретов, черно-белых, с гладкой студийной ретушью, на которых все женщины выглядели усредненно-красивыми и отличались лишь мастью. Эта, на фото, была радикально гнедой. С ровной черной челкой и смоляными, будто прочерченными углем, бровями.

— Это кто? — Белка кивнула на фото.

— Джулия Расмуссен. — Негритянка повернула кран, подставила под струю редкозубую расческу.

— А кто она?

— Первая директриса Рая. Еще в Депрессию, почти сто лет назад.

Негритянка начала неторопливо расчесывать Белкины волосы. От воды они потемнели, стали прямыми. Негритянка взяла ножницы, застрекотала над головой.

— Хочешь, сварганим, как у нее, — типа ретро? Бабетту эдакую, а?

Белка помотала головой.

— Не мой стиль... — Она задумалась. — У тебя бритва есть?

Негритянка вопросительно посмотрела на нее.

Через двадцать минут голова Белки была гладкой и блестящей, как шар для игры в кегли. Парикмахерша стерла остатки мыльной пены полотенцем, отступила назад.

— А что... — глядя в зеркало, проговорила она. — Впечатляет.

Белка открыла глаза — все эти двадцать минут она сидела зажмурившись. Из зеркала на нее хмуро глядело чужое лицо, взрослое и злое. С внезапно потяжелевшим подбородком, синевой под глазами и новой упрямой складкой между бровями.

Белка подняла скованные браслетами руки, осторожно положила обе ладони на голову. Кожа оказалась по-младенчески нежной. Белка усмехнулась.

— Даже очень... — тихо проговорила она, не отрываясь от зеркала. — Даже очень...

21

Татуировки в их блоке колола Зуда, вертлявая жилистая бабенка, похожая на цыганенка. Белка как-то видела ее в душе — на теле Зуды не осталось живого места, вся кожа была покрыта наколками.

— Мощно... — Зуда уважительно кивнула, разглядывая бритую голову Белки. — Можно?

Белка кивнула. Зуда провела пальцами по макушке.

— Красиво... Слушай, — воодушевленно начала она. — А давай прямо от темечка дадим такие линии, они будут на затылке сходиться, а после по позвоночнику и как у летучей мыши... такие перепонки, знаешь? Крылья такие? А?

Белка покачала головой.

— Нет. Голову жалко. Я на шее хочу. Только у меня ничего нет. Заплатить...

— Да не гони! — Зуда махнула рукой. — Ты ж у нас как Майкл Джексон! Знаменитость! Лавандос — труха, нарисую от души.

Она нервно засмеялась. Белка слышала, что Зуда крепко сидит на коксе — дрянном тю-

ремном кокаине, разбодяженном толченым стеклом и мелом.

— У меня тут есть улетные дизайны. — Зуда стала быстро листать засаленную тетрадку с рисунками. — Гляди, вот, с колючкой... Это вокруг бицепса, но можно и на шею. А вот — козырь пики! — кельтская херовина по кругу, а на узлах — черепа рогатые. И дым из ноздрей!

— А это что?

— Ха! Шик! — Зуда загорелась, хлопнула ладонью по тетрадке. — Линию вокруг шеи пустим, а ножницы... А ножницы где?

— Тут ножницы. — Белка провела пальцем под ухом. — Вот тут...

Зуда вытащила розовый школьный пенал с надписью «Диснейленд», расстегнула. Проворно стала доставать жуткого вида инструменты с острыми жалами. Черные от туши, в каких-то грязных тряпках, похожих на истлевшие кровавые бинты, они напоминали инквизиторский реквизит.

— А это, вообще... — Белка потрогала горло. — Не очень больно?

— Не потей! — Зуда откупорила черный пузырек, зачем-то понюхала. — Не больно. Нарядно исполню, как себе!

Одиночество — привилегия свободных людей. В тюрьме человек никогда не бывает один. Он всегда на виду. Даже когда спит. Даже в карцере — там одиночество еще более иллюзорно — мертвый зрачок камеры под потолком, волчок в двери. Каждую секунду ты ощущаешь цепкий взгляд — бездушный и враждебный. До Белки эта истина дошла как-то сразу, как готовая формула. Как аксиома.

Ночью она даже не пыталась заснуть. Неподвижно лежала на спине, широко раскрыв глаза и уставившись в сумрачный потолок. Сквозь решетчатую дверь пробивался слепой свет ночного фонаря из коридора, желтоватый и болезненный. Постепенно потолок утратил материальность, ей почудилось, что над ней теперь туманная высь, клубящаяся и раскрывающаяся, как грозное небо. Из туч с мрачным величием выступили горы, неприступные колоссы, похожие на готические соборы. Белка подумала, что никогда не бывала в горах, поду-

мала без сожаления, отстраненно. Теперь все это уже не имело никакого значения.

Горные колоссы подернулись рябью и стали оплывать, как свечи. Медленным, тягучим воском стекать в долины, между холмов и курганов, превращаясь в мерцающие озера. Над ними ленивыми хороводами кружились золотистые огни — то ли светлячки, то ли сильфиды. Белке хотелось их разглядеть. От их плавного танца начинала мутиться голова. «Я засыпаю, — подумала Белка. — Засыпаю, засыпаю...»

22

Она проснулась от собственного смеха, проснулась за секунду до подъема. Загремел звонок, началась утренняя суета. По иезуитской традиции охрана врубила радио на всю катушку — до хрипоты. Передавали разнузданное кантри. Суетливое, дребезжащее банджо было особенно оскорбительно для слуха в столь ранний час.

Белка даже не пошевелилась — она пыталась вспомнить свой сон. Сон ускользал, оставляя лишь послевкусие солнца и лета. Еще мгновение назад ей казалось, что она тянет за какую-то нить, что еще чуть-чуть — и она вспомнит. Но вдруг нить оборвалась, и все растаяло окончательно.

В умывальной стоял галдеж. Женщины смеялись, переругивались хрипловатыми со сна голосами. В металлические умывальники звонко хлестала вода, из динамика тоскливый тенор пел про город счастья, в который ему никогда-никогда не попасть. На жестянке, прибитой к кафелю, «Тщательно мой руки, грязь — источник инфекции» кто-то снова дописал непристойность. Пахло ржавчиной и хлоркой. Дождавшись своей очереди, Белка отвернула кран, посмотрела в запотевшее зеркало.

Лицо словно уменьшилось, проступили скулы, и пропали веснушки. Белка приблизилась вплотную к стеклу. Как все оказалось просто! Она пыталась выжить, пыталась спастись. Но она не понимала главного — чтобы спастись в аду, нужно убить себя. У той Сони

Белкиной, дымчатой и наивной, шансов уцелеть не было. И Глория оказалась права на все сто. Единственное, о чем она не предупредила, — у реинкарнации возможен побочный эффект.

Белка провела мокрой рукой по зеркалу. Новые глаза, новые уши — заостренные, чуть хищные. Шея показалась тоньше. Татуировка почти не болела, Белка повернула голову набок, пытаясь получше разглядеть — пунктирная линия обвивала шею, под ухом были выколоты маленькие черные ножницы и аккуратная надпись «Линия отреза».

Белка набрала в ладони воды, медленно опустила лицо. Как все просто! Она прислушивалась к себе новой, к своим новым ощущениям — ее удивляло спокойствие, почти равнодушие. Словно происходящее вокруг было не важнее, чем телепостановка, мерцающая на забытом экране в пустой комнате. У нее мелькнула мысль — а может, она сошла с ума? Но даже такое предположение не испугало ее. Какая разница? Главное — она теперь неуязвима. Никто не сможет причинить ей никакого

вреда, она поставила крест на всем. В первую очередь — на себе самой.

На завтрак дали овсянку — серую размазню, цветом похожую на мартовскую грязь. Белка отодвинула миску, сложила перед собой руки. Выпрямив спину, она стала разглядывать дальнюю стену столовой. Цвет мышинный. Два окна — квадратных и мутных — были на одной линии, правое чуть выше.

— Завтра меня повезут на суд, — сказала Белка, обращаясь к правому окну. — И это факт.

Ее соседки по столу, прервав болтовню, замолчали. Уставились на нее.

— Рыжая Гертруда — это другой факт.

Некоторое время она смотрела в окно. Пыльный квадрат стекла был заляпан побелкой, небо за ним даже не угадывалось. Ей на секунду стало жаль это грязное окно, захотелось тут же разыскать лестницу, забраться туда, наверх, отдраить грязь, смыть пыль, чтоб синева в стекле заиграла, чтоб заблестело солнце. Чтоб было видно птиц, чтоб плыли в нем облака, похожие на верблюдов и на сахарные горы.

— Но смысла в этом нет... — Белка улыбнулась. — И это третий и самый главный факт. Смысла нет.

Ее короткая жизнь — скучная в процессе, нелепая в финале, — в ней смысла было не больше, чем в этом грязном окне. Как неудачный спектакль — глупая пьеса, скверные актеры, фанерная луна, и даже в антракте сухие булки и теплый лимонад в буфете, — не более чем пустая трата времени. Какой смысл в жизни отца? Какой смысл в его смерти? Что стало с матерью и Анютой? Где они? И кто растолкует смысл всего этого?

— Кто? — спросила она вслух. — Бог?

Она вспомнила чистенькую церковь, куда они ходили по воскресеньям. Беленые стены, деревянные скамейки. Похоже на спортзал в их школе, только воняло не потом, а теплым воском. У пастора была какая-то кожная болезнь, красное пятно расцветало на щеке и сползало по горлу под белый стоячий воротник, острый и тесный даже на вид. Он говорил торжественным округлым баритоном, приторным, но приятным. Делал паузы со значением, явно подражая телевизионным про-

поведникам. Из-за фальшивой значительности смысл проповеди терялся — Белка следила за модуляциями бархатистого голоса, словно качалась в лодке. Пастор любил говорить о грехах.

— Все мы грешны перед Господом, все! Кто мыслью, кто словом, а кто и делом. И, быть может, грех твой послан тебе во испытание, как посылает Господь потерю имущества или болезнь. Для укрепления веры.

Пятно на щеке пастора наливалось багровым, Белка прикидывала свои грехи — их было до обидного немного, особенно после того как Алекс, соседский парень с телом Адониса и мозгами фермера, записался в армию и был отправлен в Афганистан. Она продолжала грешить в одиночку, но это был скучный грех и явно относился к разряду второстепенных.

В паузах между проповедями оживал орган, сыпало пыхтел, выдувая деревянные мелодии. Пели псалмы — отец, начисто лишенный музыкального слуха, лишь раскрывал рот, мать с Анютой старались, пели, заглядывая в потрепанный псалтырь.

Заккрытие фабрики в Сан-Лоредо пастор назвал испытанием веры:

— Ибо сказано в Писании — и волос не упадет с головы нашей без воли Господней! Смиренно и с кротостью должны мы принимать испытания, какие Он возлагает на наши плечи. Грешны мы все перед Господом! Все грешны!

Он призвал прихожан молиться. Потеряв работу, прихожане действительно могли посвятить больше времени беседам с Богом. Строительство луна-парка пастор объявил даром Божиим — теперь каждый найдет работу, на каруселях или в закусных. Или в сувенирных лавках. От туристов не будет отбоя, деньги потекут рекой. Отчасти он оказался прав — деньги действительно потекли рекой.

В то майское воскресенье в церковь залетел голубь, обычный сизарь. Он метался под потолком, бился в узкие окна. Наконец угомонился в нише над органными трубами. Пастор, поглядывая туда, тихо вышел к кафедре и, не включая микрофона, произнес громким шепотом:

— Это — знак! — Он указал пальцем на голубя. — Отец наш Небесный посылает нам благую весть.

Прихожане начали креститься. Белка услышала, как отец пробормотал:

— Это просто птица...

Больше отец в церковь не ходил.

В день открытия луна-парка на другом конце города случился пожар. Сгорела бензоколонка. В огне погибли хозяин — толстый уругваец по кличке Бобо — и какой-то невезучий мотоциклист, заехавший за куревом. Тогда никому в голову не пришло, что это было началом местной — маленькой, но упорной войны за передел сфер влияния. Бензоколонка стояла на отшибе, поэтому когда рванули подземные цистерны и горящее топливо превратило всю округу в пылающий ад, сгорело всего пять машин на соседней автостоянке и заброшенный гараж. Пожарники появились через пятнадцать минут, не спеша и без особого рвения потушили огонь и уехали. А еще через три часа, ровно в шесть вечера, торжественно открылся «Коллизеум». Так назывался луна-парк, имя хоть и звучное, но достаточно

спорное для места семейного отдыха. Впрочем (как иронично заметил отец), у туристов оно вряд ли будет вызывать исторические ассоциации, связанные с гладиаторской резней и языческими жертвоприношениями. Для американцев вся история до президентства Джона Кеннеди выглядит наполовину мифической архаикой, наполовину голливудской фикцией — это было давно и, скорее всего, неправда.

В день открытия вход в «Коллизеум» был бесплатным. У ворот играл оркестр — утробно ухал басистый барабан, ряженые в гусарские мундиры трубачи усердно дули в сверкающую от закатного солнца медь, усатый тамбур-мажор лихо размахивал серебряным жезлом, крутил его, ловко подбрасывал, превращая в сияющее колесо. В воздухе сладко пахло карамелью и калеными орехами, к этому духу примешивалась горечь подгоревших сосисок и воздушной кукурузы. Из полосатых шатров раздавались зазывные крики румяных торговцев лимонадом. Лимонад разливали из гигантских стеклянных сосудов, похожих на аквари-

умы, где среди колотого льда лениво ныряли мясистые яркие лимоны.

За шатрами, подобно сказочным циклопам, высились аттракционы. Карусели с пестрыми, сияющими свежим лаком конями. Гигантские качели с расписной ладьей размером с автобус (к корме была приделана раскрашенная фигура капитана Синдбада в золотом тюрбане), русские горки «Тайфун» с тройной мертвой петлей, башня свободного падения «Краш». Еще дальше, на холме, возвышалось чертово колесо с огромной светящейся надписью «Коллизеум» на самом верху.

Вся эта развлекательная механика крутилась, гремела, сияла разноцветными лампами. Восторженная публика визжала и хором охала. Опустился сиреневый вечер, где-то мощно грохнуло, затрещало, и небо над луна-парком расцвело небывалым фейерверком — такого Сан-Лоредо не видывал никогда.

У подножья чертова колеса, рядом с кассой, притулился сарай, расписанный звездами и драконами. Над дверью висела табличка «Дирекция», на ступенях сидел чернявый паренек в драных джинсах и курил в кулак. Отец

остановился и спросил насчет вакансий. Парень неопределенно пожал плечами, раскрыл дверь и кого-то позвал. На пороге появился лысоватый человек, похожий на школьного учителя, в мятых штанах, сандалиях и рубахе навыпуск.

Он снял очки, оглядел всех по очереди — отца, мать в голубом летнем платье, Анюту с третьей порцией ванильного мороженого с карамелью и тертым шоколадом, Белку — голенастую, в тугих джинсах цвета бирюзы. Отец повторил вопрос. Лысый виновато покачал головой, что-то буркнул про укомплектованность персонала, снова взглянул на Белку. Впрочем, — морща лицо и протирая очки краем клетчатой рубахи, — Впрочем, нам могут понадобиться ассистентки на посадке. Он мотнул подбородком в сторону платформы у подножья колеса, где две длинноногие девицы в невероятно коротких и тесных шортах весело помогали пассажирам забираться в кабинки. Отец неодобрительно оглядел веселых девиц, сухо поблагодарил лысого. В этот момент над их головами оглушительно грохнула петарда и все вокруг окрасилось в густой

малиновый цвет — трава, лица, руки, крыша сарая.

Белка вспомнила это леденцовое сиянье — тем майским вечером никто не мог знать, что через полтора месяца в этом самом сарае с вывеской «Дирекция» Белку изнасилуют, а еще через час полиция расстреляет тут ее отца. Никто не мог знать, что Белка дотянется до ружья и всадит заряд свинца в живот сержанту Энвигадо. Никто не мог знать, что сержант через несколько недель, не выходя из комы, умрет. И что завтра ее повезут в Феникс и там во Дворце Правосудия приговорят к смертной казни. Никто не мог знать.

— Никто? — громко спросила Белка. — Никто?

Соседки по столу снова замолчали, настороженно поглядывая на нее.

Никто, кроме Бога. Кроме всемогущего, всевидящего и вездесущего Господа нашего. Ведь говорил же пастор — без воли Господней и волос не упадет с головы нашей. Стало быть, была, была на то Его воля! И значит, Он уже тем вечером, под взрывы петард, под грохот каруселей, среди визга детей и воплей взрос-

лых, в пороховой гари и сосисочной вони, с усердием маньяка скрупулезно планировал Свой бесовский спектакль. Распределял роли, прикидывал реплики, расставлял фигуры по доске. Решал, кому в каком акте суждено умереть.

Белка, не отрывая пристального взгляда от стены, медленно поднялась.

— Убийца! Будь ты проклят! Ненавижу! — Белка схватила миску с кашей и с силой швырнула ее в стену. — Сволочь! Мразь!

К ней подбежала охрана, повалила на пол. Белка кусалась и брыкалась, она продолжала кричать «убийца, убийца», пока ее волокли по коридору в карцер.

23

Утром ей выдали оранжевый комбинезон и новые ботинки. Белка, не стесняясь охранника, стянула через голову тюремное платье, скомкала, кинула в угол. Комбинезон оказался чуть велик, она закатала рукава, подвернула

штанины. Новые ботинки надевать не стала, осталась в старых.

На запястьях и щиколотках замкнули стальные браслеты, соединенные цепью. Теперь Белка могла лишь семенить, переступая мелкими шагами, как гейша. Два охранника вывели ее из камеры, долго шли коридором, свернули за угол. Там, в темной нише, оказалась дверь.

Белка зажмурилась. Мокрый плащ, только что политый из шланга, всюду сиял солнечными зайчиками, вспыхивал, словно был усыпан битым стеклом. Или бриллиантами. У тюремного фургона, прислонясь спиной к двери, стоял Бес. Он щурился и улыбался, подставив лицо нежным лучам утреннего солнца. На ухе, приклеенная пластырем крест-накрест, белела повязка. Было около семи утра.

Тюремный фургон, бежевый и заурядный на вид, вполне мог сойти за машину какой-нибудь ремонтной конторы. Или повозку булочника. Бес лениво распахнул заднюю дверь, обе створки настежь. Отошел, наблюдая, как Белка семенит мелкими шагами к фургону. Над тюремным двором задорно носилась пара ласточек.

— Удачная прическа, — ухмыльнулся Бес. — Идет тебе. Красиво и практично. Главное — ток хорошо проводит.

Белка остановилась перед дверью фургона. Она была уверена — и рыжий клоунский комбинезон, и кандалы — все это для того, чтобы унижить. Она повернулась к Бесу.

— Подсади, — глядя ему в глаза, сказала она тихо. Не попросила, просто сказала.

Бес перестал улыбаться. Медленно вытер губы большим и указательным пальцами.

— Это ведь я тебя повезу, — прошептал он, чуть подавшись к ней. — Я. Помнишь про праздник? Уже скоро...

Белка молча продолжала глядеть ему в глаза.

— Я... — повторил Бес. — А дорога неблизкая, часов пять. И все больше через пустыню...

Белка выслушала равнодушно, не меняя лица. И вдруг, ощерясь по-кошачьи, рванулась к Бесу. Тот отпрыгнул.

— Береги уши, — серьезно сказала Белка. — Сволочь.

Солнце выглянуло из-за башни, брызнуло сияющим серебром. Становилось жарче, ла-

сточки поднялись выше и кружили, кружили в синем звонком небе. Бес зло двинул кулаком в дверь фургона.

— Кит! — рявкнул он. — Ко мне!

Из кабины неуклюже выбрался одноглазый охранник. В руке он держал надкусанное темно-красное яблоко.

— Эту, — Бес брезгливо кивнул в сторону Белки. — В кузов!

Одноглазый замялся — не знал, куда девать яблоко, потом сунул его в рот, вытер ладони о штаны, подошел к Белке. Нагнулся — он был выше ее на две головы.

— Осторожней. — Бес сплюнул. — Укусить может!

Одноглазый не обратил внимания, взял Белку под мышки и легко, словно ребенка, посадил в фургон.

Внутри было темно, воняло грязью и железом, как в слесарной мастерской. Белка села на ржавый пол. Фыркнул мотор, снаружи кто-то засмеялся, что-то заскрежетало, заскрипело — ворота, догадалась она. Фургон мотнуло влево, потом тут же вправо, Белка покатилась, как куль, ударилась затылком — ухватиться тут

было не за что, да и не могла она ухватиться скованными руками.

Кое-как перевернулась на живот, прижалась щекой к железу. Правая створка двери не доходила до пола, в щель была видна полоска дороги, узкий кусок пейзажа без неба. Пустыня, плоская как доска, казалась розовой. Из нее торчали гигантские кактусы, похожие на растопыренные клешни каких-то чудищ, которые пытались вырваться из-под земли.

Белка вспомнила легенду: мормоны, первыми попавшие в эти края, назвали эту пустыню Долиной Дьявола. Говорили, что прямо под ней находится спуск в преисподнюю — уверяли, что собственными ушами слышали стоны грешников и сатанинский хохот. Еще говорили, что с наступлением ночи руки оживают и горе несчастному путнику, застигнутому тьмой в Долине. Мормоны рассказывали, как на их глазах один из паломников был живьем утащен под землю — песок, словно жидкое тесто, засосал его. Два других мормона сошли с ума и отказались двигаться дальше.

Было бы здорово, если б их колымагу кто-нибудь утянул в ад! Вот прямо сейчас — вдруг

один из этих кактусов ожил бы, растопырил клешни, заграбастал и утащил фургон в самую преисподнюю. Вот был бы номер! Все эти судьи с их законами и смертными приговорами, коменданты, палачи с их электрическими стульями — все остались бы в дураках! Да еще Беса и одноглазого урода по назначению доставили.

Только Белка не верила во всю эту белиберду. Не верила и не боялась. Тем более теперь, после «Медового рая».

На обочине мелькнул указатель, Белка разобрать не успела. До чего-то там было семьдесят пять миль. Да и какая разница? Бес сказал — пять часов, значит, еще часа четыре осталось.

Интересно, а если бы родители не уехали, если бы она так и жила бы в Москве, окончила бы там школу, наверное, поступила бы в институт. Или вышла бы замуж — русские там рано женятся. Может, у нее уже был бы и ребенок. Точно! У нее была бы страстная любовь с одноклассником... Нет, однокурсником... Нет, с профессором из университета. Точно, с молодым профессором! И у них бы родился...

Додумать она не успела — фургон резко вильнул, затормозил и встал. Хлопнула дверь, захрустел гравий под каблуками.

— Не укачало? — Бес грохнул кулаком в борт, засмеялся.

Белка вжалась в скользкий от ее пота пол. Она замерла, перестала дышать, вслушиваясь. Снаружи слышалось журчанье, потом свист — Бес мочился и насвистывал «Турецкий марш» Моцарта.

24

Действительно, как бы сложилась жизнь, если б они не уехали? Белка спрашивала — почему: мать уныло вздыхала, будто устала отвечать на один и тот же вопрос, а отец становился хмурым и начинал зло говорить короткими фразами, словно и не с Белкой разговаривал, а ругался с кем-то бестолковым.

— У них нет будущего! — глядя в окно на трубы кирпичного завода, мрачно заявлял отец. — Они разрушили все — культуру, науку, экономику. Посмотри, кто у них в друзьях —

диктаторы, подонки и воры. Это ж не страна, а бензоколонка! Как только Европа найдет альтернативный источник энергии, цены рухнут и у них там все развалится. Это — вопрос времени!

Но Европа тянула с альтернативной энергией, русские проводили Олимпийские игры, устраивали фестивали и парады, расширяли границы и явно не торопились разваливаться. Белка тогда решила, что если отец неожиданно окажется не совсем прав в своих предсказаниях и Россия продержится еще пять-шесть лет, то она непременно поедет в Москву — просто так, на месяц-два, посмотреть.

В жестянке из-под конфет с Кремлем на крышке хранились ее «русские сокровища»: бабкина брошь — серебряная ящерица с рубиновыми глазками, янтарные бусы, похожие на четки, фарфоровая статуэтка балерины, несколько значков, цветные открытки. Еще были книги, детские, в бумажных переплетах. «Колобок», «Сказки Пушкина» с акварельными рисунками Билибина (Баба Яга, летящая в ступе по оранжевому закату над фиолетовым

лесом, лет до семи вселяла в Белку ужас — она зажмуривалась каждый раз, когда доходила до этой страницы). Книжки были драные, в пятнах от манной каши и яблочного сока. Особенно досталось «Дюймовочке» — Анюта, получившая книгу в наследство, исчиркала все картинки цветными карандашами.

Теперь и Баба Яга, и испорченная «Дюймовочка», как, впрочем, и все остальное, уже не имело значения. Имела значение лишь Рыжая Гертруда. Лишь она, да еще те семнадцать секунд с момента подачи тока.

И правда ли, что вся жизнь должна промелькнуть в этот момент? А если и мелькать нечему? Если за восемнадцать лет, скучных и одинаковых, как галька на пляже, ничего интересного не произошло? Школа, уроки, дом, телевизор. Плаванье, волейбольная секция, летний лагерь. Рождественские каникулы — скудные подарки под искусственной елкой, от нее вся квартира воняет пластиком, День благодарения с непременною индейкой. Хэллоуин — Белка в самодельном костюме — мать говорит, что ничуть не хуже покупного, да и

какой ненормальный будет тратить полсотни на ведьмин наряд?

В шестом классе — они только переехали из Сан-Франциско, отец получил место на кирпичной фабрике, она никого не знала. Тот мальчик, Малколм, после школы взял у нее рюкзак, сказал, что им по пути. Начался дождь, они бежали по лужам и смеялись. Было радостно, хотелось скакать, петь или просто орать — она до сих пор помнит это чувство. У Малколма были русые кудри, как у ангелочка на рождественских открытках. В их доме теперь живут Гонзалесы.

А все девчонки были влюблены в Стива Ковальски, хулигана и заводилу с узким лицом и янтарными, как чайная заварка, глазами. Стив обзывал ее конопатой — у нее и сейчас летом проступают веснушки — и зубрилой. Через несколько лет он действительно стал вызывающе красив, собирался в Голливуд, но в августе после танцев в «Рокси» ввязался в драку с какими-то мексиканцами. Кого-то пырнули ножом, Стив был там с тремя приятелями, он взял все на себя и получил срок.

Еще был Адам, в девятом классе у него уже была своя машина — старый «Бьюик». Адам был галантен и обращался с ней как с леди, хотя им обоим было очевидно, что она голенастый подросток четырнадцати лет. Он дерзко говорил взрослые комплименты — про загадочную линию шеи, про волнистость волос, напоминавшую дюны в час заката. Белка тратила полтора часа, завивая их электрощипцами.

Густаво, смуглый и быстрый, как ящерица, жил через две улицы, на Сансет-лейн. Его комната, которую он называл пиратским притоном, была увешана плакатами с жутковатыми на вид гитаристами, у стены стоял метровый экран, на котором Густаво рубился в «Смертельную миссию». В игре была специальная кнопка, которой можно было включить «дополнительную кровавость». Его старший брат Туко уже тогда торговал травой, через два года его труп с пулевым отверстием в бритом затылке найдут на пустыре за Слепым кладбищем. Густаво пригласил Белку в Муни — на пикник, сказал он. Был ветреный май, там, среди камней, поросших затейливым лишай-

ником, он пытался раскурить самокрутку с марихуаной. Они оба кашляли, смеялись. Потом он долго копался с застежкой ее лифчика, Белка сама расстегнула, вытянула лифчик через рукав, а после молча сняла с себя майку.

Ей вспомнилась история трехлетней давности. Под крышей их дома, у дождевого стока, щеглы примостили гнездо. В начале лета там появились птенцы, Белка снизу могла разглядеть их серые пушистые макушки. Как-то утром перед школой она увидела, что один птенец вывалился из гнезда и беспомощно барахтался в траве. Щеглы-родители, отчаянно чирикая, носились вокруг. Белка бросила рюкзак, на цыпочках приблизилась к птенцу. Он был совсем крошечным, его кургузые крылья, едва оперившиеся, запутались в траве. Белка осторожно взяла птицу в ладонь. Птенец обезумел от ужаса. Он пытался вырваться, тонко пищал, раскрывая желтый клюв. Это и есть самый настоящий «желторотый птенец» — пришло Белке в голову. Она аккуратно накрыла его второй ладошкой, словно нянча младенца, что-то приговаривала ласковым голосом. Птенец бился в ее ладонях, как

крошечное испуганное сердце. Белка представила, какой ад переживает сейчас это маленькое существо. Еще она поняла, что с этой минуты ответственность за жизнь птенца лежит на ней: что бы она ни сделала — это будет лежать на ее совести.

Белка не пошла в школу. Она нашла плетеную корзинку, сложив вдвое, сунула на дно старое полотенце. Накрошила хлеба и выпустила птенца в новое жилище. Под самым гнездом из стены торчал крюк, к нему когда-то крепились водосточная труба. Белке удалось подвесить корзину на этот крюк. Завершив операцию, Белка спряталась за угол дома и стала наблюдать. Щеглы с опаской подлетали к лукошку, кружили, тревожно переговаривались. Наконец одна из птиц (мамаша — решила Белка) присела на край и, помедлив, юркнула вниз. Папаша, пристыженный храбростью подруги, тоже в конце концов решился. Белка разглядела в его клюве какую-то муху, которую он принес малышу.

Ночью обрушился ливень, тропический, с рокочущим громом и белыми молниями, которые яростно раздирали чернильное небо

напополам. Белка несколько раз вставала и на цыпочках подходила к окну, пытаясь разглядеть корзину. На рассвете Белка с тяжелым сердцем вытащила из кладовки стремянку, забралась и, замирая, заглянула в корзину. Птенец был жив. Он, нахохлившись, сидел на мокром насквозь полотенце, среди хлебных крошек и мелкого мусора.

Весь день у нее было чудесное настроение — она придумывала птенцу разные имена, фантазировала, как он будущей весной, солидным семейным щеглом, вернется к ней и смастерит гнездо в ее корзине. Она даже похвасталась Густаво, но тот ничего не понял и сказал, что она чокнутая.

Воскресной ночью ударили заморозки. Белка проснулась от холода, полусонная, она закрыла окно, подумала, что надо бы занести корзину в дом. Но вместо этого залезла под одеяло и тут же заснула.

Той ночью птенец умер. Он замерз. Белка похоронила его в клумбе среди пионов. Она плакала и злилась на бестолковых щеглов-родителей, которые не догадались согреть малыша, на дурацкие заморозки. Этой злостью

она пыталась заглушить стыд — ей было стыдно. Стыдно своего глупого тщеславия, своей лени, своего эгоизма. Оправдать можно все, что угодно, — любую подлость, любую глупость. Можно объяснить, найти логичные аргументы, можно посадить перед собой собеседника и убедить его в своей правоте. Но как оправдаться перед собой? Белка тогда поняла — этот птенец теперь на ее совести навсегда. До конца ее жизни.

25

Суд был назначен на час дня, потом перенесен на два. После двух судья Эйб Посторус давал интервью вашингтонской газете. Заседание началось в три десять.

— Слушается дело «Штат Аризона против Софии Белкин», — красивым звучным тенором объявил секретарь, молодой человек, почти мальчик, в элегантном костюме антрацитового цвета. — Прошу всех встать!

Все встали. Белка тоже поднялась, оглянулась. Ни матери, ни Анюты в зале, слава богу, не было. В последнем ряду она заметила Беса и второго, одноглазого. Зевак на этот раз оказалось мало, в прошлый раз ее судили при полном аншлаге. Не было и присяжных, боковые скамейки, освещенные пыльными лучами солнца, пустовали.

Из боковой двери появился судья, поднялся на кафедру, погромев стулом, уселся. Жестом ленивой руки разрешил всем сесть. За судьей на темной дубовой панели висел чеканный герб Аризоны из какого-то золотистого металла, по бокам стояли два флага — штата и национальный. Белка усмехнулась: знакомый узор, двухнитиевый шов, «С гордостью сделано в США». От этой усмешки адвокат, сидевший по левую руку, насторожился и с испугом взглянул на нее. Тут же отвернулся и начал тщательно протирать очки платком.

Адвокат был тот же — Белка не помнила его имени. Коротконогий, с короткой шеей и короткими пухлыми руками, он был похож на резинового пупса-голыша, ради забавы наря-

женного в костюм и галстук. Адвокат сильно потел, говорил редко и тихо, с робкими интонациями, будто сам не очень был уверен в сказанном. Все остальное время он, словно заводная игрушка, повторял череду несложных операций — поправлял стопку бумаг перед собой, вытаскивал платок, снимал очки, протирал стекла, вытирал потное лицо, прятал платок в карман, надевал очки и снова поправлял бумаги.

Про Эйба Посторуса в тюрьме ходили слухи, что он связан с «Лос-Ластрохос». Что деньги на выборы он получил от Шахматиста, что без этих денег Эйбу нипочем не получить судейскую мантию по третьему кругу. Его соперника Карла Лонга поддерживали братья Шульцы, Эрнст и Отто, влиятельные и жесткие дельцы, хозяева половины нефтяных и газовых разработок штата, двух казино и сети бензоколонок «Шульц».

Но выиграл все-таки Эйб.

Элегантный секретарь начал зачитывать обвинение. Он делал паузы в наиболее драматических местах текста, умело модулировал голос. Белка опустила голову, прикрыла глаза.

Постепенно у нее появилось ощущение, что она слушает приемник, одну из этих чудных радиопостановок для домохозяек.

— Обвиняемая произвела один выстрел из дробовика модели «Ремингтон», — секретарь с достоинством кивнул в сторону стола, где лежали улики — ружье с привязанной к нему биркой. — В результате полученного ранения (пауза) сотрудник полицейского управления города Сан-Лоредо сержант Доминик Суарес Энвигадо (пауза) скончался.

Адвокат достал из пиджака авторучку и что-то торопливо записал на верхнем листе стопки бумаг из ее дела. Белка скосила глаза, прочла. Там было коряво написано: купить «Вискас». Надпись была дважды подчеркнута. Белка не могла вспомнить, что такое «Вискас».

Секретарь закончил, замер, словно ожидая аплодисментов. Судья что-то буркнул, секретарь разочарованно опустил на скамью.

— Господин Селтик! — раздраженно повысил голос судья. — Ждем теперь вас!

Прокурор Селтик, сухой, весь в черном, похожий на обнищавшего виконта, медленно встал. Вышел из-за стола. Задумчиво сцепив ко-

стистые пальцы, словно его застали за молитвой, посмотрел поверх голов куда-то в дальний угол.

— Милосердие... — медленно произнес он, мрачно оглядывая зал. — Что есть милосердие?

Кошачий корм, вспомнила Белка. У нее внезапно схватило голову — резкая боль сдавила затылок, остро, как спазм. Белка, боясь даже вздохнуть, испуганно застыла, зажмурилась. Память, точно застав врасплох, вместе с болью и темнотой, тут же вернула ее в ту ночь. Вспыхнули пестрым коллажем застывшие картинки: чертово колесо в разноцветных лампочках, черные лаковые сапоги с острыми носами, к подошве одного, словно тайный знак кому-то, прилип ярко-зеленый листок клевера.

— Саламанка... — едва слышно прошептала Белка.

Кто-то зашуршал фантиком, кто-то прокашлялся. Солнце, протиснувшись между домами на противоположной стороне улицы, брызнуло косыми лучами сквозь немытое окно. Зал суда стал похож на мутный аквариум.

— Давайте по существу дела. — Судья недовольно скрестил руки, откинулся в кресле. — Без этих театральных... Ладно? У меня еще этот Гринберг, а уже почти четыре...

— Да, ваша честь. — Прокурор сдержанно поклонился. — Разумеется. Именно по существу...

Возникла пауза, и в душной тишине судебного зала отчетливо прозвучал голос подсудимой. Белка громко повторила:

— Саламанка...

26

Нестор Родриго Саламанка с рождения не обладал ничем, кроме звучного имени. Впоследствии к этому имени добавляют кличку Бешеный, кличку, которой он будет втайне гордиться и суть которой он будет старательно подтверждать при каждой возможности.

Саламанка появился на свет в трущобах Рио-дел-Рохос, на восточной окраине, зажатой между мусорной свалкой и болотом, пере-

ходящим в непролазную топь сельвы. Кривые лачуги, громоздясь друг на друга, старались удержаться на склоне, но неумолимо сползали в ржавую топь. Воронье кружило над свалкой день и ночь, иногда кто-то поджигал мусор, и тогда округу заволакивало смердящим черным дымом, от которого все — крыши, стены, руки, лица — покрывалось жирной сажой.

В четырнадцать лет Саламанка организовал банду подростков, они караулили заплутавших автотуристов, в основном американцев и бразильцев. Деньги делили, драгоценности, часы и камеры Саламанка сбывал в городе. Именно Саламанке пришла идея поставить на шоссе липовый указатель «Закуски и напитки». По этому указателю их и нашла полиция.

Через четыре года Саламанка вышел из тюрьмы, его уже звали Бешеный. В одной из драк он зубами перегрыз локтевое сухожилие своему противнику. Молва приукрасила эту историю: теперь по тюрьмам рассказывали, что Саламанка перегрыз горло какому-то страшному силачу-бразильцу.

Заключение восполнило пробелы в образовании — в тюрьме Саламанка научился читать.

Последний год срока Саламанка пристроился тюремным библиотекарем. Ему полюбился затейливый Маркес, изящный Камю, мрачный Кортасар, как ни странно, особенно по душе ему пришлись стихи. Он наизусть заучивал Лорку, сам пытался писать. Вирши получались неважные — слюнявые и неказистые, все больше про трели птиц на закате, про цветы и облака. Бешеный стихи никому не показывал, но упорно продолжал сочинять сонеты и элегии.

В тюрьме он впервые услышал про Эскабара. Истории, ставшие легендами, вновь и вновь пересказывали «кандихорос» — тюремные менестрели. Саламанку вгоняла в слезу история про то, как Эскабар, скрываясь от полиции, очутился на заснеженном перевале в одинокой хижине. С ним была его пятилетняя дочь. Дров в хижине не оказалось, и, чтобы спасти ребенка, Эскабар всю ночь топил печь деньгами. За ночь он сжег полтора миллиона долларов.

Саламанке виделись мистические совпадения его судьбы с судьбой Эскабара: ну хотя бы начать с того, что родились они в один и тот

же день — второго декабря. Эскабар тоже был выходцем из трущоб, ни денег, ни влиятельной родни у него, как и у Саламанки, не было. И начинали они одинаково — в тринадцать лет Эскабар верховодил бандой малолетних рэкетиров. Правда, дальше начинались различия: к двадцати пяти годам Эскабар стал самым богатым человеком Колумбии, а к тридцати контролировал мировой оборот кокаина с базами на всех континентах. Ну и последнее и главное различие состояло в том, что Эскабара застрелил снайпер (причем застрелил второго декабря, как раз в день рождения), а Саламанка был жив.

Выйдя из тюрьмы, Саламанка сколотил банду. Это был мобильный отряд головорезов, созданный по образцу групп морской пехоты. С беспрекословной дисциплиной и армейской субординацией банда Бешеного быстро взяла под контроль ключевые районы Рио-дел-Рохос. Впрочем, рэкет Саламанку уже не очень интересовал, на этом этапе его больше всего заботила репутация. Когда слава о его подвигах достигла столицы, Саламанка

добился встречи с Шахматистом и предложил свои услуги картелю «Лос-Ластрохос». Он гарантировал безопасность производства, транспортировки и распространения товара, а главное, брал под свою ответственность все денежные транзакции, включая отмывание и перевоз наличности через границу.

Дорога ложка к обеду – Шахматист как раз планировал экспансию на юг Соединенных Штатов – Техас, Аризона, Нью-Мексико. Саламанка получил Аризону. С центральной базой в городишке Сан-Лоредо, где как раз завершалось строительство луна-парка «Коллизеум».

27

Прокурор говорил уже минут десять. Говорил, неторопливо прохаживаясь вдоль дубовой кафедры, по привычке адресуя ключевые пассажи в сторону пустых скамеек для присяжных. Иногда аристократическим жестом худой руки подчеркивал важность сказанного,

проводя жесткую линию невидимым мелом на невидимой доске.

Судья уже во второй раз посмотрел на часы и громко, со значением, откашлялся.

Прокурор Селтик даже не обратил внимания. Прокурору Селтику сегодня было плевать на судью. Его не смущал полупустой зал, отсутствие присяжных. Сегодня он говорил для истории. Стенографистка, линиялая девица с острым носом, проворно нажимая на клавиши, фиксировала каждое слово его речи. К следующему семестру эту речь будут изучать студенты Гарварда и Йеля, на нее будут ссылаться прокуроры и судьи во всех штатах страны. Возможно, эту речь даже назовут «обвинение Селтика», а еще лучше — «аргумент Селтика». Прокурор сделал мысленную заметку сегодня же обновить свою страницу в Википедии и подкинуть новый термин знакомым журналистам. «Аргумент Селтика» — совсем, совсем неплохо.

Прокурор добрался до финала. Солнце садилось. Из окна тек пыльный медовый свет, ложился ломаными квадратами на пол. Сел-

тик уже не смотрел ни в зал, ни на судью — он прошелся вдоль кафедры и остановился в луче света. Поднял крупное породистое лицо — тени вылепили ястребиный профиль, замер, словно медиум, вслушивающийся в ангельский голос. В зале стало абсолютно тихо.

Вот ведь сукин сын, подумал судья, даже у него по спине пробежали мурашки.

— Милосердие... — задумчиво произнес прокурор. — Что есть милосердие?

Зал безмолвствовал.

— Милосердие закона, милосердие общества... Милосердие Всевышнего, наконец... Всегда ли они совпадают? — Прокурор медленным взором обвел зал. — Всегда ли буква закона совпадает с движением нашей души? Всегда ли мы ощущаем этот божественный резонанс — да, правосудие свершилось? Свершилось на земле, свершилось на небесах.

Он сплел пальцы, посмотрел наверх, словно ожидая оттуда одобрения.

— Я прокурор. Моя миссия — обвинять. Но сегодня я говорю о милосердии. Не о благих намерениях, не о грошовой милостыне, не о

мещанской доброте, а о милосердии с большой буквы. Так легко, надев ханжескую маску, тешить свое фальшивое человеколюбие; лелеять свой фарисейский гуманизм.

Он остановил брезгливый взгляд на адвокате. Тот, как по команде, снял очки и принялся их беспокойно протирать.

— Простить? Простить ее? — Прокурор, не глядя на Белку, ткнул в ее сторону пальцем. — Да, это можно... Подарить ей жизнь? Почему бы и нет. Пустив слезу, сослаться на юность преступницы и заменить смертную казнь пожизненным заключением?

Когда пауза стала невыносимой, он вдруг взорвался, почти крикнул:

— А нужна ли ей самой такая жизнь?

Зал испуганно молчал. Прокурор продолжил обычным голосом, спокойно и рассудительно:

— А не станет ли наша... хм... добренькая доброта самой лютой пыткой? Не превратим ли мы ее существование в ежедневную казнь, растянутую на десятилетия? Подумайте!

Прокурор медленно повернулся к судье, выпрямил спину.

— Милосердия! — твердо сказал он. — Одно-го лишь милосердия прошу, ваша честь.

За спиной кто-то захлопал в ладоши, судья треснул молотком и сердито прикрикнул в зал.

28

Официально должность звучала красиво и интеллигентно — ассистент по обслуживанию и эксплуатации аттракционов. На деле их звали просто и по существу — «карусельные девчонки».

Фасад сарая с табличкой «Дирекция» был пестро расписан звездами, драконами и хвостатыми кометами. Интерьер же Белку разочаровал: в тесной комнате с низким потолком стояли несколько столов с неважными компьютерами, конторские стулья, допотопные телефоны. На полу, перетянутые бечевкой, валялись пачки цветных брошюр и рекламных листовок. Стояли картонные коробки, из одной в прореху высыпалась какая-то серая

гадость, похожая на цемент. В углу, упираясь в потолок, громоздился сейф-великан. Он важно сиял черным лаком, как концертный рояль. Из двери, толстенной, явно бронированной и, скорее всего, пуле- и огнеустойчивой, торчало хромированное колесо, похожее на корабельный штурвал. Дорогу к сейфу преграждал директорский стол, за которым обитал сам директор — Сол Шапиро, лысеющий толстяк с неубедительной физиономией. Тот самый, которого они встретили в день открытия луна-парка.

Он протянул Белке контракт — дюжину листов слепого текста с кучей пунктов и сносок. Документ походил на инструкцию для пользования какой-то сложной машиной. Белка пролистала, не читая, подписала.

— И число поставь. — Директор пальцем показал строчку. — Вот тут. Двадцать первое сегодня...

Белка поставила число.

Ее напарница Сюзи, длинноногая девица, томно жующая резинку и выдувающая время от времени розовые пузыри удивительных размеров, небрежно оглядела новенькую, чуть

задержав взгляд на груди — у самой Сюзи бюст был понятием скорее номинальным, нежели визуальным. Лениво растягивая гласные, она спросила:

— Навар пополам или как?

— В смысле? — не поняла Белка.

— Чаевые, в смысле. — Сюзи быстро раздражалась. — В общий котел, после смены делим пополам. В таком смысле.

— А что, кто-то чаевые дает?

Сюзи выпучила глаза.

— А ты что, за восемь баксов в час собираешься работать? — Она присвистнула. — Во наив...

Белка виновато улыбнулась.

— Конечно, дают! Особенно семейные мужики. Ты их короедов в кабинки усаживаешь, ремешки пристегиваешь... Папаше — улыбочку. Два-три доллара в карман.

Сюзи надула пузырь, он с треском лопнул.

— Мамаши не дают, на них не акцентируйся, — продолжила она. — Фокус — на папаш! Но не лебези. И особо жопой не крути, веди себя достойно. Дистанцию держи. Так и бабок больше, и головной боли меньше. А то они

там нафантазируют себе черт-те что, козлы старые... Это ясно?

Белка кивнула — ясно.

— Но этот монашеский прикид тоже не катит, сменить надо. Оптимальный вариант — шорты. — Сюзи выставила свой тощий зад в обрезанных под самые ягодицы джинсах. — Эротично и трусами не светишь. У нас же вся работа, считай, вполнагиба.

Сюзи оказалась права. В будний день на двоих у них выходило тридцать-сорок долларов, а в выходные чаевые переваливали за сотню. Тогда улов состоял не только из мятых и влажных долларовых купюр, но и пятерок, а иногда и десяток.

— Ха! Помнишь того папика, что червонец тебе отслонявил? — Сюзи расправляла ассигнацию с портретом Гамильтона. — Как он на твои сиськи пялился! Во козел!

Сюзи хлопала в ладоши и громко смеялась, показывая крупные белые зубы с алой полоской помады. Белкина мать, однажды видевшая Сюзи, безусловно, была права — лахудра, самая настоящая лахудра. Невежество напарницы ставило Белку в тупик — Сюзи представ-

ления не имела о самых тривиальных вещах: почему воздушный шар летает, кто такой Марк Твен, где находится Китай. Она считала, что Линкольна убили вампиры, что если ежедневно по полчаса висеть вниз головой, то грудь будет круглой. Что каждый оргазм прибавляет женщине семь минут жизни, а каждая сигарета отнимает пятнадцать, и если правильно сбалансировать одно с другим, то курение выходит не таким уж вредным, как об этом пишут на сигаретных пачках. Главное — все грамотно просчитать.

На Белку положил глаз механик, худой и черный, как жук, парень с гавайской татуировкой на руках. Он молча приносил ей холодный лимонад и подмигивал карим глазом.

— Моргай-моргай, милый! — презрительно шипела ему в спину Сюзи. — Ты не вздумай с ним. Чеканутый во весь рост пацан! Поехала с ним в пустыню, там, за Хорсио миль восемь, так он вместо того чтоб... — Сюзи сделала неприличнейший жест. — Он вместо этого под камнями искал гремучек, обливал бензином и поджигал.

— Змей? — Белка сморщилась и поставила бутылку лимонада на землю.

— Ну! Гремучих змей, мать твою! Представляешь?

Раз в неделю, ближе к вечеру, к конторе подъезжал здоровенный джип с черными стеклами, из него появлялся брюнет, неспешный, с туго зачесанными назад волосами. Он закуривал тонкую сигару, по-хозяйски оглядывал крутящееся, звенящее, визжащее карусельное хозяйство и, не снимая темных очков, входил в контору.

В ту пятницу он, как обычно, появился около восьми.

— Саламанка! — сообщила Сюзи на ухо Белке.

— Хозяин?

— Ты про картель слышала, про «Лос-Ластрохос»? — зловещим шепотом спросила напарница.

— Это кокаином который торгует? Ну так это в Колумбии же? Или в Мексике?

— Ага, в Мексике... — Сюзи презрительно поглядела на Белку. — Все эти убийства — вон,

вчера еще одного нашли за кладбищем, — ты что ж, думаешь, случайно? Они старых дилеров мочат, скоро весь город под себя подгребут.

— Откуда ты все это... — Белка недоверчиво прищурилась.

— У меня один... в общем, пацан, он в полиции работает. Не легавый, он там в ай-ти, компы им чинит, и все такое. Так он говорит, что полиция всего штата на ушах стоит, и все такое.

— Ну так что же они его не арестуют? Этого... как его?

— Саламанку, — подсказала Сюзи. — Так он легавым отстегивает. Коррупция! Картель всех, кого надо, подмазал. Всех! Чуть ли не до Вашингтона.

— Джорджа Вашингтона? Так ведь он умер. — Белка не была уверена, что Сюзи располагает этой информацией.

— Дура! Города Вашингтона, столицы США. Ну там, где все эти козлы сидят в Капитолии и Белом доме.

29

— Даю слово защите. — Судья Эйб Посторус посмотрел на часы. — Пятнадцать минут.

Адвокат вылез из-за стола, нечаянно спихнул бумаги на пол, нагнулся, подобрал. Начал говорить, сбивчиво и тихо, повернувшись спиной к залу. Белка, сидевшая в трех шагах, половины не могла разобрать.

— Громче! — кто-то попросил из зала.

— Тихо! — Судья стукнул деревянным молотком. — А вы — погромче.

Адвокат послушно закивал, вытер розовое лицо платком. Белке стало жаль его — неразумного пупса, гуттаперчевого голыша, глупого и неуклюжего, с короткими, беспомощными руками. Господи, воля Твоя, ну зачем же он выбрал эту профессию? Сидел бы себе в какой-нибудь норе, перекладывал бы бумажки из правой стопки в левую или проверял себе билеты при входе в киношку; или вот еще замечательное место — мойка машин, — да мало ли подходящих профессий для гуттаперчевых пупсов?

Адвокат бубнил, потел. Вздыхая, вытирал лицо платком и снова бубнил. Судья сидел, смиренно сложив ладони и прикрыв глаза — то ли дремал, то ли слушал. Из зала волнами долетал тихий шум: скрип стульев, шепоток, кто-то настырно шелестел фантиками.

Белка тоже закрыла глаза, ее начало знобить. Ей показалось, что в зале становится все холоднее и холоднее.

А ведь они даже на смерть по-человечески отправить не могут! Эх вы, люди! Белка неожиданно поняла, что сама отделила себя от всех остальных. Не только от сонного судьи, прокурора-ястреба, этого недотепы адвоката, но и от зевак в зале, прохожих на улице, от всего остального человечества. От их радостей и невзгод, мелких интересов и тщеславных устремлений — денег, успеха, славы. У нее внутри — там, где душа, было пусто, там не осталось ничего — ни страха умереть, ни желания жить. Пустота, скучная черная дыра.

Белка тихо застонала — Господи, ну скорей, скорей бы уж!

Адвокат запнулся, обернулся с кроличьим лицом. Потеряв нить речи, подошел к столу,

начал перебирать бумаги. Белка видела его пухлые розовые пальцы с круглыми детскими ногтями. Манжеты рубахи были несвежими, мокрыми от пота. У Белки вдруг возникло непреодолимое желание потрогать его руку — такой она была сдобной и розовой, наверняка теплой и влажной. Белка медленно подалась вперед и вдруг вцепилась в его кисть. Рука оказалась почти горячей.

Адвокат, взвизгнув по-бабьи, отпрыгнул, пряча руку за спину.

Белка одним широким жестом смахнула все бумаги со стола, листы весело вспорхнули, разлетелись по полу. Белка выпрямилась, повернулась в застывший зал.

Она ожидала увидеть ненависть, злорадство, любопытство — на лицах был испуг. Страх! Они боялись ее! Боялись восемнадцатилетней девчонки в тюремном комбинезоне и наручниках, отчаявшейся до предела, до точки. Поставившей крест на себе.

— Ну что же вы, люди... — крикнула Белка. — Как же так? Что с вами... ну что с вами происходит?

Голос ее сорвался, в горле застрял ком. Белка подняла скованные руки, кулаками вытерла слезы. Стараясь не разреветься, она переводила свой взгляд с лица на лицо — испуг, испуг. Она подумала, что такое лицо бывает у человека, наткнувшегося в лесу на гадюку.

— Немедленно сядьте! — Судья уже несколько секунд долбил молотком. — Подсудимая! Не усугубляйте вашего положения!

Белка повернулась, посмотрела на судью. Медленно села.

— Перерыв до четырех... — Судья взглянул на часы. — До четырех тридцати.

30

Когда Белку привели после перерыва, солнце уже успело закатиться. Зал помрачнел, потолок будто стал ниже. Белка поежилась, зажала ледяные ладони между колен. Уставилась на пустое судейское кресло. От стен, обитых дубом, пахло сырой мастикой. Прошмыгнула на свое место стенографистка, секретарь,

отогнув указательным пальцем манжет, с важной медлительностью привстал, выпрямился и выпятил грудь, как птица перед полетом.

— Встать! — торжественно провозгласил он. — Слушается приговор по делу «Штат Аризона против Софии Белкин»!

Белка удивилась, услышав свое имя. Она снова поежилась — что ж так холодно! Ее бил озноб, она стиснула зубы, чтобы они не стучали. Дальнейшее в ее сознании происходило с каким-то сдвигом, словно она выпала из этой реальности и наблюдала за происходящим из другого мира с иным течением времени, иными оптическими законами. Изображение не совпадало со звуком — звуки то запаздывали, растягиваясь в утробное мычание, то комкались в несуразную скороговорку.

Из боковой двери выплыл судья — батистовая черная мантия, бледное лицо. Белка быстро опустила глаза, как в детстве с той Бабой Ягой: если не смотреть на нее, то и она тебя не заметит. Главное — заставить себя не смотреть. Не так просто, как кажется. Совсем не так просто.

В ушах стоял шум, низкий тяжелый рокот, как от мощной подземной турбины. Белке даже показалось, что она ощущает тугую вибрацию подошвами своих ботинок. Судья опустился в кресло, начал говорить. Белка зажмурилась, пытаясь разобрать слова. Откуда-то появилось эхо, гласные звуки потянулись, поплыли, как томные песни китов, она уловила лишь одно слово — милосердие. Милосердие? Белка замотала головой — откуда вам знать, что это такое?

Потом судья сказал «механизм правосудия работает безотказно», и Белка догадалась, что подземный рокот, наверное, и есть работа того самого механизма. Что ради нее включили эту мощную махину — «машину правосудия», — загудел мотор, закрутились шестеренки, забегали-засновали шатуны и поршни.

Судья медленно, мучительно долго, как в дурном сне, поднимал руку с молотком. Наконец поднял — и все вдруг стихло. Приговор — поняла Белка, он объявляет приговор. Сейчас он произнесет одну фразу, стукнет деревянным молотком — и ее, Белку, посадят на элек-

трический стул, включают ток и через семнадцать секунд...

Белка не выдержала: замирая, как в детстве, перевела взгляд на лицо судьи. Серое, цвета сырого теста, оно ничего не выражало. Ничего. Его губы, пухлые, чуть сиреневые, словно в блестящей помаде, медленно произносили слова. Каждое слово было весомым, будто обладало особой ценностью.

— ...данной мне гражданами штата Аризона, — слова круглыми булыжниками тяжело падали в жидкое болото. — Я приговариваю...

Белку поразило неожиданное открытие: именно в этот момент она ясно поняла, что судья сейчас может сказать, что ему взбредет в голову, — может казнить ее, может помиловать, отпустить или законопатить в тюрьму на веки вечные. Что он как Бог. Всемогуц! И что ему, как и Богу, плевать. Плевать на нее, на ее мать, на Анюту, на убитого отца. Что больше всего судье хочется, чтоб вся эта морока поскорее закончилась, чтоб наступил вечер и можно было бы безнаказанно завалиться в тапках и пижаме на диван. Читать книжку, прихлебывать скотч и ни о чем не думать.

— ...приговариваю к ста десяти годам тюремного заключения без права на амнистию.

Судья опустил молоток.

Вселенная раскололась вдребезги.

Ее не казнят! Не будет семнадцати секунд!

Она будет жить! Жить!

Белка, раскрыв рот, жадно вдохнула. Еще раз, судорожно — воздуха не было. Ее с головой накрыло жаркой мутью, словно она тонула в манной каше. Белка, теряя сознание, вцепилась в край скамьи, но скамья зыбко пошатнулась, подалась наверх, а после качелями понеслась куда-то вниз, вниз, в душную темень.

31

— Голову поднимите! — бубнил кто-то сквозь тьму. — Да не так! Кто ж так держит?

Ей тыкали в нос ватой, от нашатыря она закашлялась, открыла глаза. Ей дали воды. Сердце тут же радостно подпрыгнуло — жить! Она будет жить! Прощай, Гертруда, прощай, рыжая ведьма! Белка засмеялась.

— Оклемалась, — сказал кто-то. — Можно уводить.

— Сейчас, пульс проверим. — Холодные пальцы вжались в шею под ухом. — Да, нормально. Можно уводить.

Снаружи уже опустились сумерки, но фонари еще не зажглись. От серого мертвого неба падал бледный отсвет на фасады домов, тротуары, деревья, лица людей. Цвета исчезли, все вокруг казалось пыльным, унылого мышинного цвета.

Во внутреннем дворе суда ее ждал тюремный фургон. Бес прохаживался взад и вперед, болтая с кем-то по телефону. Одноглазый сидел на корточках, прислонясь к колесу и тупо глядя в стену.

— Получайте обратно свою красавицу. — Судебный охранник передал Бесу какие-то документы. — Вот тут распишись.

Как бандероль, подумала Белка. Нуда ладно, это ничего, это не самое страшное. Главное — живая. И снова радостная волна качнула ее вверх-вниз — живая! Ведь это ж почти чудо, просто как во сне!

После обморока голова была пустая и легкая, как от того португальского шипучего вина, что отец покупал на Рождество. Тело казалось тряпочным, Белка вяло улыбалась своей беспомощности. Одноглазый охранник распахнул дверь в нутро фургона, легко приподняв, опустил ее на железный пол.

— Спасибо... — пробормотала Белка.

Одноглазый что-то буркнул, захлопнул дверь.

Затарахтел мотор, в кабине включили радио. Поехали. Белка отползла в угол, села, вытянув ноги. На поворотах ее голову плавно мотало то вправо, то влево. В темноте легко можно было представить, что ты плывешь в лодке по ночному морю, что ленивые волны качают тебя вправо, влево. Вправо, влево. Вправо...

В кабине запиликал телефон.

— Да, господин комендант, — ответил Бес и выключил радио. — Да, выезжаем. Переночуем за городом, да. Дешевле и воздух чище, ха-ха. Завтра часа в три будем... Уже в курсе? Да... да... увы. Совершенно неожиданно. И, глав-

ное, непонятно. Прокурор выступил просто великолепно... Да, блестяще. И тут — здарсьте-пожалуйста — пожизненное!

— Вот вам и здарсьте-пожалуйста! — Белка засмеялась в темноте. — Живая!

— Аргументы? — переспросил Бес. — Ну да, логика определенная есть, безусловно. Сказал, что смертная казнь для нее будет милостью. Ей же и двадцати нет... восемнадцать? Ну, тем более...

Белка перестала смеяться. По спине пробежал холодок, словно чернильная тьма фургона запустила свои скользкие щупальца ей за шиворот. Восемнадцать, да, восемнадцать — почему тем более? Ведь ее не казнят? Ведь она будет жить? Что может быть более?

Бес еще что-то сказал, засмеялся.

— Казнь будет милосердием, — прошептала Белка. — Смерть будет милосердием... А жизнь...

Ощущение наползающего кошмара. Как в страшном сне, когда до сознания вдруг доходит, что все вокруг вовсе не то, чем казалось мгновение назад, — трава под ногами начинает

шевелиться, ветки деревьев оживают, невинная девица зеленеет лицом и, ухмыляясь, показывает вурдалачий клык.

Белка закричала — стон пополам с рыком:

— Не-ет! Нет! — Она стала бить наручниками в железный пол. — Нет!

Фургон подпрыгнул на колдобине, Белка, потеряв равновесие, кулем покатила в угол. Ударилась затылком.

— Да, господин комендант, все бумаги... — говорил Бес. — Они что-то еще с курьерской вам отправят... На следующей неделе. Да, да, кажется, от судьи.

— Не-ет, — простонала Белка. — Нет, пожалуйста... Я не могу. Я ведь сама тогда... таблетками... Пожалуйста!

Она сжалась в комок, уткнула коленки в подбородок и заскулила:

— Смерть будет милосердием! Милосердием...

Нет, она просто не сможет. В ее памяти нет ничего, кроме жути той ночи — отцовской руки на полу, мертвой, с толстым обручальным кольцом, кислой вони пороха и оружейной

смазки, крика в мегафон: «Не валяй дурака. Выходи, подняв руки!» В мозгу занозой сидят чертовы строчки:

А луна этой ночью,
как на горе, ослепла —
и купила у Смерти
краску бури и пепла.

Она не сможет, просто не сможет жить с этим. Каждый день, каждую ночь. Да и зачем? Какой смысл в этом? Кроме мученья, бесконечной пытки, липкой паутины, опутывающей разум и волю. Боли, сводящей с ума своей безысходностью. Что ее ждет? Годы, десятилетия (подлец прав — ведь ей всего восемнадцать!), каждая секунда будет пропитана ядом несправедливости. Она не сможет забыть, стереть из памяти эти проклятые стихи, вероятно, в конце концов они сведут ее с ума. Но даже в своем безумии она будет помнить, что произошла чудовищная несправедливость. Что зло не наказано и не будет наказано никогда. Никогда!

Город остался позади. Белка лежала на полу и смотрела в щель под дверь на удаляющиеся огни — щедрую россыпь медленно тающих самоцветов: желтоватых топазов, сиренево-ледяных топазов, сочных рубинов. Алмазной иглой втыкался в лиловое небо шпиль телецентра. На самом острие каплей крови лениво пульсировал авиамак.

Пошли пригороды. Скучные ряды одинаковых домов с одинаковыми фонарями вдоль дорожек, низкорослые кусты и хворые деревья, неубедительно изображавшие скверы, пустые детские площадки. Иногда выскакивала балаганная вывеска придорожного ресторана, вспыхивала фейерверком и спешно, словно стыдясь, убегала в темень.

Началась пустыня. Закату удалось наконец выплеснуть свою обморочную красноту — там, где умерло солнце, пылал малиновый нарыв. От него растекалось коралловое марево, нежный и беспомощный цвет, от которого у Белки выступили слезы. Горная гряда на го-

ризонте быстро темнела — голубой стал ультрамарином, потом просто черным.

Из кабины доносилась музыка, незатейливая и веселая. Потом волна начала уходить, радио выключили. Охранники не разговаривали, лишь иногда Бес комментировал встречные машины: он явно разбирался в технических нюансах — говорил про объем двигателя, лошадиные силы, называл какие-то цифры. Одноглазый молчал.

Проскочили мост через каньон, на частых стыках колеса устроили вагонный перестук. После моста дорога пошла в гору, мотор нутжно загудел. Холмы подступили к самой обочине, Белке стало видно лишь черноту и багровый отсвет габаритных огней на асфальте. Она закрыла глаза, легла на спину.

33

Фургон остановился, Белка тут же проснулась. Подползла к двери — ей удалось разглядеть какой-то сарай со слепым фонарем над входом. Из-за крыши выглядывал мутный

край полной луны. У завалившегося забора стоял старый пикап с горбатым кузовом.

Захрустел гравий под каблуками, кто-то зычно зевнул и от души хлопнул дверью кабины.

— Вот ведь темень... — Бес кряхтя потянулся. — Черт ногу сломит.

Он выругался, сплюнул.

— Не «Хилтон», это точно. А с этой что? — услышала Белка голос одноглазого.

— Потом выведу пописать. Пошли.

Бес начал колотить в дверь сарая.

— Абла ла пуэрта, Карла! — крикнул он, пару раз для убедительности пнув в дверь ногой. — Просыпайся, старая карга!

Долго не открывали. Желтый свет фонаря освещал деревянные ступени крыльца, вылинявшую надпись на доске — какая-то ферма — и две темных фигуры: щуплый Бес рядом с одноглазым верзилкой выглядел как ребенок. Наконец дверь распахнулась, они вошли.

Рыхлая луна выползла из-за крыши, осветила двор пыльным белесым маревом. За сараем виднелась ограда, сложенная из дикого камня. Дальше начиналась пустыня, темнели холмы,

похожие на застывшие океанские волны. Где-то там, в непроглядной дали, завыл койот. Белка поежилась.

Из-под двери тянуло сыростью, горько во-няло мокрой гарью. Белка толкнула дверь плечом, потом легла на спину, с силой уперла подошвы ботинок в обе створки. Надавила — засов скрипнул, но дверь не поддавалась. Так дело не пойдет, нужно по ней как следует трахнуть. Белка, как на уроке физкультуры, прижав колени к подбородку, сжалась пружиной, а после коротким броском ударила каблуками в дверь. От грохота ей самой стало страшно, она замерла и стала ждать. Из сарая никто не вышел, только в дальнем конце загорелось окно. Потом другое. У Белки тряслись руки, она отползла в угол, обхватив колени, прижала их к груди. Мерзко дрожали губы — это от холода, от холода, пробормотала Белка вполголоса.

Бес появился минут через сорок. Белка словно почувствовала, что он сейчас придет. И тут же скрипнула дверь, по крыльцу протопали башмаки, потом захрустел гравий — все ближе и ближе. Клацнул замок, раскрылась

дверь. Луч фонаря ослепил Белку, она загородилась руками.

— Ну вот... — тихо проговорил Бес. — Все получается даже лучше, чем я смел мечтать. Я про праздник.

Он засмеялся. Белка не видела его, только сноп белого слепящего света.

— Выползай, — нежно позвал он. — Пойдем, погуляем...

Белка на карачках доковыляла до двери, легла на живот, сползла на землю. Ноги затекли и не слушались.

— Ну не ленись, пожалуйста. Шагай. — Бес фонарем подтолкнул ее. — Покажу тебе кой-чего...

Белка, шатаясь, пошла. Бес светил ей в спину. Она наступала на свою прыгающую по щебенке тень, огромную и уродливую. Между двух столбов на веревке сушилось белье, в темноте тряпки были похожи на шеренгу задумчивых привидений.

— А теперь — левее, — сказал он. — Гараж видишь?

Луч фонаря выхватил кусок пригорка и приземистую постройку с ржавыми ворота-

ми. Рядом стоял скелет грузовика, по бампер вросший в песок. Бес повесил фонарь на крюк в стене, начал возиться с замком.

Белка сжала кулаки, сделала осторожный шаг — если браслетами со всего маху в темя...

— Стоять, — не поворачиваясь, строго сказал Бес. — А то будет очень больно.

Вошли, Бес щелкнул выключателем. Скучный свет — дохлая лампа в жестяном абажуре вспыхнула над дощатым помостом. Посередине стояло деревянное кресло с прямой спинкой. Оно было выкрашено в яркий оранжевый цвет. Белка застыла.

— Я знал, что тебе понравится... — проговорил Бес, подталкивая Белку к помосту. — Не бойся, ближе подойди.

К подлокотникам кресла были приделаны металлические кольца с зажимами для рук, от них по доскам помоста змеились толстые провода в черной резиновой оплетке.

— До двух тысяч вольт, конечно, не дотягивает — генератор хиловат. — Бес подошел к трансформаторному ящику, открыл крышку. — Пробки вышибает. Где-то пятьсот-шестьсот максимум. Но так даже интересней...

Он поднялся на помост, обошел кресло, провел рукой по спинке.

— Ты мне ничего не сделаешь. — Белка постаралась говорить спокойно, она сглотнула. Ей казалось, что от страха ее сейчас вырвет. — Все знают, что я...

Бес засмеялся, пружинисто спрыгнул с помоста.

— Какая простота! — Он отряхнул ладони. — Умильно до слез.

— Комендант знает... Ты подписал бумагу, там, в суде — я видела... Ты должен меня доставить...

— Разумеется! — Бес сделал удивленное лицо. — Кто же сомневается! Должен — значит, доставлю. В целом виде или по частям. Сырую или запеченную. Но непременно доставлю.

Гараж был большой, на две машины, перед второй дверью стоял пыльный «Форд» с аризонскими номерами и треснутым ветровым стеклом. Разбуженный сверчок недовольно зацокал, потом затянул занудную трель. Сыро пахло землей и прогорклым машинным маслом. В углу гаража громоздился хлам — обычный сарайный мусор, застрявший тут по до-

роге на свалку: мятые картонные коробки, жестяные банки с потеками краски, мотки проводов, желтый садовый шланг, ржавые инструменты — лопата, двуручная пила, грабли со сломанной ручкой. Среди этого хлама белел мраморный ангел с отбитым крылом — такие обычно стоят на мексиканских кладбищах. У ангела было скорбное девичье лицо, обращенное к небу. Туда же он указывал правой рукой, свою левую руку ангел жеманно приложил к сердцу.

— Ты, наверное, фантазировала, что я тебя буду насиловать? В особо извращенных формах, да? — Бес тронул заклеенное пластырем ухо. — Увы... Наши отношения уже переросли эту романтическую фазу. У нас с тобой будет взрослый разговор. Причем тебе будет больно. Иногда очень.

Бес расстегнул верхнюю пуговицу кителя.

— Будь умницей, — попросил он ласково и кивнул в сторону кресла. — Сама сядь, а?

— Ты не посмеешь, — тихо проговорила Белка. — Нет. Нет, не посмеешь.

Бес весело засмеялся.

— Удивительно! — Он повернулся в сторону, обращаясь к мраморному ангелу. — Не посмеешь! Ее наивность граничит с идиотизмом. Полюбуйтесь — и это после того, что с ней приключилось! Сначала ее изнасиловал бандит, потом полиция расстреляла ее отца, потом ее законопатили в тюрьму на сто с лишним лет — а она все еще не понимает, как устроена эта вселенная. И теперь она заявляет, что я не посмею!

Он повернулся к Белке и печально сказал:

— Увы, детка. Посмею, и еще как.

Снаружи снова завыл койот, протяжно растягивая тоскливое «у-у-у». Бес был всего в двух шагах. Он стоял, беспечно заложив руки за спину. Белка наклонила голову и бросилась на него, пытаясь сбить с ног. Он ловко отскокил, он явно был начеку. Белка растянулась на земляном полу, больно ударившись подбородком.

— Встать! — грубо скомандовал Бес.

С руками в наручниках подняться было непросто, Белка встала на четвереньки, потом на колени. После выпрямилась. Бес ждал, пра-

вая рука его была за спиной, словно он что-то там прятал.

— Ну, хорошо. Я тебя предупреждал. — Бес быстрым движением ткнул Белку в грудь каким-то брусом, похожим на резиновую дубинку.

Раздался треск электрического разряда. Боль пронзила тело, Белка затряслась, раскрыла рот, но крикнуть не смогла. На миг она потеряла сознание. За это мгновение она увидела себя бегущей по склону зеленого холма, поросшего красными маками.

34

После шока тело казалось ватным, Белка застонала, пытаясь встать. Она приподнялась на локтях, ноги беспомощно елозили по земляному полу. Бес ухватил ее за шиворот и рывком затащил на помост.

— Я предупреждал, — пыхтя, сказал он. — Слушаться! Слушаться надо.

Ему удалось впихнуть Белку в кресло, усадить, как большую тряпичную куклу. Она вяло сопротивлялась. Бес снял с Белки наручники, просунул ее руки в ремни на подлокотниках, затянул. Щелкнул стальными зажимами. От них тянулись черные провода.

— Очень хорошо... — Бес довольно оглядел Белку, погладил по бритой голове. — Очень... Ой, да мы никак штанишки намочили? Описались?

Он сказал это с простонародным, южным выговором. И захихикал. На Белкином рыжем тюремном комбинезоне между ног темнело мокрое пятно. От унижения и стыда Белка опустила голову и беззвучно зарыдала.

— Ну не надо так переживать. Это ж естественная реакция организма на электрошок. Я тут такого насмотрелся. — Бес спрыгнул с помоста. — Кстати, о естественных реакциях. Ты, наверное, не знаешь, что от электрошока наступает постиктальная астения. Это по-научному. А если просто — спутанность сознания, дезориентация во времени и пространстве. Иногда и в собственной личности. Ша-

рахнут тебя током, а ты после и имени своего вспомнить не можешь — представляешь, вот умора?

Бес не врал, Денни рассказывал в школе, что его бабушку лечили электрошоком от каких-то припадков, так она после вообще никого не узнавала. Вспомнила Белка и слово — «амнезия».

— Я их обычно на обочине оставлял, — сказал Бес. — Как падаль.

— Кого — их? — с трудом выговорила Белка, язык казался большим и горячим.

— Кого? — удивился Бес. — Вас! Кого же еще?

Бес неожиданно захихикал. Начал нервно ходить взад и вперед, потирая ладони.

— Вас! Хитрых похотливых тварей! Вот смотри, смотри!

Он торопливо вытащил из внутреннего кармана пачку мятых фотографий, развернул веером, как карты. Белка не успела ничего рассмотреть — какие-то пятна, нерезкие лица.

— И ты полюбуйся! — Бес подскочил к ангелу. — И ты! Вот эту, помнишь — Кассандру? Помнишь? О-о!

Он захохотал, неожиданно умолк и наклонился к мраморному уху.

— А вот эту... — он ткнул пальцем в фотографию. — Как же ее...

Бес пытался вспомнить, потом нетерпеливо перевернул карточку, прочитал:

— Магда! — радостно поцеловал ангела в щеку. — Магда-Магда-Магда! Ну конечно же — Магда! Седьмое апреля. Магда. Маг-да. Да...

Он неожиданно помрачнел.

— А к тебе вот не успел. — Он нежно погладил ангела по волосам. — А как спешил! И все равно опоздал. Помнишь, как я тебя вытащил, а там одни черви? Черви и кости!

Он засмеялся, повернулся к Белке.

— Представляешь, черви и кости? Вот досада! И почему все так несправедливо устроено?

Бес застыл, словно пытался что-то вспомнить.

— А ты как думаешь? — он неожиданно обратился к ангелу. — Это Бог или дьявол так спланировал? Всю эту свинскую жизнь? Ведь ты должна знать, ты уже там.

Бес, улыбаясь, подмигнул и повторил жест ангела — ткнул указательным пальцем в крышу гаража.

— Или там? — Он топнул ногой по земляному полу. — Или там? В преисподней! В аду! Там тебе самое место! Сволочь! В геенне огненной! Среди подонков и мрази! Такой же дряни, как ты! Там, там тебе самое место!

Бес сорвался на крик. Он кричал и топал ногой по земляному полу, словно плясал какой-то языческий танец.

— Ты думаешь, это месть? Что я мщу тебе? Нет! Не-е-ет! — Он захохотал. — Мне это нравится, мне просто нравится... Да нет, что я несу — что значит нравится? Я в восторге от этого! В восхищении! Ты слышишь, сука? В восхищении!

Бес сжал кулаки и плюнул ангелу в мраморное лицо.

— Тварь... — Он вытер рот кулаком. — Вот ведь тварь...

Подняв глаза, он рассеянно поглядел на Белку, словно вспомнив, сказал:

— Теперь с тобой. Правила простые... Ты в церковь ходишь? На исповеди была? Ну вот,

что-то вроде того: я спрашиваю — ты отвечаешь. Если отвечаешь плохо — я включаю ток.

— Что значит — плохо?

— Ну это уж я буду решать. Подсказка. — Он улыбнулся. — Меня интересуют подробности. Поняла?

Бес подошел к трансформаторному ящику, открыл крышку, щелкнул выключателем. Ящик загудел. Белка судорожно выпрямила спину, ожидая такой же боли, как от электрошокера. Ничего не произошло, лишь запястья защипало — словно мелкие иголки впились в кожу. Вполне терпимо.

— Скажи мне. — Бес отошел от трансформатора и, заложив руки за спину, прошелся перед помостом. Туда и обратно. — Скажи, что ты сделала со своим ребенком?

Белка оторопела.

— Повторяю вопрос: что ты сделала со своим ребенком?

— У меня... — Она запнулась. — У меня никогда не было...

— Стоп-стоп-стоп! — зло перебил ее Бес. — Повторяю последний раз: что ты сделала со своим ребенком?

Бес подошел к трансформатору.

— Да-да! — Белка вжалась в спинку кресла. — Я просто... У меня от электрошока... Память... Как она — амнезия!

Бес подозрительно прищурился.

— Я сейчас вспомню, сейчас, — торопливо заговорила Белка. — У меня был ребенок... Да... Мальчик?

Бес улыбнулся, кивнул.

— Мальчик... Помню, помню. — Белка пыталась угадать, чего он от нее ждет. — Ну помоги же мне! Как его звали?

— Стивен, — тихо подсказал Бес. — Вспомнишь?

— Да-да, Стивен! Точно, Стивен.

— А кто был его отцом? Это помнишь?

— Отцом... Да, отцом Стивена... Это был...

Бес исподлобья смотрел на нее. Смотрел и молчал.

— Я... я... — Белка запнулась и замолчала.

— Не помнишь. — Он покачал головой. — Конечно, не помнишь. Да и как тебе вспомнить, ведь ты была гарнизонной шлюхой.

Белка покорно кивнула.

— Джинни-Нараспашку! Джинни-Трехминутка! Как там еще тебя звали? Джинни...

Его голос прервался всхлипом.

— Мразь... — Он отвернулся. — Мразь...

35

В углу зудел сверчок, словно пилил три ноты на крошечной скрипке. Белка, не отрывая взгляда от спины Беса, попыталась вытащить правую руку. Зажим стальным манжетом крепко сковывал запястье. Еще были кожаные ремни. Разжав кулак, она попыталась расслабить кисть. Вроде получилось. Потянула. Локоть уперся в спинку кресла. Нет, так не пойдет — зажим, нужно открыть зажим. Белка согнулась, стараясь зубами дотянуться до замка зажима. Ей почти удалось, она могла коснуться его языком. Она изо всех сил тянула шею, от натуги и боли у нее потемнело в глазах. Ей казалось, что ее позвоночник сейчас треснет, треснет, как сухая палка. Еще чуть-чуть, всего полдюйма! Ну же! Ну!

Она вцепилась зубами в стальную защелку, потянула. Замок щелкнул и раскрылся.

Бес повернулся, посмотрел на нее. Его лицо было серым и злым. Белка боялась дышать, краем глаза она видела раскрытый замок — защелка торчала вверх. Не заметить ее было нельзя.

— Я — Джинни-Нараспашку! — закричала Белка диким и звонким голосом. — Да! Да! Я — Джинни-Подстилка, Джинни-Шалава! Гарнизонная потаскуха, курва и мразь! Да!

У Беса ожили глаза, он вперился в нее, словно боялся что-то упустить. Он часто кивал головой, подтверждая каждый выкрик Белки. Его губы беззвучно повторяли каждое ее слово.

— Я не знаю, кто отец моего ребенка! Их было столько... столько...

— Ты даже не знаешь сколько?

— Много...

— Сто? Двести? — закричал Бес. — Сколько? Отвечай, сука!

— Больше. — Белка двигала рукой, пытаясь ослабить ремни. — О, гораздо больше! Я сна-

чала считала, но сбилась после пяти сотен. Сбилась... Их было так много...

— Дрянь! — Бес хрипло выкрикнул и закашлялся. — Ах ты дрянь!

— Да! А мальчишку этого, Стивена... На кой черт мне он нужен? Мальчишка... к черту его!

— А ты знаешь, дрянь, что с ним стало в этом приюте? Как он там жил? — Бес с красным от кашля лицом подбежал к краю помоста. — Ты хоть раз подумала о нем? Вспомнила?

— Нет! Ни разу! — Белка орала, боясь, что он заметит открытый замок. — Меня пялили, дрючили, жарили день и ночь! И в хвост и в гриву! По дюжине кобелей за раз пропускала! По дюжине!

Он сжал кулаки, затрясся, как в припадке. Запрокинув голову, по-волчьи завыл в потолок гаража.

— Потаскуха!

Белке удалось ослабить ремни, она подавалась вперед, загоразивая правую руку с растянутым замком.

— Потаскуха! — воя, повторил Бес. — Распутная сука! Как ты.. как ты могла...

Он скривил лицо, зарыдал. Белке отчего-то стало смешно и жутко. Бес устало подошел к трансформатору, протянул руку к тумблеру. Белка испуганно открыла рот, но сказать ничего не успела.

Это была не боль. Боль — это когда порежешь руку. Или наступишь на гвоздь. Или когда болит зуб. Или голова. Ты отдаешь себе отчет, кто ты, где ты и что с тобой происходит.

Когда Бес включил ток, вселенная взорвалась. Не осталось ничего, кроме пронзительного ужаса, каждая клетка ее тела забилась в судорогах — вот она, смерть! Смерть пришла, и нет спасенья! У Белки вырвался звериный вопль, страшный крик, так кричат животные на бойне. Мир напоследок ослепительно вспыхнул и тут же ухнул в чернильную тьму.

Она очнулась. Сгорбленный Бес больно сжимал ее щиколотки. Он рыдал, уткнувшись лицом ей в колени. Было не понять, сколько времени прошло, сколько она была без сознания — минуту, час, всю жизнь.

— Прости, прости меня, милая, — повторял Бес потерянным голосом. — Прости меня.

Белке с трудом удалось удержаться на этой стороне реальности — звуки и запахи становились гуще и тянули ее в ватную черноту. От Беса кисло разило потом и солдатским одеколоном, казалось, что ее сейчас вырвет. Судорожно, как утка, она глотнула горькую, тягучую слюну. Правая рука была свободна. Белка попробовала сжать кулак, но пальцы оказались мягкими, как глина.

36

Снаружи что-то звякнуло, словно кто-то уронил связку ключей на гравий. Бес поднял лицо, мокрое, с растерянными глазами. Не узнавая, оглядел Белку, медленно повернулся к двери. Дверь с ржавым стоном раскрылась, на пороге стоял одноглазый. Он был в серых кальсонах и нательной майке. Его макушка упиралась в притолоку двери.

— Крики... Я подумал... — Он неуверенно шагнул в гараж.

Бес неожиданно резво спрыгнул с помоста.

— Меньше думай, — нервно каркнул он сильным голосом. — Иди спать! Нужно будет — позову! Спать!

Великан виновато развел руками, его глаз остановился на Белке. Он топтался в дверях, не решаясь уйти.

— Кому сказал! — заорал Бес, направляясь к нему. — Вон!

Белка видела, как Бес вытащил из-за пояса электрошокер.

— Стив, ты что? — Здоровяк попятился. — Ты что?

— Вон! Урод!

Бес быстро выставил руку. Раздался треск, короткая голубая молния ткнулась одноглазому в грудь. словно от удара его откинуло назад, он грузно грохнулся на спину.

— Вон отсюда! — Бес, держа оружие наготове, наклонился над напарником. — И еще. Все, что ты видел, — тебе приснилось. Понял?

Он приставил электрошокер к груди одноглазого.

— Понял?

Одноглазый, приподнявшись на локтях, кивнул.

Белка высвободила правую руку. Пальцы не слушались, Белке казалось, что на руке рукавица из толстой шерсти. Нужно как можно быстрее открыть левый замок. У нее всего несколько секунд. Она цепляла зажим ногтями, но сил открыть его не было.

Дальше произошло что-то непонятное. Белка, копавшаяся с замком, боковым зрением уловила движение — бесшумное и стремительное, словно сквозь гараж пронеслась гигантская птица. Подняв голову, она увидела Беса, завершающего траекторию своего полета. Раскинув руки, он рухнул в гору хлама, сваленного в дальнем углу. С грохотом и звоном посыпались банки и коробки, загремели ржавые лопаты и грабли. Мраморный ангел отшатнулся будто в изумлении. Что-то напоследок звякнуло, и в гараже повисла тишина.

Белка повернулась к двери — одноглазый уже стоял на ногах. Сжав кулаки, он медленно пошел к Бесу. Тот, заваленный хламом, даже не двинулся, его изумленный взгляд застыл на великане. Одноглазый сделал еще шаг и остановился.

— Стив! — позвал он странным голосом. —
Эй, Стив...

Бес молчал. Прислонясь спиной к мраморному ангелу и выпятив подбородок, он продолжал удивленно пялиться на напарника.

— Мать твою, — пробормотал одноглазый, приближаясь вплотную.

Ухватив за лацканы кителя, он поднял Беса. Кисти его рук повисли, как у марионетки. Одноглазый наклонился, что-то разглядывая, после бережно положил Беса на земляной пол. Зачем-то поправил ему китель.

— Мать твою... — повторил он.

Из-под головы Беса вытекло черное пятно. Белка подняла глаза, каменная рука ангела была по локоть в красном и блестящем. Кровавый палец указывал вверх.

— Под основание черепа... — неизвестно кому сказал одноглазый, трогая свой затылок. — Там такое место есть...

Замок наконец поддался, зажим звонко щелкнул и расстегнулся. Одноглазый повернулся, провел ладонью по лицу, словно спросонья. Он посмотрел на Белку как-то боком, как смотрят птицы.

— А что вы тут... — Он хотел спросить, но запнулся. — Что...

— Беседовали мы, — ответила Белка.

Одноглазый понимающе кивнул, рассеянно поглядел на труп.

— Что делать будем? — спросила она. — Тебя как зовут?

— Кит... Вернее, Питер. — Он добавил: — Питер Савчук.

— Ты что, хохол? — удивилась Белка. — Украинец?

— Мой дед оттуда. Он сюда после войны... Его немцы пацаном угнали. Он там на ферме батрачил, в Баварии... ну а после... Это после той войны, древней, с Гитлером, знаешь?

— Мой прадед... — Белка начала и не закончила.

Они долго молчали, стараясь не смотреть друг на друга и на мертвого Беса. Белка незаметно высвободила левую руку.

— Слышь, — попросила она. — Накрой его чем-то... глаза эти...

Глаза Беса, широко раскрытые и совсем живые, удивленно смотрели в потолок. Питер

наклонился и обыденным жестом большой ладони закрыл глаза мертвецу.

— А я там родилась, — после молчания вдруг сказала Белка. — Там, в России. Странно, да? Тебя бы там Петя звали, Петька... нет, Петро, ты ж украинец.

— Моего деда так звали. Мы, когда в Мичигане жили, там озера, просто тысяча озер... Дед меня рыбу учил удить. Утром уходили, еще по туману... Спать хотелось... Страшно спать хотелось, сидишь, вроде как за поплавком следишь, а сам...

— У тебя жена, дети есть? — спросила Белка, сжимая и разжимая затекший кулак.

Питер мрачно вперил в нее единственный глаз.

— Извини, я не... — растерялась Белка. — Извини...

Питер сидел на корточках, свет падал на правую, изуродованную, часть лица. Сизо-розовая, тошнотворно нежная на вид, кожа казалась лакированной и напоминала ошкуренную тушку цыпленка. Затейливая мозаика шрамов забиралась под волосы, впалое веко было

намертво приклеено, на месте брови рос пук пегих волос. Белка опустила глаза.

— Я в университетской сборной играл, в нападении. Левый край. Приезжал тренер из Чикаго, контракт показывал... — Питер покачал головой. — Даже не верится. Мы тогда с Лорейн решили... — Он запнулся, задумался, снова заговорил: — Я, когда после госпиталя вернулся, у нас на главной улице парад устроили. У нас, в Вудбридже. А вечером фейерверк. Здорово было.

Белка молчала. Теперь, с закрытыми глазами, Бес выглядел мертвым, лицо осунулось, посветлело. Кожа отливала лимонным, казалось, что кожу натянули на затылке — проступили скулы, рот приоткрылся, стали видны мелкие передние зубы.

— Док сказал, что надо ехать в Бостон, там центр пластической хирургии. — Питер ткнул себя в щеку. — А я рапорт подал. Хотел снова к ребятам... кто уцелел после той ночи. Там, под Фелуджей. Я когда Тома вытаскивал, люк заклинило, а после «жаба» рядом плюхнулась. Фугас. Я даже не почувствовал, что у меня полголовы снесло. А Том был мертвый, я его мерт-

вого тащил. Ему в сердце осколок, в самом начале боя...

Питер замолчал, он сидел на корточках, устало свесив с колен тяжелые кисти рук. Пальцы почти касались земляного пола.

— Вот они говорят, что мы не любим рассказывать про войну, — Питер говорил медленно, словно читал скучный текст. — Это не так. Неправда. Они не хотят слушать. Они не хотят знать, что там происходит. Им страшно. А тут я со своей рожей... И рассказывать ничего не надо.

Он усмехнулся и снова замолчал.

— Хотя... — начал Питер, глядя в стену. — Я думал об этом. Я, наверное, снова записался бы. Добровольно. Ведь кто-то должен, правильно? А почему кто-то? Почему не я?

— Ты серьезно? — недоверчиво спросила Белка.

— Да. Вот ты, — он повернулся к ней. — Ради чего ты живешь?

— Я? — изумилась Белка. — Ты что, псих? Посмотри на меня! Я пытаюсь спасти свою шкуру! Понимаешь? Свою шкуру!

— Не кричи, — поморщился Питер. — Башка раскалывается... Ну спасешь ты свою шкуру, допустим, ну и что? Что дальше? Что ты будешь делать со своей шкурой? Спасенной...

Белка оторопела.

— В жизни должен быть смысл, — начал Питер. — Должна быть...

— Смысл?! — Белка захохотала. — Смысл! Тебя в этой Фелудже точно здорово накрыло фугасом! Смысл! Какой в этом смысл? В этом!

Она ударила кулаком по поручню кресла.

— Или в этом? — она ткнула в мертвого Беса. — Ты только что угробил своего напарника! В этом какой смысл? Что ты с этим собираешься делать?

— Надо вызвать полицию...

— Что? Полицию! Ты что, очумел совсем?

Белка с трудом поднялась. Ее шатнуло, она ухватилась за поручень. Какой-то бред — полицию! Она недоверчиво оглядела гараж — полный бред: рыжий электрический стул в круге тусклого света, пыльный «Форд», грустный ангел с окровавленной рукой, мертвый маньяк.

Она спустилась с помоста, заглянула мертвецу в лицо. Черная лужа под головой теперь казалась обычной грязью. Рукав кителя был испачкан зеленой краской. Пряжка ремня съехала набок, из расстегнутой кобуры торчала рифленая рукоятка пистолета.

Питер медленно повторил:

— Надо вызвать полицию.

— Тебя ж, дурака, посадят! — крикнула Белка. — Влепят лет десять!

— Я его убил, — спокойно ответил Питер. — Суд решит.

— Суд?! — Белка возмущенно взмахнула руками. — Суд? Ты что, не видел этот суд? Вчера? Этого судью, прокурора? Придурка-адвоката? Купить кошачий корм! Кошачий корм!

— Какой корм?

— А-а-а! — Она отчаянно замотала головой.

Питер не спеша поднялся с корточек, Белкина макушка едва доставала ему до ключицы.

— Послушай. — Она тронула его плечо. — Питер...

Он отрицательно покачал головой и побрел к выходу.

— Питер... — Белка наклонилась к труп, вытащила из кобуры револьвер. — Питер!

Он повернулся, равнодушно взглянул на оружие.

— Пожалуйста. — Белка медленно подняла руку. — Не делай этого. Я тебя очень прошу.

— Ты знаешь, София... — Он грустно улыбнулся. — Если бы ты смогла нажать курок...

— Ты думаешь, я не смогу? — Она сделала шаг, целясь ему в грудь. — Мне терять нечего! Ты понимаешь это — мне нечего терять!

Питер кивнул.

— Тогда стреляй. — Он показал пальцем на грудь: — Вот сюда. Тут сердце.

Белка закусила губу, она почувствовала, как вспотела рука, как маслянистый курок стал скользким и жарким. Ладонь затекла, мерзкая дрожь передалась стволу, мушка плясала между грудью охранника в серой майке и открытой дверью. Оттуда, из южной душной ночи, доносился звон цикад.

Питер стоял и ждал.

Белка попыталась еще раз — вдохнула, задержала дыхание. Нужно просто сильнее надавить пальцем — и все. Ведь тогда, той ночью...

Просто надавить... Рука дрожала все сильнее, проклятая майка теперь скакала, как заяц. Просто надавить! Белка зажмурилась, скривила рот, словно собиралась зареветь.

— Сволочь! — Она бросила револьвер на землю. — Сволочь! Ну ты бы хоть сам застрелился! Сам! Если уж тебе так сдохнуть хочется. Сам...

— Не могу сам, — печально сказал Питер. — Грех это.

37

Закрыв лицо ладонями, Белка рыдала. Изредка всхлипывала, словно пытаясь судорожно вдохнуть. Питер сделал шаг к ней, остановился.

— Тут сигнала нет. Во всей округе, — словно оправдываясь за округу, сказал он. — Я пойду в дом, там телефон... такой... на шнуре.

Белка будто не слышала. От мокрых ладоней пахло слезами, оружейной смазкой и дешевым солдатским одеколоном. Стыд, отчаянье, соб-

ственная ничтожность — больше всего Белке хотелось исчезнуть, раствориться. Провалиться сквозь землю. В ад? Да хоть в ад, лишь бы отсюда. Он сказал — грех, а ведь она пыталась убить себя. Ей тогда и в голову не пришло, что это грех. Не было сил жить — и все, каждая минута была наполнена такой болью, такой жгучей болью. И почему Бог решил, что это грех?

Питер толкнул дверь, петли ржаво заскрипели. Он нерешительно постоял перед входом, помедлил в пыльном желтом круге тусклого света. Потом неторопливо вошел в темноту. Хруст гравия стал удаляться, постепенно сливаясь с отчаянным гомоном цикад. Белка никогда не слышала таких громких цикад.

— Погоди! — крикнула Белка.

Остаться в гараже одной стало невыносимо жутко. С мертвым Бесом в луже засохшей грязи, с рыжим стулом, от которого тянулись страшные черные провода, с мраморным ангелом, который печально продолжал указывать куда-то вверх своим окровавленным пальцем.

С этим проклятым револьвером, тускло сияющим вороненой сталью на земляном полу.

— Погоди, — глотая слезы, повторила она. — Я с тобой.

Она вышла в ночь. Замешкалась — после света тьма была кромешной. Белка выставила руки и осторожно пошла вперед. Постепенно проступила линия горизонта — плоский горб черной горы, над ним черное небо. Нет, не черное — небо оказалось синим, глубоким, бархатным. Белка подняла голову, остановилась.

— Господи, — прошептала она, — сколько их!

Над ней, торжественно мерцающая и пульсирующая, плыл Млечный Путь. Справа висел ковш Медведицы, чуть дальше среди сияющей россыпи она различила три звезды на поясе Ориона. Бездонное небо пугало своей величественной отрешенностью, своим фундаментальным спокойствием. У Белки пробежали мурашки по спине — она нутром ощутила грандиозность творения, холод и торжественный покой бездны.

— Сколько звезд... — совсем рядом прошептал Питер. Он стоял в двух шагах от нее, запрокинув голову.

— Страшно... — тихо проговорила она.

— Нет. Хорошо... — Белка почувствовала, что он улыбается. — Именно так выглядит надежда.

38

Они вошли в дом на ощупь — кто-то погасил фонарь над входом. Белке в нос ударил резкий запах зверинца. Еще она услышала странный звук — тонкое, едва слышное попискивание, словно целая армия лилипутов выстукивала на миниатюрных ключах сигналы на азбуке Морзе.

— Что это? — прошептала она, трогая руками темноту. — Где выключатель?

— Ищу... — шепотом ответил Питер.

Белка слышала сухой звук его ладони, шарящей по стене. Слева взвыла половица, потом что-то загремело — похоже, Питер налетел на стул. Белка застыла, прислушиваясь. Где-то в непроницаемой глубине дома что-то охнуло, потом оттуда послышался деревянный стук:

тук, тук, тук, — точно кто-то лениво ронял крупные орехи на пол. Стук приближался. Со всем рядом протяжно заскрипела дверь. На потолке раскрылся тусклый веер оранжевого света, и в дверном проеме, словно прямым из готической сказки, появилась старуха. В одной руке она держала керосиновую лампу, другой опиралась на костыль. На ней была мятая ночная рубаха.

Старуха что-то спросила по-испански, грубо и недовольно. Питер ответил, Белка уловила слово «телефон». Старуха подняла лампу, приблизилась к Белке, бесцеремонно разглядывая ее лицо. Белка подалась назад — от старухи разило чем-то прогорклым, какой-то тошнотворной дрянью, то ли смесью лекарств, то ли тухлой парфюмерией.

— Эста телефон? — повторил Питер, поднося кулак к уху. — Телефон, полиция — энтендэ?

Старуха сердито затараторила, трясая головой, несколько раз повторила имя Стивен.

— Ты по-испански как? — Питер растерянно повернулся к Белке.

— Никак.

— Она, кажется, думает, я про гараж хочу звонить. В полицию. Стивен ее племянник.

— Мать твою... — пробормотала Белка. — Так она все знала... Твою мать... А ты ей сказал... ну, про него?

Питер мотнул головой.

Старуха наступала на него. Она зло кричала, стучала клюкой в пол. Белка на всякий случай отошла к стене. Вдоль стены, на полу, стояли картонные коробки, именно оттуда доносился писк. Белка заглянула — внутри сидели цыплята, крошечные желтые цыплята.

Питер перебил старуху, она будто поперхнулась и тут же замолчала. Переспросила. Питер отчетливо повторил — «муэртэ, Стив муэртэ».

Старуха застыла, замерла на минуту — не меньше. Потом толкнула входную дверь и, выставив перед собой керосиновую лампу, заковыляла в сторону гаража. Питер наконец нашел выключатель, несколько раз щелкнул, но свет так и не включился.

— Пробки, наверное, — пробормотал он.

Из гаража донесся вопль.

— Ну, вот... — тихо проговорила Белка.

Они видели в раскрытую дверь, как оранжевый огонек лампы появился из-за холма и, покачиваясь, будто китайский фонарик, поплыл к ним. Они молча ждали.

Старуха тяжело поднялась по ступеням. Белка ожидала истерики, криков, даже драки. Старуха молча вошла в прихожую, так же без единого слова подошла к Питеру и, подняв керосиновую лампу, уставилась на него. Ее коричневая рука, узловатая, как коряга, чуть дрожала, фитиль лампы начал коптить — кончик языка красного пламени трепетал черным жалом. Рыжие блики пробежали по изуродованному лицу Питера. За его спиной на потолок полезла гигантская фиолетовая тень.

— Телефон, — тихо попросил он. — Пор фавор...

Белка стояла сбоку. Рот старухи, злой безгубый рот, похожий на бритвенный шрам, был плотно сжат, в профиль она напоминала какую-то рептилию. Казалось, что Питер тоже побаивается ее. Наконец старуха кивнула, Питер посторонился, пропустил ее. Она прошаркала мимо, притворила за собой дверь.

Белка облегченно выдохнула. Питер тоже вздохнул, потом неуверенно начал:

— Если бы ты... — Он запнулся. — Если бы я...
Короче, если б тебе удалось бежать...

— Так ты ж собираешься в полицию звонить, разве нет?

— Да... — Он снова замолчал. — Но не сразу...
Утром.

Белка задумалась. До рассвета всего несколько часов. Эти несколько часов вряд ли что-то изменят, но даже в самой безнадежной ситуации всегда остается шанс, пусть самый ничтожный, самый мизерный, но все-таки шанс. Именно из-за него, этого шанса, из-за этой крошечной надежды, и стоит жить. Особенно когда терять абсолютно нечего.

— Слушай, Питер. — Белка не знала, с какого бока подойти, поэтому сказала прямо: — А может, вместе? До мексиканской границы всего часа три-четыре. Там вдоль реки целые участки не охраняются, мне Густаво, мой друг школьный, рассказывал. А оттуда — в Боливию. Или даже в Аргентину! Серьезно...

Питер неуверенно усмехнулся. В темноте она видела лишь черный силуэт его головы.

— Спасибо. — Он нашел ее руку, чуть сжал запястье. Белке показалось, что он улыбается.

— Ведь нас начнут искать только завтра! Не раньше пяти! — страстно выпалила Белка. — За это время вообще можно на край света...

Дверь раскрылась, Белка замолчала. Старуха вернулась, но без телефона, а с корзиной. Небольшой плетеной корзиной для пикника с круглой плетеной крышкой. Старуха не спеша пристроила лампу на стул, повернулась к Питеру. Она улыбалась.

Питер удивленно посмотрел на Белку, потом на старуху. Старуха протянула ему корзину.

— Грасиас, — растерянно поблагодарил Питер, принимая корзину. — Мучос грасиас.

Старуха, улыбаясь и кивая, жестом показала, что корзину нужно открыть. Что там, на крышке, застежка. Пальцы Питера, большие и неуклюжие, справились с застежкой, он приоткрыл крышку, заглянул. Смущенно пожал плечами, улыбнулся, осторожно запустил руку внутрь.

Старуха, с вождением ожидая реакции на свой подарок, уставилась Питеру в лицо.

— Что там? — прошептала Белка. Она тоже улыбалась. — Пирожки?

Питер вскрикнул, дернулся. Он медленно, словно доставая что-то хрупкое, вытащил руку из корзины. Его запястье и кисть обвивала змея. Белка отпрыгнула, старуха захохотала. Черные аспидные кольца сально блестели, отливая красной медью, плоская голова сонно покачивалась. Змея раскрыла пасть, блеснули два длинных зуба.

Глаз Белки не успел уловить броска — Питер вдруг схватился за горло. По шее побежала струйка крови, остановилась в ключице. Змея неожиданно быстро, словно стальная пружина, упруго раскрутилась и очутилась на полу. Белка завизжала, отпрыгнула к стене. Змея лениво заползла обратно в корзину.

39

Питер удивленно разглядывал ладонь — на ладони и запястье было еще два укуса. Неуверенно переступая назад и вперед, как человек в зыбкой лодке, он пытался сохранить равнове-

сие. Белка уже не кричала, зажав кулаком раскрытый рот, она оцепенела и, не отрываясь, глядела в лицо Питеру. Тот качнулся, словно собирался начать какой-то неуклюжий танец, подался вбок и медленно, будто дурачась, начал заваливаться назад. Его рука ухватилась за стену, он не удержался и, сшибая картонные коробки, рухнул в угол. Из коробок посыпались цыплята, желтые и пушистые, они весело разбежались по полу.

От шума Белка наконец очнулась, она наклонилась к Питеру, закричала ему в лицо:

— «Скорую помощь»! Надо вызвать «Скорую помощь»! Я сейчас, сейчас... Телефон... Где телефон?

Она оттолкнула старуху, схватила лампу. Телефон стоял на столе в соседней комнате. Белка подняла трубку, гудка не было. Она залезла под стол, один провод уходил в телефонное гнездо, другой в электрическую розетку. Белка вытащила вилку, воткнула ее обратно, прижала для верности. Телефон молчал.

— Черт... — догадалась она. — Тока ведь нет.

Комната, длинная, с низким потолком, напоминала большую грязную кухню — вдоль

стены стояли столы с какими-то склянками, то ли медицинскими, то ли химическими. Другая стена была сплошь в зеркалах, в них повторялся тусклый блеск лампы, рыжий отсвет на лице, блик в безумных глазах. Белка подошла ближе, поднесла фонарь к стеклу.

— Господи, господи, — прошептала она, — это ж не зеркала, не зеркала...

Это были аквариумы со змеями.

Белка, сонно переступая, точно под гипнозом, тихо шла вдоль аквариумов. Подняв над головой лампу, она заворуженно вглядывалась в темное стекло, за которым лениво раскручивали свои чешуйчатые кольца разбуженные светом гады. Толстая, как садовый шланг, змея подняла голову. Белка остановилась. Гадина, покачиваясь в плавном танце, нагло смотрела ей в глаза. Белка не могла двинуться, она разглядывала ювелирной красоты рубиновый узор, который затейливо вился по блестящему, как вороненый металл, упругому телу. Тонкий раздвоенный язык, будто пульсируя, появлялся и исчезал. Белка услышала высокий звук, не шипенье, выше и пронзительней — будто пар прорывался сквозь щель. Белка против своей

воли приблизила лицо к стеклу. Змея, лениво, словно зевая, медленно раскрыла пасть. Два длинных тонких клыка, Белка вспомнила, что в них есть тончайшие каналы, по которым яд попадает в тело жертвы.

Бросок был молниеносен — Белка не увидела, лишь услышала тупой удар в стекло. По стеклу, как две слезинки побежали две капли яда. Белка отскочила, взмахнув руками. Лампа выскользнула и грохнулась на пол. Стеклянный абажур разлетелся вдребезги, керосин горячей лужей потек Белке под ноги.

Она выскочила из комнаты, старуха, увидев пламя, заорала, бросилась тушить.

— Питер! — Белка нагнулась к нему. — Тут должна быть больница! Мы найдем! Поехали!

— Погоди... — Питер с трудом приподнялся. — Это тайпан. Старуха сказала...

— Да какая разница! В больнице...

— Его яд в двести раз сильнее яда кобры...

— Что ты несешь? Откуда ты вообще...

— Когда в Ираке был... — Питер судорожно вдохнул, сипло, с трудом. — Я там не моджахедов боялся, не бомб, не мин... Змей. Весь Ин-

тернет излазил, все изучил. — Он закашлялся. — Эта дрянь самая ядовитая. Тайпан.

Из соседней комнаты послышался звон стекла, что-то гулко ухнуло. Дверь распахнулась, оттуда повалил белый дым.

Питер попытался встать.

— Ноги... — виновато проговорил Питер. — Ноги. Не ходят.

Белка вцепилась в его майку, потянула. Питер приподнялся, ему удалось встать на колени. Кое-как они выбрались на крыльцо, сползли по ступеням. В окнах бродили малиновые сполохи, на землю ложились багровые отсветы с черными крестами оконных рам.

40

Питер умирал. Белка сидела рядом, она гладила его плечо, и этот бессмысленный механический жест казался ей последней связью с ним, с его вытекающей жизнью.

С веселым звоном посыпались стекла — лопнуло среднее окно. Из него вырвался желтый

язык пламени и начал лизать наружную стену. Двор озарился волшебным светом — каким-то таинственным и золотым, щебенка казалась мерцающим янтарем, щедро рассыпанным перед домом.

Питер бредил. Так казалось Белке. Питер говорил про Бога, про рай и про ад, Белка гладила его плечо, разглядывая сияющие осколки янтаря, раскиданные по двору.

— Он создал Адама и Еву и поселил их в Эдеме. Зачем? Почему? Там освободилось место после изгнания Люцифера и восставших с ним ангелов. Они были низвергнуты в ад. Люцифер — сын зари, могущественный ангел, ангел света, — какой же грех он совершил? Чем прогневал Бога?

Питер запнулся, судорожно хватая ртом воздух.

— Грех гордыни, вот какой грех. Он отказался служить Господу, и Тот низвергнул его в ад. Пророк Исайя... — Он закашлялся, хрипло, с надрывом. — Исайя...

Огонь забрался под крышу. Внутри дома пламя гудело, как в печке. Стало жарко, но отползти уже не было сил. Белка закрыла глаза.

— Сияющий ангел, сын зари, ангел света Люцифер явился Адаму и Еве в виде змеи. Змеи! Почему именно змеи? Змея — это яд, яд — это коварство. Вот почему! Люцифер влил яд в душу человека, человек пал. Люцифер не мог смириться с мыслью, что человек, создание из глины и грязи, займет в Эдеме его место. Гордыня... Опять гордыня.

Без паузы и тем же тоном — устало и тихо — он произнес:

— Холодно... Как тут холодно... Накрой меня, пожалуйста.

Между двух столбов на веревке сушились какие-то тряпки, Белка принесла, накрыла. Уже горел чердак, жесть на крыше казалась розовой и полупрозрачной. Как леденец, подумала Белка. Пламя прорывалось между листов жести, плясало, юрко взбиралось все выше и выше.

— Ты говоришь, что смысла нет, — Питер проговорил тихо. — Есть смысл. Во всем. Мы просто не хотим его видеть. Мы пытаемся найти смысл, а его надо понять. Понять головой, а главное... — он приложил ладонь к груди, — сердцем...

Белка хотела что-то сказать, но не смогла, в горле стоял комок.

— Когда ты будешь переходить границу, — он попытался улыбнуться, — я уже буду... там. Я за тебя замолвлю словечко.

Белка закрыла лицо руками. Плакать она уже не могла. Оказывается, есть предел всему — даже слезам. Она услышала, как с треском рухнула крыша, пламя, вырвавшись на свободу, победно завьло.

41

Питер затих. Белка расправила простыню, накрыла его лицо. Провела ладонью по складкам. Какой смысл? В чем он? Бедный, бедный добрый Питер.

Белка стянула с себя тюремный комбинезон, скрутила в тугой узел и с силой бросила в огонь. Голая и потная, уперев кулаки в бедра, она с минуту смотрела на пламя. Там, в ослепительной круговерти, возносились к небу пылающие замки, возникали и рушились вос-

хитительные мосты, растекались рубиновые озера, в один миг вырастали огненные утесы и тут же рассыпались на миллиард сияющих звезд. Ад? Почему ад? И если это ад, то, может, все не так уж плохо.

Из вороха тряпок, что сушились на веревке, Белка вытащила старухино платье, большой ветхий платок бурого цвета. Платье оказалось огромным, Белка оторвала край от наволочки и завязала вместо пояса. Сев на землю, она расшнуровала правый ботинок, стянула с ноги. Засунув руку внутрь, ногтями подцепила стельку, оторвала ее. К обратной стороне стельки липкой лентой были приклеены две пластиковых карточки — кредитка «Американ Экспресс» и водительские права.

— Здравствуй, Айши Мунир, — пробормотала Белка, разглядывая фотографию на правах. — Теперь вся надежда только на тебя.

В тюремном фургоне не было ключа. Ключ наверняка остался в кармане у Беса. Вернуться в гараж не было сил, она просто не смогла себя заставить. Старухин пикап оказался открыт, ключ беспечно торчал в замке зажигания.

ния. Белка уселась, замирая, повернула ключ. Стартер покряхтел, мотор вздрогнул и завелся. Загорелись лампочки приборного щитка, дрогнули стрелки — бензина было почти полбака. Белка включила фары и медленно выкатила на проселок. Дорога уходила только в одну сторону, Белка оглянулась на догорающий пожар и нажала на газ.

Проселок состоял из ухабов и рытвин, этой дорогой, очевидно, никто, кроме старухи, не пользовался. Пикап скрипел просевшими рессорами, иногда шаркал днищем по сухой глине. Белка морщилась, как от боли, и скидывала скорость до десяти миль. Часы на щитке показывали невозможное время — восемь сорок пять. Согласно бортовому времени она покинула ферму в семь тридцать.

Окрестности сводились к чернильной темноте. За час с лишним ей не встретилось ни души, если не считать армадилло. Броненосец пересекал дорогу, он остановился в свете фар, недовольно взглянул на пикап и с достоинством продолжил ночную прогулку.

Наконец через полтора часа из темноты выплыл ржавый знак, предвещавший скорое — через полторы мили — пересечение с главной дорогой. Главная дорога оказалась на деле захолустным двухрядным шоссе, впрочем, асфальтированным и с разметкой. Стали попадаться встречные машины, в основном грузовики.

Белка издалека увидела светящуюся ракушку — вывеску бензоколонки. Съехав на обочину, она остановилась. Включила дохлую лампочку над головой, повернула к себе зеркало. Провела ладонью по голове, на макушке проклюнулась золотистая щетина. Обмотав голову старухиным платком, она соорудила некое подобие чалмы, длинные концы затянула узлом на затылке. Облизнула губы, смочив слюной палец, провела по бровям. Уставилась в зеркало. Прогромыхавший мимо сияющим болидом грузовик-рефрижератор испугал ее до смерти.

Внутри заправки горел свет, за кассой дремал некто в сальной бейсбольной кепке, за ним на полках пестрели сигаретные пачки,

картонки с печеньем, пакеты с чипсами и прочей полусъедобной снедью. Белка толкнула дверь и вошла внутрь.

Колокольчик разбудил кассира, он начал мять лицо руками, потом зверски зевнул. Белка протянула пластиковую карточку.

— «Американ Экспресс» принимаете?

— Бензин? — мрачно спросил кассир и снова зевнул.

Он взял кредитку, ленивым жестом привычно воткнул ее в кассовый аппарат. Машина сожрала карточку, звякнула и задумалась. Белка замерла, за эту секунду она вспотела, как мышь. Кассир угрюмо смотрел в стеклянную дверь, на которой с равными промежутками вспыхивала неоновая, чересчур бодрая для ночного часа надпись «Да, мы открыты!». Кассовый аппарат снова звякнул. Выплюнул карточку и, тарахтя, напечатал чек.

— Здесь, — кассир оторвал чек, положил на прилавок. — Распишитесь.

Белка взяла ручку, нацарапала какую-то закорючку и едва живая вышла наружу.

К рассвету она выбралась на Десятое шоссе — главную автостраду штата, прямой стрелой пересекавшую Аризону с севера на юг. До мексиканской границы оставалось пять-шесть часов. Как утверждал Густаво, лучшего места перейти границу, чем индейская резервация Тохано, нет. На юге резервации начиналась Сонора — плоская каменистая пустыня, уходящая в глубь мексиканской территории, «...и если держаться подальше от Девятнадцатой дороги, то там не то что патрулей нет, там не ясно, где сама граница проходит. На юг, строго на юг — и через час ты в Мексике», — со знанием дела говорил Густаво.

Солнце вставало, выплывая из-за скучного горизонта, составленного из лысых покатых холмов. Малиновая краснота рассвета, неожиданно смелая и густая, быстро выдохлась и сменилась желтоватым сливочным маревом, в котором томно плавилось светило, предвещающая душный безветренный день.

Белка держалась в среднем ряду, она выбирала не слишком резвый грузовик, обычно грязную фермерскую колымагу, из кузова которой торчали грабли и лопаты или какой-то скарб, укутанный в серую мешковину, и пристраивалась за ним. Несколько раз мимо проносились патрульные машины, Белка пряталась, инстинктивно прижималась к рулю, ее сердце проваливалось в пятки. После Каса-Гранде началась бесконечная пробка, впереди ремонтировали дорогу. Машины едва ползли, Белка тревожно вслушивалась в натужный гул вентилятора охлаждения. Стрелка датчика температуры угрожающе приближалась к красной отметке.

Вылинявшее от зноя небо из лазоревого стало белесым, как разбавленное молоко. В салоне стояла адская жара, но Белка так и не решилась снять платок. Справа на обочине появился и медленно проплыл мимо деревянный указатель «Мотель Вигвам». И действительно, впереди показались островерхие конусы, отдаленно напоминавшие жилища индейцев. Внезапная мысль о кровати с подушкой и чистыми простынями доставила почти физическую

боль. Белка подумала о прохладном душе, мягком махровом полотенце, о нормальной человеческой еде — она застонала, стиснув зубы.

Искушение было так сильно, что она против своей воли включила поворотник и стала протискиваться в правый ряд. Машины едва ползли, тетка с большим красным ртом и в черных стрекозиных очках притормозила свой белоснежный «Линкольн-кабрио» и брезгливо пропустила ее.

— Ты сошла с ума, — прошептала Белка, въезжая на стоянку перед мотелем. — Просто сошла с ума.

Она приткнула старухину колымагу в самом конце парковки, спрятавшись между отчаянно красным грузовиком «Кока-колы» и семейным фургоном с прицепом. Поправила платок, вылезла из машины и решительно зашагала к административному зданию, пестро раскрашенному псевдоиндейским орнаментом с орлами и оленями.

Внутри, между двух тотемных столбов, за деревянной конторкой, похожей на прилавок, дремал толстый дядька с белыми моржовыми усами. Круглые очки в стальной оправе сполз-

ли на самый кончик носа. На конторке стоял перекидной календарь с жирной семеркой и словом «пятница».

— Добрый день! — бодро начала Белка, протягивая моржу «Американ Экспресс». — Мне комнату с душем... можно?

Морж проснулся. Удивленно разглядывая тюрбан, взял в руки кредитку.

— Можно... — не очень уверенно проговорил он. — Одноместный?

— Да. Одноместный. Мне часов на шесть.

— У нас приличная гостиница, а не... — обиделся морж. — Семейный мотель. Мы сдаем номера на сутки...

— Конечно, — вежливо перебила его Белка. — Конечно на сутки. Я просто...

Морж сердито поправил очки.

— Документы есть?

Белка незаметно вытерла потную ладошку о подол, протянула толстяку права.

Он взял, сморщившись, приблизил права к очкам, беззвучно шевеля губами, прочел.

— Что за имя такое? Ты откуда?

Белка открыла рот и с ужасом поняла, что не имеет ни малейшего представления о

том, что сейчас скажет. Раздел памяти, ответственный за географию, просто отключился. Морж ждал. Он поднял голову, серые глаза, увеличенные стеклами очков, подозрительно разглядывали ее лицо. Белка понимала, что каждая секунда стремительно и бесповоротно приближает страшный момент, когда морж протянет руку к телефону и позвонит в полицию. В панике она уже была готова выскочить наружу и бежать куда глаза глядят, как неожиданно что-то мелькнуло в сознании и она произнесла:

— Занзибар.

— Занзибар? — удивился морж. — Что это?

— Занзибар, — повторила Белка, менее уверенно добавила: — Страна...

— Занзибар? А где это?

Информация о местонахождении Занзибара у Белки была нулевая. Она неопределенно показала рукой в угол, где стояло чучело медведя гризли, пробормотала:

— Юго-восток... Африки... В районе экватора...

Морж кивнул, похоже, ответ его устроил.

— Стесняться тут нечего. Занзибар так Занзибар. Мой дед, вон, из Германии приехал. И тоже ничего. Всяко бывает. Мы все тут — приезжие.

— Да я там только родилась, — оживилась Белка. — Меня в три года родители привезли.

— Вот я и гляжу — говоришь-то ты без акцента. А имя — чудное.

Он засмеялся, Белка засмеялась тоже. К лацкану малинового пиджака моржа была приколата полированная железка с выгравированным именем «Курт».

43

Белка стояла под душем и плакала. Громко всхлипывала, шмыгала носом, иногда что-то шептала. Слезы мешались с мыльной водой, стекали по лицу, телу, уносились в маленький водоворот стока. Белка не знала, отчего она плачет — наверное, от счастья.

Из кукольного флакона она выдавливала на ладонь шампунь и снова намывливала бритую

голову, лицо, тело. От пены, пышной и легкой, пахло летом, яблоневым садом. Наверное, так пахнет счастье. Смутные воспоминания промелькнули в памяти: обрывки каких-то снов — теперь вся прошлая жизнь ощущалась как сон. Зеленый склон, яркий, солнечный, а на нем красные маки. Раскрывалась, нет, распахивалась бескрайняя летняя синь, по которой с торжественным величием плыли мохнатые облака, белые и мягкие, как зефир. Когда облако наползало на солнце, синева вокруг становилась еще пронзительней, а край облака вспыхивал ртутным светом. Само облако темнело, наливалось серым. Из-за него по всему небу расходились веером лучи, точно кто-то там за облаком подавал ей сигнал о чем-то крайне важном.

А иногда облака просто таяли: огромный, в полнеба, белоснежный замок важно плыл по небу и вдруг прямо на глазах распадался на мохнатые куски, которые продолжали ползти в том же направлении, истончаясь и постепенно превращаясь в брюссельские кружева, а после в дым, в сон, в ничто.

Где все это было? Когда?

Подняв голову, Белка зажмурилась, подставила лицо под душ. Нестерпимо защекотало небо, Белка тихо засмеялась. Ее ладони скользили по телу, она гладила бедра, плечи, грудь. Трогала пальцами набухшие соски. Внутри, где-то внизу живота, она ощутила тепло — томное, растущее. Словно медленно разворачивался павлиний хвост, мягкий и бархатный, в искристых звездах и глазках. Ультрамарин переходил в бирюзовый, вспыхивал золотом. Ладонь скользнула по животу, остановилась на лобке, палец повременил и медленно проник в нежно пульсирующую глубину. Мягкое тепло темной волной стало расти, подниматься, Белка выдохнула с полустоном, закусил губу. Она уловила пульс, горячий и нервный, она подчинилась ему. Теперь все ее тело было как одно трепещущее, пульсирующее сердце. Что-то неумолимое, тягучее, как липовый мед, упругое, как ночной поток, заполнило ее тело, властно подхватило и понесло. Круговорот затягивал ее в бездонную вселенную, вспыхивали и гасли звезды, ей слышались звуки — ласковые, словно кто-то играл колы-

бельную, едва-едва касаясь клавиш. Донеслось пение, она попыталась разобрать слова. Голос был слабый, далекий, но Белка, постепенно холодея, словно в добротном ночном кошмаре, различила:

А луна этой ночью,
как на горе, ослепла —
и купила у Смерти
краску бури и пепла.

Вселенная стала крошиться, звезды рассыпались в пыль, пыль уносилась и гасла. Уносилась и гасла. Все вокруг заполнила холодная тьма.

Она вышла из душа. Оставляя мокрые лужицы на линолеуме, подошла к зеркалу в прихожей, вплотную приблизила лицо к стеклу. Долгим и строгим взглядом смотрела на себя, будто не узнавая.

— Кто ты? — прошептала она. — Куда, куда ты бежишь?

От ее дыхания зеркало затуманилось, нижняя часть лица стала мутной, остались лишь глаза — чужие и холодные.

В ту пятницу Белка работала во вторую смену, работала одна — Сюзи на выходные укатила в Рино с новым ухажером (взрослым мужиком лет сорока с темно-вишневыми глазами, увы, лысоватым, но с невероятно красивым именем — Альберто). Анята начала канючить уже с утра, к полудню Белка плюнула и согласилась взять сестру с собой.

— Но учти, — Белка грозно подняла указательный палец, — не ныть!

Анята, сцепив руки за спиной, вытянулась и радостно закивала.

Она была совершенно не похожа на худую, голенастую сестру — румяная, улыбчивая, вся какая-то сдобная, Анята и по характеру была покладистой и веселее.

— Не ныть-не ныть-не ныть! — пропела Анята, уносясь в свою комнату. — Я желтое платье одену!

— Не одену, а надену! — крикнула из кухни мать.

Отец выглянул из-за экрана компьютера — рассеянно, будто вынырнул из другого мира. В том мире еще оставалась надежда найти работу. Он отправлял по дюжине резюме во все концы страны, читал мудрые блоги искушенных экспертов, обещавших вот-вот наступление экономического процветания, переписывался с такими же, как он, бедолагами на разных форумах. Нет, нет, безусловно, надежда еще была.

— Софья! — крикнул он им в спину. — Глаз с нее не спускай! В вертепе вашем...

— Не спущу! — крикнула за сестру Аня и хлопнула дверью.

Белка затормозила свою «Короллу» (развалюха, по случаю купленная за триста долларов, была на два года старше Белки) перед служебным входом. Опустила стекло, набрала код. Полосатая рука шлагбаума сложилась пополам и поднялась. Они въехали на территорию луна-парка, проехали задами. Изнанка праздника выглядела не так привлекательно, как пестрый фасад: вдоль дороги был свален строительный мусор, пустые контейнеры, ржавели железные бочки из-под краски.

— Короче, так! — строго объявила Белка. — Или ты в конторе...

— Не-ет! — скуксилась Анюта.

— Не ныть! Мы ж договорились!

— Не хочу в конторе...

— Цыц! — Белка выставила ладонь. — Дослушай хоть... Или я запираю тебя в конторе до конца смены...

— Или? Или?

— Или... — Белка сделала паузу, — сажаю на колесо.

— На колесо! На колесо! Хочу на колесо!

— Тоже до конца смены. И никаких других каруселей-качелей...

— На колесо! — перебила ее Анюта. — И еще мороженое! Можно? Ванильное с тертым шоколадом и карамелью. И с орехами.

Белка переделалась в рабочую «униформу» — отец определенно убил бы ее, если бы увидел в этих шортах. Сняла лифчик, натянула майку с надписью «Коллизеум: попробуй — тебе понравится!». Сложила вещи в сумку, сумку сунула в свой шкафчик. Телефон не втискивался ни в один карман, Белка заткнула его за пояс, но он вывалился и оттуда.

Появился директор.

— А где... эта... — Он рассеянно потер руки, вспомнив, добавил: — Ну да, да. Ты одна, значит?

— С сестрой. Она там, на колесе.

— Ну пусть, — директор кивнул. — Это пусть... Я через час отъеду... Ты, короче, сама. Парень этот, как его? Карлос, да, Карлос — он все выключит. Потом охрана приедет... — Директор завороченно пялился на ее соски, проступающие сквозь тонкую ткань майки. — Они тут... А я поеду...

Директор задержался в дверях.

— Сегодня пятница, — повернувшись, сказал он. — Приедет... один человек. Ну ты знаешь, ты его видела. Ты тут не крутись, в конторе, ладно?

Вечер шел своим чередом, народу было не много. Белка отрывала корешки у розовых билетов, проверяла запоры на дверях кабинок, давала сигнал Карлосу, тот запускал механизм. Тройка нетрезвых мексиканцев пыталась втиснуться в двухместную кабинку, из-за них пришлось остановить колесо. Впрочем, ненадолго, минут на пять.

Анюта вела себя пристойно, иногда высовывала маленькую ладошку сквозь решетку и махала то ли сестре, то ли кому-то еще. Один раз Белка отвела ее в конторскую уборную, но это было до приезда Саламанки.

Он появился, как обычно, около восьми. Его джип, черный мордатый «Лендровер» с тонированными стеклами, подкатил прямо к дверям конторы. Распахнулась дверь, Саламанка, смуглый, худой и гибкий, как матадор, лениво выбрался из машины. Потянулся, ладонью провел по туго зачесанным назад волосам. Гулко топая сапогами, поднялся на крыльцо. В руках у него была потрепанная спортивная сумка (по мнению Сюзи, каждую пятницу эта сумка была доверху набита деньгами — недельный доход, собранный дилерами Сан-Лоредо).

Саламанка окинул луна-парк хозяйским взглядом, точно проверяя, все ли на месте. Без интереса посмотрел на Белку, очередь из пяти человек. Увидел Анютину ладошку, звонко свистнул и махнул в ответ.

Около девяти Белке кто-то позвонил — она услышала звонок. Она быстро ощупала карма-

ны шорт, рассеянно огляделась, телефона не было. Трель доносилась из конторы, Белка, холодея, вспомнила, что она оставила телефон на директорском столе. Настырная мелодия повторялась снова и снова, Белка растерянно смотрела на дверь конторы. Дверь была покрашена фиолетовым, на ней желтела кособокая звезда, похожая на вялую астру. Наконец телефон замолчал. Белка облегченно выдохнула. Телефон зазвонил снова.

Крикнув Карлосу подменить ее, она взлетела на крыльцо, чуть поколебавшись, распахнула дверь. Чертова розовая коробка лежала на углу стола и трезвонила что было мочи. Опустив глаза, Белка на ходу пробормотала извинение, цепко ухватила аппарат и, не взглянув на дисплей, выключила. Быстро пошла обратно.

— Погоди! — Саламанка окликнул ее у самой двери.

Белка повернулась. Она сразу увидела его глаза — странные, светлые глаза с точками черных зрачков. Сумасшедшие — слово тут же пришло ей в голову, она судорожно прихлопнула и слово, и мысль, но скверное предчув-

ствие уже начало тошнотворным комком подбираться к горлу.

— Как звать? — Он медленно провел указательным пальцем по своим тонким губам.

— Софья Белкина.

На его смуглом нервном лице появилось подобие улыбки. От этой улыбки Белке стало совсем тошно. Он долго и молча разглядывал ее грудь под тонкой майкой, потом взгляд опустился ниже. Белка инстинктивно закрылась ладонью. Белка вспомнила его кличку — Бешеный, вспомнила истории, что рассказывала Сюзи — и откуда она знает все эти жуткие подробности?

Саламанка улыбался.

— Хочешь, я тебе прочитаю стихи? — медленно спросил он. — Ты ведь любишь стихи?

— Да... Но мне нужно... — Белка кивнула в сторону двери.

— Я решаю, что тебе нужно! — перебил он. — Я решаю!

Он резко встал, кресло с грохотом ударилось в сейф. Белка вздрогнула — точно, бешеный. А там еще Аня... Господи, как же все скверно складывается!

— Я устанавливаю правила в этой жизни! И вы по ним играете... — Он сделал паузу, усмехнувшись, щелкнул пальцами у виска. — Или не играете вовсе.

Неожиданно успокоившись, словно кто-то внутри повернул тумблер до нуля, он вяло повел плечами и лениво пошел к ней. Белка вжалась спиной в дверь — да ведь он просто псих! Просто сумасшедший! Больной... Она не могла отвести глаз от его лица, оно было странно несимметричным, точно фотография, что порвали на куски, а после неумело склеили.

Он начал декламировать стихи — Белка их раньше не слышала. Стихи были красивые и страшные, будто поэтом был мертвец.

Настала ночь, зажигаются звезды,
Вонзая кинжалы в холодное лоно
Реки зеленой.

Саламанка читал стихи. Его голос становился громче, в интонациях, теперь протяжных и широких, появился истеричный всхлип, казалось, еще чуть-чуть, и он разрыдается.

И мертвую душу мою растрепал я,
Призвав на помощь паучьи узоры
Забывших взоров.

Он сжимал кулаки и плавно раскрывал пальцы паучьим узором на своем несимметричном лице, сквозь худые пальцы серые глаза горели безумным блеском. Белке стало жутко. Он медленно протянул руку и чуть коснулся ее щеки, Белка дернулась, точно ее обожгло, стукнулась затылком в дверь.

— Сними это... — неожиданно сильным голосом сказал он, кивнув на майку. — И это...

Белка оттолкнула его руку, он цепко ухватил ее за подбородок. Приблизил свое лицо.

— Ведь это твоя малышка там, — он кивнул в сторону чертова колеса и больно сжал ей скулы. — Да?

Белка отрицательно замотала головой, яростно замыгав, будто немая.

— Да... — повторил ласково Саламанка. — Твоя...

Белка, неуклюже закрываясь локтем, сняла майку и уронила на пол. Немыми пальцами

расстегнула шорты, стянула их вместе с трусами.

То, что произошло дальше — страшное и нереальное, она пыталась стереть, вытравить из своей памяти, но оно возвращалось и возвращалось, протискивалось душным кошмаром в прорехи сновидений, пролезало липкими щупальцами между невинными дневными мыслями. Теперь уже было невозможно отделить жуткое месиво фантазий от действительности, да она и не пыталась — для этого нужно было снова погрузиться в ту ночь. Погрузиться в ту боль, боль, что лежит за пределом возможностей человеческой души.

Она не помнила, как и почему отец понял, наверное, она рыдала в душе. Да, она рыдала в душе. Она все рассказала, рассказала простыми страшными словами. У нее были мокрые волосы, совсем мокрые, когда он тащил ее к машине. Он больно сжимал ее запястье, она спотыкалась, а мокрая одежда противно прилипала к телу. Он гнал как сумасшедший, странно, что они не разбились по дороге. Он кричал — где этот подонок? — размахивал дробовиком, выбил прикладом замок в конторе.

Охрана попряталась, хоть он и палил в воздух. Где этот подонок? — орал он и снова стрелял в ночное небо. Он был страшен, ее отец, страшен и прекрасен, как ангел мести, как падший ангел, неистовый, которому уже нечего, совсем нечего терять; и он явился с карающим мечом, с громом и молнией, дабы поквитаться за унижение, за отчаянье, за несправедливость этого гнусного мира. Поквитаться раз и навсегда. Где этот подонок? — и сейчас эхом звенело в Белкиной голове. Где?

45

Опустошенная и уставшая, Белка вышла из номера.

Заснуть так и не удалось: она легла, несколько раз беспомощно проваливалась в сон, но тут же судорожно пробуждалась, с ужасом пялясь в рубиновые цифры будильника на тумбочке. Последний раз на часах выскочили сразу три двойки — два двадцать два.

Она выгребла из мини-бара всю снедь — жалкие, лилипутских размеров шоколадки, крошечные картонки с печеньем, кукольные кульки с жареным миндалем. Сложила все в пластиковый пакет. Идти в мотельный ресторан уже не было ни времени, ни воли.

Снаружи пекло стояло адское. От шоссе воняло асфальтом и гарью, пробка рассосалась, и машины теперь проскакивали мимо с пугающей скоростью. Белка задержалась на ступенях, медленно притворила дверь. Замок клацнул — звонко и строго, — все, обратной дороги нет.

— Обратной дороги нет, — повторила Белка.

Морж Курт появился на открытой веранде конторы, поднявшись на цыпочки, дотянулся до поилки для птиц — стеклянная колба синего стекла была подвешена к краю крыши. Осторожно снял — на стекле вспыхнул ослепительный синий зайчик, словно Курту удалось поймать осколок солнца, — начал наливать сиропную воду. Вокруг Курта, выписывая жужжащие зигзаги, носились колибри. Птахи были чуть больше шмеля.

— Гляди, что вытворяют! — заметив Белку, засмеялся Курт.

Она где-то читала, что за секунду колибри делает триста взмахов крыльями. Или что-то около того. Наполнив колбу сиропом, Курт подвесил ее обратно. Мастеровито засвистел, приглашая птиц, — трель вышла почти соловьиная.

Белка невольно улыбнулась. Курт, довольно сунув руки в карманы, наблюдал за птицами. Колибри пили сироп, не садясь на край, они зависали в воздухе, их крылья тонко пели — звенели, подобно игрушечным моторам.

— Я им все равно что бог. — Курт повернулся к Белке, весело подмигнул. — Как Зевс! Принес с Олимпа нектар — налетай птичий народец!

Белка кивнула — точно, Зевс. Только без бороды. Подумала: наше представление о богах всего лишь отражение степени нашего невежества и результат отсутствия верной информации. Может, и нашим мирозданием управляет какой-нибудь Курт, от скуки посылая тайфуны и устраивая землетрясения, закручивая ураганы и раскачивая десятибалльные океан-

ские штормы. Впрочем, судя по отсутствию логики в земных делах, с нашей планетой, скорее всего, балуется не пузатый пенсионер, подрабатывающий портье в захолустном мотеле, а истеричная стерва, страдающая от депрессии, с явной склонностью к садизму.

Махнув рукой Курту, Белка свернула за угол и замерла: поперек парковки стоял патрульный «Форд». Грузовик «Кока-колы» уехал, на его месте, прямо перед ее пикапом, стоял полицейский. Он разглядывал номерной знак. Сердце ухнуло в бездну — вот и конец!

Время остановилось, детали картины, как на яркой фотографии, выступили четко и объемно: черные лаковые сапоги полицейского с тугими голенищами, кожаная кобура, рифленая ручка пистолета, смятая пачка «Мальборо» рядом с урной, трещина, пересекавшая парковку по диагонали, фиолетовый частокот тени от забора.

Полицейский, словно почувствовав взгляд, поднял голову.

— Ваш автомобиль?

Белка хотела ответить «нет», но почему-то кивнула. На ватных ногах подошла к полицейскому.

— Сержант Купер, — он лениво козырнул. — Права, пожалуйста.

Белка посмотрела на него, в его темных очках отразилось ее лицо, тюрбан.

— Вы понимаете по-английски? — тон стал чуть раздраженным.

Белка снова кивнула, полезла в пластиковый пакет, где среди конфет и печенья должны были быть права. Нашла, протянула.

Полицейский мельком взглянул на карточку, неспешно забрался в «Форд». Стал что-то выстукивать на клавиатуре компьютера, изредка поглядывая на экран. Белка, не двигаясь, наблюдала. Страх, вязкий тошнотворный страх закручивал тугой узел в животе. Все ее существо заполнила животная покорность — ужас пополам с равнодушием. В мозгу чугунным шаром гулко перекатывалась фраза: вот и все... вот и все...

Длилась эта попытка почти вечность. Спустя несколько веков полицейский, наконец, выбрался из «Форда».

— Мисс Мунир. — Белка снова увидела себя в его солнечных очках. — У вас не оплачен штраф за июль. По закону я мог бы выписать вам новую квитанцию, уже в двойном размере, но...

Он сделал паузу и протянул Белке права.

— Но наказать вас на двести семьдесят долларов в день вашего рождения было бы не гуманно. Заплатите штраф прямо сегодня.

Он козырнул. Белка повернулась, побрела к машине. Как в дурном сне, где вместо воздуха вязкая гадость, она с трудом переставляла пудовые ноги. Главное теперь не упасть в обморок, главное...

— Да, кстати! — окликнул ее полицейский.

Она медленно обернулась. Вселенная снова зыбко вздрогнула.

— Что за «Змеиная ферма»? — спросил он, указывая на дверь старухино пикапа.

На двери виднелась полустертая надпись: «Змеиная ферма “Эль-карахо”». Пониже чуть мельче: яды и мази.

— Лекарства... — пробормотала Белка. — Из змей...

Сержант Купер понимающе кивнул, сел в машину. Выруливая с парковки, притормозил.

— С днем рождения! — крикнул он в окно.

Плюясь щебнем, «Форд» выскочил на шоссе, врубил мигалки и с ревом влился в поток машин. Белка проводила его взглядом, долгим и равнодушным, ее колени подогнулись, и она мягко, как тряпичная кукла, опустилась на асфальт.

Она водила пальцами по шершавому асфальту, словно рисовала круги — ощущение шершавости ей казалось последней связью с миром. Остальные органы чувств будто онемели: зыбкий пейзаж растекался мокрой акварелью, звуки доходили как сквозь войлок. Она слышала стук собственного сердца. Где она? Кто она? Что она тут делает?

Она подняла лицо к небу, пустому, вылинявшему в белое, знойному слеполуденному небу.

— Убей меня, — она сложила ладони. — Ну что тебе стоит, а? Ты же видишь, я больше не могу. У меня нет сил. Нет больше сил...

Шарф размотался и сполз на асфальт.

— Пожалуйста...

Вокруг не было ни души, асфальт плавился, дышал смолистым жаром. Мерный гул шоссе напоминал быструю реку. В обморочном небе висел белый круг раскаленного солнца. Там, наверху, никого не было. Белка почти физически ощутила равнодушие небесного купола, безразличие грандиозной машины мироздания — всех этих планет и созвездий, бездонных галактик — пустоты. Бескрайней пустоты.

— Что я ему? Кто я ему? — Она кулаком вытерла щеку. — Смешно даже...

Белка поднялась, волоча платок, пошла к машине. Распахнула дверь, бросила шарф на заднее сиденье. Хотела сесть, но передумала. Словно пытаясь что-то вспомнить, обошла машину. Задний бампер был чуть помят, на багажнике эмаль облупилась, сквозь краску проступали рыжие пятна ржавчины. Белка вставила ключ в замок багажника. Открыла. Оттуда пахло теплой, сладковатой вонью. Там среди тряпок, грязных банок и мелкого хлама стояла корзина. Высокая корзина с крышкой. Белка протянула руку, двумя пальцами взяла за плетеную ручку, подняла. Внутри что-то зашевелилось.

46

Около четырех Белка пересекла границу резервации Тохано. До мексиканской границы оставалось часа два. Мимо, обгоняя ее, громыхали грузовики, рефрижераторы, восьмиосные фуры. Легковушек почти не было.

— Строго на юг, — пробормотала Белка. — Строго на юг.

Она съехала с Девятнадцатого шоссе, оставаться на трассе было опасно: к этому времени ее фотографию уже наверняка разослали всем патрульным машинам штата. Белка покосилась на платок, он так и остался лежать на сиденье — «Хватит с меня маскарада, будь что будет».

Дорога, двухрядная, асфальтовая, шла тоже на юг, чуть закручиваясь к западу. Изредка навстречу попадались невзрачные, вылинявшие от солнца колымаги. Они появлялись как миражи — беззвучно приближаясь в дрожащем мареве плавящегося асфальта. Впереди раскрывалась пустыня, плоская и розовая от заходящего солнца, на горизонте маячила гор-

ная гряда, больше похожая на надвигающуюся грозу, ползущую с юга на север.

Белка остановилась на развилке — тут кончился асфальт. Ни знаков, ни указателей не было, дорога просто обрывалась, а из-под асфальтового покрытия расходились два грунтовых проселка. Белка наугад выбрала правый.

Проселок взобрался на холм, без видимой причины сделал петлю, потом пошел под гору. Вдоль дороги появлялись валуны, серые и пыльные, они напоминали присевших на обочине монахов-пилигримов. Белка въехала в долину, мертвую и тихую, дорога начала петлять, повторяя изгибы высохшей реки. Дно было в трещинах, с островками крупной речной гальки. Вода ушла, оставив налет красноватой пыли на камнях и глине, прочертила четкую границу вдоль берега. Вода ушла, оставив свою тень.

Белка попыталась представить воду: быстрый поток бежит по гальке, вот тут, у этого валуна, весело пенится, темные пятна брызг на камне тут же сушит солнце, по дну струятся водоросли — изумрудные и оливковые, — они,

точно ленты, кружатся и покачиваются в такт проворной реке, но плавней и грациозней, чем прыткий поток. Выглядывает солнце, и вся река вмиг превращается в зеркало — теперь там плывут высокие облака, величавые и неспешные, они похожи на белоснежные фрегаты какой-то божественной армады.

«Куда ушла река? Вернется ли? Куда уходит все, куда уйду я? Не тело — душа. Мои чувства, моя память? Мое воображение — этот сказочный механизм, способный сотворить целый мир за мгновенье, неужели и оно просто погаснет, вспыхнет напоследок и тихо умрет, как перегоревшая лампочка? Какой тогда в этом смысл?»

Дорога стала круче, петля горным серпантинном, резко пошла вниз. Высокие красноватые камни подступили к самой колее, словно сжимая ее. После яркого солнца тут казалось темно. Бока глыб кораллового цвета были безупречно гладкими, точно кто-то рассек камень острым инструментом. Похоже на коридор, темный и узкий, Белка могла дотянуться кончиками пальцев до левой стены. Если там тупик, то придется выбираться задним ходом.

Словно чего-то испугавшись, Белка остановила машину и выключила двигатель.

— Тихо-то как... — пробормотала она, протискиваясь наружу — дверь уперлась в камень. Стена, гладкая, точно полированная, отвесно поднималась вверх.

Пошла вперед, дорога сузилась и превратилась в тропу. Тропа становилась все уже. Стены тоже придвинулись, теперь это напоминало разлом в скале, узкую трещину. Так индейцы ловят форель: плетут из ивовых веток корзину, у которой вход сужается как воронка — любопытная рыба легко плывет внутрь верши, а выхода найти не может.

Белка хотела повернуть, но заметила ступени, покатые, едва различимые ступени, выдолбленные кем-то в рыжем камне. Она начала спускаться, впереди показался свет. Еще через несколько шагов она очутилась на каменной площадке перед озером. Озеро, точно чаша, было идеально круглым, вода, чуть зеленоватая, заполняла то ли жерло потухшего вулкана, то ли кратер.

У самого берега, по щиколотку в воде, стояла женщина, она стояла всего шагах в десяти

от Белки. На ней не было одежды, две тугие черные косы с вплетенными бусинами спускались до ягодиц, по-мальчишески мускулистых, загоревших, как и остальное тело, до медной красноты. Не двигаясь, женщина то ли вглядывалась вдаль, то ли вслушивалась. Белка застыла, на правой икре она разглядела татуировку — изумрудную ящерицу, ее хвост уходил в воду, казалось, что ящерица выбралась из озера и ползет вверх по ноге.

Ощущение нереальности — женщина, озеро в красной каменной чаше, огромное белое небо, а главное, тишина, невероятная тишина, — что это — мираж, галлюцинация, бред? Но страха не было, напротив, она почувствовала, как покой мягко и властно наполняет ее: плечи сами опустились, онемевшие пальцы разжались — сколько веков она прожила со стиснутыми зубами и сжатыми до боли кулаками?

Женщина повернулась, поглядела через плечо на Белку, их глаза встретились. Она смотрела спокойно, без смущения, без вызова, точно ожидала ее увидеть. Словно знала, что та придет. Они долго смотрели друг на

друга, потом женщина отвернулась и снова замерла в неподвижном порыве, будто пытаясь вобрать в себя безмолвную даль бескрайнего неба. Белка опустилась на камень и стала ждать. Время исчезло, оно перестало иметь значение.

Женщина вышла на берег, Белка привстала, хотела спросить. Женщина приложила палец к губам.

— Белые — люди слов, — ее голос, спокойный и тихий, показался Белке знакомым. — Туку — птичий бог, придумал слова и дал их людям, чтобы они могли говорить неправду. Маторанга наказал лукавого Туку, превратив его в какаду. Но люди уже научились лгать. Туку в отместку Маторанге придумал деньги и дал их людям, Маторанга отнял у какаду звонкий голос и вложил в его клюв хриплый клеткот. Но было поздно — люди уже полюбили деньги больше солнца и луны, больше земли и неба. Маторанга увидел, что он может убить людей, но не сможет их заставить разлюбить деньги.

Она протянула руку. Белка нерешительно вложила свою ладонь, почувствовала сухой

жар ее пальцев. Ее глаза, темные, почти черные, странного сине-фиолетового оттенка, смотрели спокойно и внимательно, точно читали. Белке стало жутковато, по спине побежали мурашки.

— Не бойся. — Женщина разжала пальцы, выпустила ее руку.

— Я думала, эта дорога... — Белка запнулась, решила спросить напрямик. — Мне нужна... Я ищу...

— Круг, — она рукой начертила в воздухе окружность. — Круг не замкнулся.

— Граница...

— Нет, — спокойно перебила ее женщина. — Тебе нужно замкнуть круг.

— Какой круг? Что это значит?

— Ищешь смысл в словах, младенец ищет радость в погремушке. Орел парит выше туч — какой в этом смысл?

— Я не понимаю...

— Ты из народа Вананга, мы — народ Тики. Мы дети огненной саламандры. Турали-О купалась в озере, Тики, приняв образ прекрасного охотника, соблазнил ее. Она забеременела и родила тройню. Братья Турали-О

решили отомстить Тики, они подкараулили его спящим на камне и разрубили его тело на тысячу кусков. Куски бросили в огонь и сожгли, а голову Тики принесли своей сестре – вот твой возлюбленный, пойди похорони его. Туралли-О отнесла отрубленную голову саламандры на вершину горы, засыпала камнями и стала плакать. Она плакала сто дней и сто ночей. Так появилось это озеро, озеро слез Туралли-О.

Она замолчала и протянула руки к воде.

– Из песка ты станешь ветром! – нараспев проговорила она.

Из золы ты станешь дымом!
Из камней ты станешь силой!
Из дождя ты станешь песней!
Из грозы ты станешь мстью!

Она повернулась к Белке, сделала шаг назад, словно уступая ей дорогу.

– Войди в озеро слез Туралли-О.

Белка сонно, как в гипнозе, стянула башмаки, развязала пояс – платье само упало к ногам. Белка перешагнула через платье и вошла в воду. Сделала шаг, другой, вода доходила до колен.

— Иди!

Белка подчинилась, вода была теплой, почти горячей, от нее пахло нагретой медью. Белка опустила руки в воду, зашла по пояс, потом по грудь. Остановилась, чувствуя, как тепло воды входит в тело, наполняет мышцы спокойной силой.

— Из грозы ты станешь мстью! — повторила женщина.

Белка вышла на берег, женщина подошла к ней.

— Я — Куна-И. Ступай и возвращайся. Я буду ждать тебя.

— Как я найду...

— Так же, как и нашла. — Она подошла к Белке, прижала пальцы к ее вискам. — Иди!

47

Она снова была на Девятнадцатом шоссе, она двигалась в обратном направлении. Двигалась на север. Темнело. Сумерки давно подкрадывались, но как только зажглись фонари

и водители включили фары, ночь словно накрыла мир.

Перед поворотом на Сан-Лоредо она заехала на бензоколонку. Еще оставалась четверть бака, но она решила сделать это сейчас. Подгнав машину к колонке, она вышла, сунула кредитку в окно кассы. Оттуда выглянули два глаза, с недоброжелательным любопытством осмотрели ее бритую голову. Белка отвернулась.

— Эй, — раздалось из окошка. — Распишись.

Белка поставила загогулину на чеке, вернулась к машине.

Влившись в плотный вечерний поток, она втиснулась в средний ряд. Выставила локоть в окно. Ветер ворвался, закружил по салону какие-то бумажки, Белка устало откинула голову на подголовник сиденья.

Не усталость, это было скорее спокойствие — она ощутила свое единство с миром: она чувствовала тяжелое бескрайнее небо, но не как страшную пустынную бездну, а как продолжение себя. Она чувствовала землю — не эту изуродованную дорогами и городами, с выжженными лесами и отравленными река-

ми планету — ей виделся другой, новый мир. Мир чистый и светлый, который существует рядом и одновременно с этим. Параллельно и, как известно из геометрии, не пересекаясь.

Она словно проникала в этот мир, познавала его, точно погружалась в его тайну, его чудо. В этом мире скользили тени, проплывали туманные образы, мерцающим цветком распускался волшебный свет, переливаясь то изумрудным, то гранатовым блеском.

В этом мире не было Саламанки с его правилами, не было страшного «Медового рая», не было полицейских и судей, священников и адвокатов. Не было денег. Их не существовало как концепции.

Внезапная догадка осенила ее — Белка даже ударила кулаком по баранке.

— Деньги! — крикнула она. — Ну конечно!

Все так просто и логично! Ведь они же сами талдычат об этом в каждой церкви! В каждой Библии написано об этом! Почему никто не видит и не слышит? Ведь Христос именно это имел в виду, когда говорил про верблюда и игольное ушко. Они же так любят своего Иисуса, так боятся угодить в ад. И отчего их рай так

пресен и неинтересен, будто скучная история косноязычного родственника? Отчего он так схематичен, точно набросок ленивого студента? Ведь это же рай! Заветнейшая мечта каждого смертного — как же так? Где интерес, где, черт возьми, элементарное любопытство?

Посмотрите каталоги их домов, вилл, яхт — с каким сладострастием они углубляются в мельчайшие детали планировки, с каким вождением описывают породы дерева половых покрытий, гобелены обивочных материй, с какой порнографической дотошностью изображают нежнейшие изгибы фаянсовых биде и писсуаров.

А ад? О, ад описан подробнейшим образом! С картами и схемами, поэтажными планами, ад изумительно систематизирован и запротоколирован — взвод отборных немецких архивариусов не сделал бы лучше. Мы все знаем про ад — кто куда и за что попадет, сколько стоит паромная переправа, даже имя паромщика нам известно. У нас есть информация и про запах — в аду стоит смрад: горящая сера и гниющие тела грешников заполняют ад невыносимым зловоньем. Там стоит тьма, адское

пламя не дает света. Бесы нещадно мучают грешников, используя раскаленные колющие и режущие инструменты.

Но отчего же тогда наш мир устроен таким образом, что не оставляет ни малейшего шанса избежать этого скверного места? Отчего поддюжины смертных грехов стали не просто нормой, они превратились в цель жизни. Слава, богатство, чревоугодие, даже убийство: тебя наряжают в униформу, дают в руки оружие — и все, ты уже не убийца, ты герой.

Как говорил Саламанка? «Я придумываю правила, а вы по ним играете». Кто придумывает правила в этом мире? Кто?

— Я знаю... — Белка даже задохнулась. — Все так просто...

Если хочешь что-то спрятать — оставь на виду.

Ответ лежал на поверхности. Он был настолько логичен, что даже эта логичность казалась подозрительной.

— С дьявольской хитростью... — проговорила Белка. — Ведь так и говорят — с дьявольской хитростью.

По левому ряду, завывая и сияя, как рождественская елка, пронеслась патрульная машина, за ней другая. Герои сломя голову неслись спасти мир от очередного злодея.

48

Сан-Лоредо встретил ее упругим горячим ветром, летящим песком и мелким бумажным мусором, похожим на стаю обезумевших ночных мотыльков. Из пустыни надвигалась гроза. Над западной окраиной города на ровных облаках набухало малиновое зарево. Там был луна-парк. Зарево от его огней растекалось по небу, точно где-то там, за горизонтом, вовсю бушевал пожар.

— «Коллизеум», — усмехнулась Белка. — Попробуй — тебе понравится.

Зарево приблизилось, стало ярче. Пунктиром пестрых огней на кабинках и спицах выплыло чертово колесо, потом показались огни на верхушках каруселей, на мачтах качелей. Донеслась музыка, даже не музыка, а тоже пун-

ктир — тупая басовая партия, неуклюжая, как танцующий цирковой слон.

Белка была спокойна, утрюма и спокойна. Ее пугало это спокойствие, оно было чужое, не ее: словно внутри поселился кто-то еще — некто самоуверенно мрачный и саркастично циничный, короче, сукин сын. Или сукина дочь.

Она свернула на Маркет-стрит. Она тут выросла, знала каждую скамейку, каждую выбоину на мостовой. Пятничная вечерняя толпа праздно плыла по тротуару, некто в шляпе весело окликнул Франческу — ей оказался мелкий барбос, задравший ногу у фонарного столба. Весело светились вывески знакомых магазинчиков и кафе, моргал неоновый калач (отчего-то изумрудного цвета) над булочной, — а сколько пломбира и эскимо было съедено вон в той кондитерской, где в витрине над пульсирующим конусом, изображающим вафельный рожок, один за другим зажигаются три волшебных шара — рубин, топаз и аметист. У входа в кинотеатр стояла очередь минут на пять. Белка прочла название фильма, засмеялась.

— Ну наконец-то начинает появляться хоть какой-то смысл в этой жизни!

У фильма было длинное и занятное название: «Харон и другие мерзавцы, которых ты встретишь на пути в ад».

Решив срезать, она поехала через Палисады, угрюмое гетто, куда стекались человеческие отбросы — наркоманы, пьянь, сумасшедшие. Полиция тут не показывалась даже днем. Дома стояли с заколоченными ставнями, стены были исписаны граффити, на мостовой валялся мусор, горы мусора. Попадались люди, в серых потемках едва различимые тени горбились на ступеньках или куда-то брели. Тип в долгополой шинели на голое тело попытался остановить ее. Белка нажала на клаксон и прибавила газ. Тип отскочил, долго матерился вслед, под конец неожиданно точно вlepил пустой жестяной в заднее стекло.

Кончились Палисады, дорога пошла через пустырь, потом покатила мимо заброшенной фабрики, где когда-то, в другой жизни, работал ее отец. Черный корпус фабрики отодвинулся, как гигантский занавес, и из ночи, сияя и грохоча, выплыл луна-парк. Сквозь разудалую

мелодию долетал истошный визг катающихся — хором орали падающие в «Башне смерти», отдельные женские вопли доносились с качелей «Седьмое путешествие Синдбада», тонко визжали дети на карусели «Русалочка».

Белка остановилась у шлагбаума. Высунувшись в окно, набрала код. Полосатая рука шлагбаума не двинулась. Белка набрала еще раз, медленно вдавливая каждую цифру. Тот же эффект. Она подала назад, остановилась.

— Давай! — крикнул сукин сын в ее голове. — Жми!

Белка хладнокровно утопила педаль газа. Колеса взвыли, плюясь щебнем. Шлагбаум разлетелся в щепки.

— Ну ты даешь! — похвалил сукин сын. — Высший класс!

Не оглядываясь, Белка прибавила скорость.

Саламанка был тут. Его мордатый «Лендровер», мерцая черным лаком, стоял у самого входа в контору. Белка, обогнув здание, въехала в тень трансформаторной будки и выключила мотор. Ее восхищало хладнокровие, с которым она действовала — определенно, тот

сукин сын, с которым она сейчас делила тело, знал свое дело туго.

Она подошла к «Лендроверу», к хромированной решетке радиатора был прикручен номерной знак, вместо цифр там были буквы — «El Dios». Водительское окно, тонированное до черноты, было наполовину приспущено. Белка взялась за ручку, та мелодично клацнула, и дверь плавно раскрылась. В салоне зажегся янтарный свет. К зеркалу был привязан шнурок, на котором болталась деревянная фигурка Девы Марии, по-деревенски расписанная пестрыми красками. Из замка зажигания торчали ключи.

49

Саламанка говорил по телефону. Он сидел в директорском кресле, вытянув ноги и уперев каблуки сапог в край письменного стола. Их острые носы, украшенные серебряной чеканкой, хищно торчали вверх, к подошве одного прилип яркий клеверный листок, точно тайный знак.

Он говорил по-испански, услышав шум, удивленно вытянул шею. В дверях стояла Белка. Он узнал ее не сразу, узнав, нажал отбой, кинул телефон на стол.

— Не может быть... — медленно проговорил он. — Моя русская донна...

Белка не ответила, она стояла в дверях, держа в руке корзину из плетеных ивовых прутьев.

— Не может быть... — Его тонкие губы растянулись в улыбку. — Новая стрижка, новый стиль... Любопытная татуировка. А что в корзине?

Белка молча подошла, поставила корзину на стол. Прямо перед подошвами его сапог.

— Подарок? Мне? — Он попытался дотянуться, но ему стало лень, он снова откинулся в кресле и, сделав плавный жест ладонью, начал мечтательным голосом:

О смуглый мой лебедь,
в чьем озере дремлют
кувшинки саэт, и закаты, и звезды,
и рыжая пена гвоздик под крылами
поит ароматом осенние гнезда...

Он прервался и посмотрел ей в глаза, строго и жестко:

— А я подумал, что ты мстить пришла. Нет? Белка выдержала взгляд.

— Впрочем, какие из вас мстители. — Он переплел смуглые пальцы, закинул руки за голову. Пиджак распахнулся, из рыжей кобуры под мышкой выглянула рукоятка пистолета. — У вас, гринго, кровь для этих дел жидковата.

— Я не гринго. — Белка удивилась своему голосу, твердому и спокойному.

— Для меня вы все гринго. Вы сытые и ленивые, как свиньи в хлеву. Вы боитесь косоглазых, боитесь, что они придут и все у вас заберут. — Саламанка покачал головой. — Напрасно вы их боитесь. Китай далеко. Когда придут косоглазые, здесь уже будем мы. Это будет наша земля.

— А гринго?

— Мы поступим с вами, как и полагается поступать со свиньями, — мы вас зарежем. — Он засмеялся, не разжимая губ. — В этом мире две вещи имеют значение, только две: деньги и сила. У вас еще есть деньги, но уже нет силы. Деньги без силы ничто.

Снаружи, перекрывая музыку, громыхнуло, грохнуло с таким раскатистым эхом, словно наверху ломали что-то громоздкое, вроде комода. Тут же по крыше и стеклам забарабанил ливень. Белка беззвучно, одними губами что-то прошептала.

— Я был нищ, но у меня была сила. — Саламанка даже не обратил внимания на гром. — У меня была воля. Воля и сила. Я никого не боялся. Когда я родился, мать (он коротко перекрестился и приложил к губам ноготь большого пальца, точно целуя крест) отнесла меня к цыганке. Старая гадалка раскинула карты и сказала моей матери — твой сын станет богатым и знатным, как настоящий кабальеро. Я вижу деньги и власть, сказала она. Единственное, что может его убить, — это страх. Страх!

Гром, словно отозвавшись, загрохотал прямо над крышей.

Саламанка с неожиданной прытью поднялся из кресла, оттолкнув кресло, распахнул сейф.

— Смотри! Знаешь, сколько тут? — со злым азартом крикнул он Белке. — Полтора миллиона!

Все полки были забиты деньгами. Пачки купюр, свернутые в тугие рулоны, были перетянуты аптекарскими резинками.

— Полтора миллиона! — Он засмеялся. — И ты знаешь, я ведь его даже не запираю. Клянусь Пресвятой Девой! Я могу этот сейф выставить на площади, и ни один шакал, готовый зарезать священника за доллар, даже близко не подойдет.

Он стиснул кулаки и спросил:

— А знаешь почему? Потому что каждый шакал на пять тысяч миль вокруг, на север и на юг, от истоков Рио-Гранде до дельты Миссисипи, знает, что его ждет. Знает, что я собственными руками выдавлю глаза вору, отрежу голову его жене, а детей скормлю койотам.

Гроза хохоча заухала. Глаза Саламанки засверкали нехорошим блеском, он пнул кресло, нервно прошелся взад и вперед.

— Если бы я хоть на секунду, хоть на мгновение... Хоть на миг показал, что боюсь. — Он сжал кулаки. — Если бы шакалы увидели мой страх, они бы тут же меня разорвали на куски. Разорвали в тот же миг! Мои же рабы, которые сейчас лижут подошвы моих сапог! Вот этих сапог!

Он крепко топнул каблуком, плюнул на пол и коротко выругался по-испански.

— Страх! Он как проказа, пожирающая твой мозг! Изо дня в день. Он хуже смерти! Страх, как гадюка, холодная скользкая гадюка, поселившаяся в трусливом сердце, липкая гадюка, готовая ужалить днем и ночью. И каждый час ты ждешь смертельного укуса, каждый час до гробовой доски ты ждешь. Ты не живешь, ты ждешь! Ты ждешь! — Он ударил кулаком в стол. — Ты ждешь...

Белка заметила, как побледнело его лицо. Левое веко задергалось, точно он неумело подмигивал ей.

— Я знаю, зачем ты пришла, — неожиданно тихим голосом проговорил он.

Он тронул корзину пальцем, поднял глаза на Белку, светло-серые сумасшедшие глаза.

— В тюрьме Эль Кореро... — Он вышел из-за стола и медленно пошел к ней. — Я был мальчишкой тогда...

Его каблуки мерно, словно тяжелый маятник, стучали в пол — тук... тук... тук...

— Был почти ребенком. — Он недобро улыбнулся. — Но уже тогда знал, что страх хуже смерти. Там, в Эль Кореро, я дрался с Хор-

хе-чилийцем. Он сам вызвал меня на поединок, он был уверен, что я струшу. Он был вдвое сильнее меня, этот Хорхе, он весил триста фунтов, с кулаками как кузнецкие молоты. Он был уверен, что я струшу.

Саламанка остановился перед Белкой.

— Но я не струсил. — Зрачки в его глазах стали черными точками, как две дробинки. — Да, он сломал мне два ребра, потому что он был сильнее. Но я был храбреей — и я перегрыз ему глотку. Да, перегрыз! Буквально! Вот этими вот зубами!

Он подался вперед, оскалив крупные и очень белые зубы.

— А ты бы смогла? Вот так — зубами? — От него пахло пряным, горьким одеколоном. — Попробуй, может, у тебя тоже получится. Ведь ты пришла мстить, не так ли?

Он медленно вытянул шею. Задрал подбородок и выставил костистый кадык, словно собирался бриться. Белка не двинулась, лишь сжала кулаки. Он сипло дышал ей в лицо. На его шее и скулах начала проступать щетина, на подбородке светлой полоской розовел старый шрам.

— Нет? — спросил он, ласково и страшно заглянув ей в глаза. — Значит, нет...

Саламанка разочарованно развел руками, отвернулся, пошел к столу. Тук-тук-тук — застучали каблук.

— В могилу сойдет твое тело. — Он, не поворачиваясь, сухо хлопнул в ладоши.

И ветер умчит твое имя.
Заря из земли этой темной
взойдет над костями твоими.
Взойдут из грудей твоих белых две розы,
из глаз — две гвоздики, рассвета багряней,
а скорбь твоя в небе звездой возгорится,
сияньем сестер затмевая и рая.

Он подошел к столу, взял корзину в руки. Приподнял, пробуя на вес.

— А скорбь твоя в небе звездой возгорится... — Саламанка приоткрыл плетеную крышку, заглянул в темное нутро. — Сияньем сестер затмевая и рая...

Он долго смотрел на Белку. Потом медленно начал опускать руку в корзину.

— Пусто... — разочарованно сказал он. — Там ничего нет.

50

Дождь почти выдохся, гроза уходила дальше на север. Мутные сполохи освещали грязное подбрюшье мохнатых туч, оттуда запоздалым эхом докатывалось утробное ворчанье. Белка, уткнув подборок в руль, смотрела в ветровое стекло, по которому тонкими полосками сползали последние капли дождя. Как слезы, слезы дождя, подумала она.

В ярком проеме появился Саламанка — угловатый силуэт, наспех вырезанный из черной бумаги. Хлопнула дверь, деревянной дробью простучали каблуки по ступеням. Взрычал мотор «Лендровера» — тут же вспыхнули рубины тормозных огней, в белых снопах света фар замельтешил пунктир дождя. «Лендровер» круто, как танк, развернулся на месте. Разбрызгав лужу, выскочил на дорогу и с ревом исчез в темноте.

Гроза остановила веселье, луна-парк опустел. Чертово колесо вполнакала сияло мокрыми огнями, мертвые лапы «Твистера» удивленно застыли, подняв пустые кабинки к небу.

Над безмолвной каруселью уныло вспыхивала и гасла молочного цвета звезда. Вспыхивала и гасла. Ритм совпадал с пульсом сердца. Белка в оцепенении не могла оторвать взгляд от этой звезды: звезда гасла, но ее призрак еще на мгновение повисал в чернильной пустоте.

Сколько прошло времени — десять минут? Час? Век? Белка немymi пальцами нащупала ключ в замке зажигания, повернула. Она сделала все, что могла. Смысл, который она искала, оказался гораздо ближе — он оказался внутри ее, где-то в районе сердца.

Включила дворники, щетки устало размазали по стеклу слезы вместе с беспризорными огнями пустого луна-парка. Мир стал аморфной абстракцией. Белка выбралась из бездонной тени, на ощупь вырулила на дорогу. Проехала искалеченный шлагбаум: культия с обломком полосатой доски укоризненно торчала вверх, словно взывая к высшей справедливости.

Шоссе опустело, редкие встречные автомобили вежливо переключали дальний свет на ближний. Плоский пейзаж мирно тек мимо, оттенки темно-серого нарушались янтарным

морганием светофоров да уродливыми прямоугольниками придорожной рекламы, из которой в ночь паялились лики каких-то гигантов, пытавшихся всучить запоздалым путешественникам всевозможную дребедень.

Да, еще была луна — мыльная и скучная, она беспризорно висела чуть правее зеркала заднего вида.

Мили через две впереди суетливо заморгало скопление голубых огней. Белка сбросила скорость. Часть дороги была перекрыта полицией. Судя по скоплению зевак, бросивших свои автомобили и столпившихся вдоль ограждения, там происходило что-то любопытное. Белка съехала на обочину, вышла из машины.

Картина походила на съемки фильма: кусок ночи был беспощадно высвечен ртутными лампами, от сияющего мокрого асфальта поднимался пар, в его мареве бродили inferнальные тени полицейских. Они были заняты чем-то важным; точно актеры, они не обращали ни малейшего внимания ни на зевак, ни на ночь, ни на луну. Впрочем, луна этой ночью явно не задалась.

Фокусом внимания был автобус. Двухэтажный, роскошный, словно отлитый из черного стекла, он напоминал какое-то инопланетное чудище, хищное и безжалостное. Полицейские растягивали ленту рулетки, что-то мерили, расставляли по асфальту белые таблички с цифрами, фотографировали их. Они ходили вокруг автобуса, постоянно приседая и заглядывая под днище. Тут же прямо на обочине, устало приваляясь к столбу, сидел некто в форменной желтой фуражке, медики и пара полицейских сгрудились вокруг на корточках, словно дети, слушающие увлекательную историю.

Из фургона «Скорой помощи» вытащили носилки. Растянули белую тряпку, закрывая от зевак переднюю часть автобуса. Все полицейские потянулись туда. Автобус, бесшумно, точно скользя по асфальту, попятился. В тишине кто-то громко и медленно произнес:

— Мать Божья...

Белка услышала, как кого-то вырвало.

За белой тряпкой, как за ширмой, происходило некое действие, потом оттуда в сторо-

ну «Скорой помощи» поплыли носилки с каким-то грузом в черном пластиковом мешке.

Белка подошла ближе. Впереди, метрах в пятидесяти, поперек шоссе стоял джип, черный «Лендровер». Водительская дверь была распахнута настежь. Двое полицейских, неспешных и важных, ходили вокруг машины; тот, что с камерой, беспрестанно моргал вспышкой, второй, сунув руки в карманы, следовал за ним, точно проверяя правильность выбранных фотоаграфом объектов съемки.

Неожиданно фотограф закричал, даже не закричал, а коротко взвизгнул высоким бабьим голосом. Второй полицейский проворно попятился, задирая ноги, словно путался в высокой траве. Из открытой двери джипа на асфальт соскользнула черная блестящая лента. Толпа зашумела, несколько полицейских побежали от автобуса к джипу.

— Отойти! Всем отойти! — заорал один, размахивая пистолетом. Раздался выстрел, другой, третий.

Стрелок осторожно нагнулся и поднял что-то с асфальта. По толпе с ужасом, испугом, удивлением прошелестело одно слово. Сухая

тетка непонятного возраста с ловко нарисованным лицом повернулась к Белке и повторила его:

— Змея!

Белка отрицательно покачала головой:

— Это уж.

И словно в подтверждение один из полицейских громко повторил:

— Да это уж! — Полицейский нервно засмеялся. — Боб, ты ужа пристрелил. Ужа!

Уж-уж-уж — зажужжала толпа. Тетка снова повернулась.

— Уж? — подозрительно щурясь, спросила. — А ты, парень, как узнал, что это уж?

— Я не парень, — ответила Белка. — Но у меня хорошее зрение. Очень хорошее. У ужей желтая точка вот тут, на шее.

Белка кивнула в сторону джипа, мол, не так далеко. Тетка не поняла. Капризно дернув плечами, она протиснулась к толстяку в белой ковбойской шляпе, который что-то увлеченно рассказывал, пуча глаза и надувая щеки. Судя по всему, белая шляпа был очевидцем происшествия. Время от времени он показывал на автобус и повторял, как припев, «бац! —

и прям всмятку!»), при этом с сочной силой шлепал кулаком в ветчинную ладонь.

И держал паузу, оглядывая слушателей.

Представление явно подходило к финалу: гасли ртутные лампы, медики незаметно уехали, полицейские неспешно собирали свои пожитки, курили, тугой струей из брандспойта мыли асфальт. Эвакуатор взгромоздил джип на платформу и увез. В автобусе оказались туристы — за тонированными стеклами их не было видно. Им, наконец, разрешили выйти наружу. Они бродили, потерянно поглядывая на шипящую, как газировка, струю брандспойта, на мокрый асфальт. Полицейский, хмурый плечистый парень, подошел к заграждению:

— Движение будет восстановлено через шесть минут. Прошу всех автомобилистов вернуться к своим автомобилям. Повторяю...

Он повторил и, словно отгоняя мошкар, устало махнул правой рукой. В другой руке, затянутой в рыжую перчатку, он держал сапог — высокий черный сапог, дорогой лаковой кожи, с наборным скошенным каблуком и острым хищным носом, украшенным серебряной чеканкой.

51

Белка доплелась до машины.

Сложив руки на баранке, она уткнулась лбом, закрыла глаза. Мыслей не было, была усталость, смертельная усталость. Усталость и пустота. До нее долетал приглушенный говор, зеваки тревожными голосами обсуждали увиденное. Хлопали двери, фыркали моторы, хрустел гравий под грубыми протекторами колес. Постепенно все стихло.

Перед глазами вялым хороводом плыли бледные круги, они мутно наливались цветом, но не ярким, а разбеленным — словно в молоко капали сироп и размешивали: из малины получался розовый, из мандарина — палевый, из персика выходила непередаваемая нежность, имени у которой нет.

Белке нравились эти цвета, трогательно девственные — в такие любящие родители наряжают своих младенцев. Она пыталась разглядеть круги, но они плыли, плыли, плыли. Постепенно снизу проступила зеленая полоса, она начала подниматься, расти. Трава,

догадалась Белка, летняя трава. Она увидела свои ноги, босые, оранжевые от загара, с белыми полосками от сандалий.

Спать нельзя, сказал кто-то в ее голове.

А, собственно, почему нельзя? — возразил другой голос.

Белка сделала шаг — это оказалось легко, трава была мягкой, влажной от росы. Вокруг краснели маки, тяжелые мокрые цветы покачивались на высоких стеблях. Яркий зеленый холм круто уходил вверх, он весь был в маках. Что там, за холмом? Белка пошла вверх, легко и быстро. Потом побежала, трава приятно холодила пятки, Белка вдыхала сладкий, свежий травяной дух, иногда на бегу, точно глядя, касалась ладонью красных цветов.

Она взбежала на холм и замерла — перед ней распахнулась бескрайняя даль: внизу и дальше, до самого горизонта, лежали луга, желтели квадраты полей, зеленой дымкой мерцала березовая роща, петляла речка, то исчезая, то снова выглядывая из-за холмов и деревьев. В туманной дали вода сияла расплавленным серебром, а ближе гасла, темнела, становилась ультрамариновой.

Горизонт не был прямой линией, он искривлялся дугой — Земля действительно была круглой. Из-за горизонта, словно сон, будто мираж, поднимались лесистые громады гор, прозрачные, точно смытая акварель. Они плавно переходили в светлую лазурь неба, летнего неба, какое бывает в июне, в самом начале каникул, которые кажутся такими же бесконечными, как бездонное небо, или бесконечными, как сама жизнь.

За рощей белела церковь — как Белка ее сразу не заметила? — на верхушке игрушечной колокольни золотой каплей сияла маковка. От церкви змеился проселок, Белка разглядела крыши деревни, кукольные домики рассыпались по пологому берегу реки. Долетел звук — Белка прислушалась. Что это? Ей почудилось, что кто-то зовет ее. Эхо прокатилось по полям, она ясно различила:

— Ау! Соня! Соня Белкина, ау!

У Белки перехватило дыханье, она сглотнула, отчего-то слезы выступили на глазах.

— Ау! Соня, ты где?

Она нагнулась, посмотрела вниз. Холм обрывался пропастью. Ее босые ноги стояли на самом краю, тут трава была сухой и щекотной, в ней вовсю звенели кузнечики. Белка беспомощно оглянулась, маки сочувственно качали красными головами.

Из дальнего угла сознания долетел другой звук — тревожный, нервно крутящийся, как злая юла. Слабый, не громче осинового зуда, он стал постепенно расти и приближаться. Белка узнала звук патрульной сирены.

— Ау! — доносилось с лугов. — Ау-у!

Эхо плыло над бескрайними полями, скользило по тихой речке, путалось среди прозрачных берез и нежно таяло в лазоревом небе. Белка зажмурилась, вдохнула полной грудью, развела руки в стороны и смело шагнула вперед. Ничего страшного не случилось, ее тело оказалось легче пуха, легче зефирных облаков — теплый воздух упруго подхватил ее и понес.

Сирены вьли совсем рядом, но это уже не имело ни малейшего значения — Соня Белкина уносилась все дальше, все выше в летнюю

синеву, оставляя позади бессмысленный вой полицейских сирен, шоссе номер Девятнадцать, а вместе с ним и весь штат Аризона, с его городами, тюрьмами, луна-парками, дворцами правосудия и прочей чепухой, выдуманной несчастными и вконец запутавшимися существами, доживающими свой век на этой, в целом не такой уж скверной, планете.

Вирджиния-Вермонт 2014

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОПАСНЫЕ ОМУТЫ

Бочков Валерий Борисович
МЕДОВЫЙ РАЙ

Ответственный редактор *Е. Варванина*
Младший редактор *А. Семенова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Д. Горобец*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
BABAROGA, Elenamiv / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.07.2015.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «NewBaskervilleTC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 1500 экз. Заказ № 9801.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.ovotpk.ru, www.ооомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-82731-2

9 785699 827312 >

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Станки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (848) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14.

В А Л Е Р И Й

БОЧКОВ

родился и вырос в Латвии. Окончил художественно-графический факультет МГПИ в Москве. Профессиональный художник. Владеет русским, английским, немецким языками.

Проза Валерия Бочкова публикуется в журналах «Знамя», «Волга», «Новая Юность», «Настоящее время». Лауреат литературной премии «ZA-ZA Verlag» в номинации «Малая проза».

Победитель литературного конкурса «Московского комсомольца», лауреат премии «Русская премия» (Фонд Б.Н. Ельцина).

Сайт автора: WWW.BOSHKOV.ORG

Забудьте все, что вы знали о рае. Сюда попасть не так уж сложно, а выйти – практически нельзя. «Медовый Рай» – женская исправительная колония, в которой приговоренная к пожизненному заключению восемнадцатилетняя Софья Белкина находит своих ангелов и своих.. бесов. Ее ожидает встреча с рыжей Гертрудой, электрическим стулом, от которого ее отделяют ровно 27 шагов. Всего 27 шагов, чтобы убежать из Рая..

ISBN 978-5-699-82731-2

9 785699 827312 >

